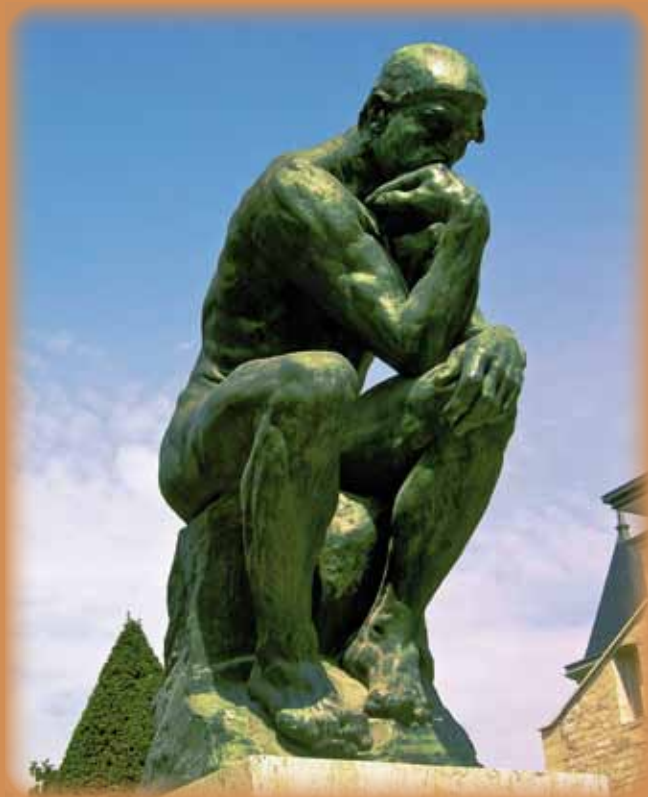

ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

Такое... и думы

Операция на открытом сердце

КЁЛЬН 2018

ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

Такое... и думы

Операция на открытом сердце

КЁЛЬН 2018

Я, разумеется, не сделаю открытия, если замечу, что жизнь человека представляет собой цепочку разного калибра событий, оставляющих в памяти зарубки, соответственно разной глубины. Есть эпизоды, о которых хотелось бы безвозвратно забыть, но они, как назойливая мошкара, пробиваются через прорехи в слабеющей памяти, и беспощадно жалят, вновь и вновь заставляя возвращаться к пережитому. И тогда приходится делать, как говорится, незнакомый цвет лица, припоминая более благополучные жизненные ситуации. И всё же по своей сути этот сборник является исповедальным, обнажая мои как позитивные, так и негативные пристрастия.

Если, блуждая по бесчисленным закоулкам Интернета, вы случайно натолкнулись на мой сайт (www.valzol.ru), то в нём можно обнаружить все мои книжки, в том числе и этот сборник рассказов и эссе с довольно широким, как мне кажется, диапазоном тем. По ним можно судить о проблемах или событиях, вызывавших и вызывающих у меня на протяжении последних лет неподдельный интерес и сложные эмоции, от ранящих до радующих сердце и душу. Некоторые из представленных новелл были взяты с незначительными доработками из моих прежних книг, но большинство текстов всё же увидят свет впервые. Между ними не следует искать единой, пусть даже призрачной, сюжетной канвы. Единственное, что, пожалуй, их объединяет – это имя автора.

В результате получилась такая солянка сборная (и не мясная, и не рыбная), а с литературным уклоном. Короче, ни рыба ни мясо. Не смог всё-таки удержаться. Что называется – «ради красного словца...». В подсознательной надежде на то, что в ответ услышу льстивые восклицания: «Ну, зачем же так?! Не так уж всё плохо. Много читается с интересом и даже с удовольствием!». Ладно. Пусть хотя бы так. «Хвалу и клевету приемлю равнодушно». Хотя, если без кокетства, то положительные отзывы куда как приятнее.

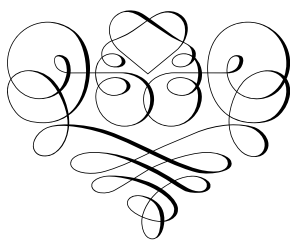
Однако на самом деле эти небольшие эссе были написаны вовсе не для того, чтобы услышать реакцию на них любого толка. Я делал это, наивно надеясь, что, излив на безгрешные листы бумаги мысли, не дающие мне покоя, удастся

хотя бы частично от них освободиться, но «не так сталося, як гадалося» (укр.). К сожалению, то, что тревожило настоящего и отзывалось душевной болью, никуда не ушло, а лишь обрело словесную форму. Зато тексты, описывающие события в мажорной тональности, хотелось бы надеяться, смогут вызвать у читающих их даже позитивные отголоски.

Когда, как мне показалось, сборник приобрёл необходимую плотность, и можно было уже переходить к вёрстке, наступил весьма мучительный период. Нужно было дать книжке название. В процессе работы над ней её рабочее название «Размышлизмы» меня несколько не смущало. Но, стоило мне обратиться к всезнающему гуглу, как тут же выяснилось, что под таким названием существуют и журналистские опусы, и фотоальбомы, и даже игровые форумы. Тогда возникло следующее, правда, несколько претенциозное наименование «Подумать только...». Но и тут афронт. Меня обошёл сам Михаил Веллер, который имеет на «Эхо Москвы» одноимённую передачу. Последнее из рассматриваемых мною названий для книги было – «Всяко-разно», от которого также пришлось отказаться. Оно показалось совсем уж легкомысленным. Так возникло бесхитрое название «Такое... и думы». Уверен, что даже самые привередливые знатоки русской словесности мне простят этот перепев наименования выдающейся мемуарной хроники Александра Герцена «Былое и думы». Я решил, что такое название позволит объединить тематически разрозненные тексты в единую цепочку плодов моего беспокойного подсознания.

В визуальном материале, приведенном в текстах, не следует искать выдающихся художественных достоинств. Он несёт за малым исключением лишь информационную нагрузку. Кроме того, эти рисунки и фотографии способны оживить монотонность текста. К тому же, вынужден признаться, что большинство использованных в книжке иллюстраций было беззастенчиво взято мною из могущественного Интернета. Так, к примеру, новеллу «Старость» мне захотелось дополнить репродукцией картины художника Леонида Баранова из его серии «Дед и баба». Исключением является лишь коллаж (детище фотошопа), исполненный моим другом Владимиром Смирновым к эссе «Паутина».

Ехать надо

Сегодня, пожалуй, уже и не вспомнить, кто в семье впервые произнёс: «А не уехать ли отсюда к такой-то матери?!». Помню только точно, что это был не я. Активными проводниками этой идеи стали муж сестры и моя жена Наташа. Этому способствовали манящие письма Наташиной бывшей сослуживицы и приятельницы Ани, которая к тому времени вместе с семьёй уже около двух лет жила под Леверкузеном. Она очень хотела, чтобы мы, точнее, чтобы Наташа оказалась рядом. В её письмах, изобилующих вполне понятной эйфорией от ярких красок новой жизни, было достаточное количество привлекательных доводов, которые в конечном итоге не могли не повлиять на принятие окончательного решения. И хотя при этом я чувствовал себя Козлевичем, охмуряемым ксёндзами, пал и мой последний бастион. Надо сказать, что жизнь в Украине начала девяностых превратилась в постоянно действующую головоломку. Менялись не только бытовые условия, разумеется, к худшему, но и ежедневно, как в калейдоскопе, менялись в «незалежный» законы, которые просто загоняли страну в тупик. И мы, работающие в то время на достаточно ответственных должностях, приходили в отчаяние от необходимости внедрения этих поспешно состряпанных законов в жизнь.

Люди получали зарплату мешками пустопорожних бумажек, на которые ничего толком нельзя было купить. Прилавки ощеривались на покупателей своими пустыми внутренностями, как беззубые стариковские рты. Чтобы купить бидончик молока, без которого не могла обходиться Наташина мама, я бежал в 5 утра к ларьку, где меня встречала замёрзшая агрессивная очередь более проворных соседей. И сегодня без тошноты не могу вспоминать синюшных цыплят-задохликов, больше похожих на какие-то бракованные изделия химической промышленности, чем на порождение матушки-природы. Напрочь исчезли такие слова, как приобрести или купить. Их естественным образом заменили – раздобыть или достать. На улице можно было встретить раздумяившегося, с горящими глазами, прохожего, победоносно вырвавшегося из объятий разбушевавшейся очереди, с гирляндой на шее, как у почётного гостя Индии,

из бледно-розовых рулонов туалетной бумаги.

Всеобщую зависть вызывали люди, отоварившиеся по благу и несущие заманчивые пакеты, из которых нагло торчали палки сырокопчёной колбасы. Банка растворимого индийского кофе служила надёжной ходовой валютой и открывала путь к сердцу самой неприступной женщины. А что собой представляли дворы и подъезды?! Страшно вспоминать. Обшарпанные стены, грязь, зловонные гниющие мусоросборники, неработающие лифты и перманентный ремонт коммуникаций, точнее его имитация, лишаящий на долгие месяцы жителей горячей воды, а иногда и холодной. Но самое ужасное, что ко всему этому мы вынужденно привыкли, а многое даже перестали замечать. И вот на таком нешуточном фоне пророчески прозвучало: «ЕХАТЬ НАДО!».

Мы прошли долгий и нелёгкий путь до принятия окончательного решения. Для меня определяющим моментом оказалось ситуация, при которой ежедневно меняющиеся законы лишали возможности (в то время я возглавлял НПО) платить зарплату своим сотрудникам. Было стыдно смотреть людям в глаза. Но, когда решение было принято, всё закрутилось в головокружительном темпе. Мы стали частью чудовищной очереди к немецкому посольству, чтобы получить бланки заявлений и анкет для выезда на ПМЖ в Германию. Эта очередь имела все необходимые признаки мерзостей той нашей жизни. В частности, отсутствие в очереди даже элементарного её обустройства и порядка. Люди томились под палящими лучами солнца, мокли под затяжными дождями, превращались в снежных баб во время зимнего ненастья. В толпе распространялись странные слухи о взяточничестве в стенах посольства, о выборочно предвзятом отношении к несчастным очередникам могущественного консула Германии в Украине господина Курта Шатца. Надо заметить, что спустя несколько лет он был снят с работы, став одним из фигурантов по делу о незаконном оформлении въездных виз в Германию. Вдоль очереди по-хозяйски расхаживали подозрительные типы, предлагая растерянным людям за соответствующее вознаграждение

стремительное продвижение по очереди и даже официальные посольские бланки. Мы, преодолев все стадии нерво-трёпки, всё же отстояли эту очередь, сдали все необходимые документы, продолжая жить и работать в ожидании решения немецких властей. Как ни странно, решение пришло достаточно быстро.

С этого момента началась интенсивная подготовка к отъезду. Учитывая то, что, несмотря на относительно успешные карьерные судьбы, нам ничего не удалось накопить, как говорится «на чёрный день», первоочередной задачей стала продажа всего, что можно было продать, чтобы въехать в новую жизнь не совсем голыми и босыми. Главными лотами на нашем импровизированном аукционе стали: приватизированная двухкомнатная квартира, хата в селе и машина «Таврия». Правда, мы ещё наивно надеялись на выгодную реализацию нашей библиотеки. Однако жизнь показала, что в те годы людям было не до книжек. Для многих людей в Украине ситуация соответствовала названию одного из популярных романов Юлиана Семёнова – «Приказано выжить». Поэтому большая часть нашей домашней библиотеки была спущена за бесценок.

Подготовка к отъезду набирала темп. Судорожно искались покупатели. Параллельно мы легкомысленно, как показало самое ближайшее будущее, учили немецкий язык. Нас сватали брать уроки у бывшего военного переводчика Марка Иосифовича, милейшего пожилого еврея. Жил он на Сырце в маленькой квартирке, которую мы заполняли собой до отказа. Он всякий раз радостно встречал нас в дверях, пожимая каждому своей пухло-рыхлой рукой наши робко протянутые руки, и гостеприимно произносил по-немецки: «Treten Sie bitte ein! Legen Sie bitte ab!», что означало входите и раздевайтесь. Из нас пятерых эти уроки дали какой-то результат, если не считать самого учителя, пожалуй, только племяннику – самому молодому и усердному. Что же касается меня, то я самонадеянно считал, что новый язык покорится столь же легко, как покорялось мне до сих пор многое в жизни. Но «факир был пьян, и фокус не удался». Ни старания Марка Иосифовича, ни последующие языковые курсы уже в Германии

нужных результатов не дали. Очевидно, всё дело было в отсутствии необходимых способностей к изучению языков и нашей занятости. Кроме того, этому не способствовал и возраст, что скорей всего и стало решающим фактором.

А пока мы продолжали заниматься продажей нажитого за всю нашу жизнь. Продажа квартиры осложнялась определёнными объективными трудностями. В стране бардак, деньги обесценены, основная масса людей просто бедствует. Соответственно цены на недвижимость упали до смешотворных величин. Но даже те деньги, которые нам удалось получить, мы посчитали удачей. А сегодня такая квартира легко ушла бы за сумму, в 3-4 раза превосходящую полученную нами. Свою «Таврию», дав объявление в газете, я загнал, обливаясь слезами, за жалкую порцию, как говорили, условных единиц, которые стыдливо заменяли тогда слово «доллар».

Следующим и, пожалуй, самым болезненным было расставание с нашей деревенской хатой. Весной 1989 года мы купили в ста километрах от Киева по Бориспольскому шоссе небольшой участок земли рядом с лесом, на котором стояла столетняя деревенская хата, сразу покоровившая наши городские рафинированные сердца. Это был деревянный дом с глинобитным полом, разделённый сенями на две части. При входе слева находилась жилая комната площадью более 60 м² с большой русской печью, на полатах которой могли разместиться до четырёх человек. При входе справа на некотором возвышении над полом было ещё два помещения примерно по 20 м², которые в дальнейшем служили мне складом и мастерской. Мы с нетерпением ожидали конца недели, чтобы в пятницу после работы вырваться из городской суеты и добраться до СВОЕЙ хаты. Это странное чувство собственника, совершенно неведомое прежде, овладело нами с какой-то безумной радостью. Уже подъезжая к деревне, мы дружно запевали: «Вот моя деревня, вот мой дом родной».

Жена очень быстро создала в нашей жилой комнате ощутимый домашний уют. Но главная работа была, разумеется, на участке. Наташа героически выиграла нешуточное сра-

жение у густых зарослей терновника, освободив значительную часть участка под фруктовые деревья. Мы посадили яблони, груши, вишню и даже три ореховых деревца. Ежегодно в охотку работали в огороде, который дарил нам свежую зелень и замечательную картошку. В первый год у нас картошка родила так, что даже старожилы, как говорится, такого не упомнили. Правда, надо сказать, что пахали мы там, «как за растрату». Это была любимая поговорка Игоря, мужа нашей подруги, которые купили соседний с нами дом на год раньше и уговорили нас сделать тоже самое.

А получилось это следующим образом. В конце 1988 года Наташа побывала в гостях у своей подруги Ларисы в Америке, откуда она привезла видеомэгнитофон фирмы JVC, который нам удалось продать и за эти же деньги (сегодня в это трудно поверить) купить автомобиль «Запорожец» последней модели, называемый в народе «мыльницей». Как это ни странно, мы очень любили эту консервную банку.

О том, как у нас появилась «Таврия» хочется рассказать особо. В то время я работал в должности главного инженера в одном из конструкторско-технологических учреждений Киева. Однажды меня вызвал к себе директор. В кабинете у него сидел весьма импозантный мужчина, который оказался заместителем генерального директора Запорожского автозавода, уже приступившего к серийному выпуску, кроме «Запорожца», нового автомобиля – «Таврия». Мы перешли с гостем для дальнейших переговоров в мой кабинет. Оказалось, что им от нас нужна была какая-то, сейчас уже не помню какая именно, срочная конструкторско-технологическая разработка. При выполнении нами проекта качественно и в срок завод гарантировал выделить нашему институту десять «Таврий», правда, самовывозом. Можете себе представить, что началось в организации. Борьба развернулась нешуточная. Не брезговали ничем. В ход шли сплетни, слёзы, доносы и прочие, как сейчас говорят, грязные технологии. Объединённые заседания парткома и профкома проходили напряжённо с утра до вечера. Перечень предполагаемых счастливиц менялся, как в калейдоскопе. Однако окончательное решение принималось на заседании

Совета трудового коллектива. Тогда на волнах перестройки была такая ханжеская форма якобы народного управления предприятием, а я к тому же являлся председателем этого Совета. Как можно было легко предположить, в утверждённом списке оказалась и моя фамилия. Теперь оставалось сделать всё, что требовалось от нас – разработчиков, и ждать сигнала с завода, когда нужно приезжать за машинами.

Шло время, и накал страстей постепенно угас. Организация работала в нормальном режиме, а я находился в очередной командировке в Москве, когда вечером раздался звонок от Наташи. Она сообщила, что позвонил директор и сказал: «Послезавтра утром надо быть в Запорожье». Понятное дело, я в ту же ночь выехал в Киев. Заводчане нас предупредили, что перегон машин таит определённые дорожные опасности. Они посоветовали ехать в машине как минимум, вдвоём, а ещё лучше караваном. Я же был вынужден собираться, что называется, «с корабля на бал». Мне не удалось найти никого, кто мог бы поехать со мной. И только уже на месте я понял, как легкомысленно с моей стороны было пускаться в путь в одиночку. Поскольку в нашем десанте я был старшим по должности, мне пришлось переждать, пока все получают свои машины. Правда, утешало то, что уже знакомый мне заместитель генерального директора ЗАЗа пообещал выкатить для меня автомобиль ручной сборки и дать на перегон его в Киев аса-водителя, бывшего испытателя машин, который запросил вполне терпимую плату за свою работу. Пока я терпеливо ожидал своей очереди, ко мне дважды подходили мужики с откровенно криминальной внешностью и настойчиво предлагали за машину две и даже две с половиной цены. После моего очередного отказа они нехотя отходили, повесив на меня свинцовые взгляды, порождающие в душе отвратительный осадок – липкий страх. Наконец Пётр, так звали обещанного водителя, выкатил мою аквамариновую красавицу, и мы поехали. По дороге я рассказал ему об этих тревожных предложениях, от которых мне пришлось отказаться. Он спокойно, пожалуй даже слишком, объяснил, что это банды из Прибалтики, что наверняка у нас теперь будут проблемы в дороге, но он уверен в себе, что, справедливо-

сти ради доказал на практике. Погоня была как в дешёвом триллере, с попытками перекрывать нам путь, с выдавливанием на обочину и даже со стрельбой. Я сидел на пассажирском сидении, обмирая от страха и обливаясь холодным потом. Петру, судя по всему, некогда было бояться. Благодаря его мастерству водителя нам всё же удалось уйти от преследования. Около двух часов ночи мы добрались домой. Так я стал счастливым обладателем «Таврии». И вот приходилось с ней расставаться. Я дал короткое объявление в газете, и уже через неделю машину у меня купили. Тогда ещё советский автопром был в дефиците.

Теперь можно вновь вернуться к расставанию с нашей хатой. Справедливости ради надо сказать, что нашими правопреемниками по даче стали очень милые пожилые люди. Там всё сделанное к тому времени нашими руками им очень понравилось. И фруктовый сад, и огород, и даже интерьер комнаты. Уже живя в Германии, мы с некоторым страхом ожидали наступления тяжёлой депрессии, связанной с обязательной ностальгией. Но, к счастью, эта болезнь нас обошла стороной. Никакой ностальгии не было. Мы скучали лишь по оставшимся в Киеве, Москве и Ленинграде нашим близким – друзьям и родственникам. Нам не хватало как воздуха почти привычного ежедневного общения с ними. А ещё мы тосковали по нашей хате, по этой простой природе, по упоительному воздуху и даже по каторжному сельскому труду, хотя нас никто и не неволил. А что уж говорить об ужине за общим столом после трудового дня! Холодная водочка, замечательная закуска и приятная компания. Я банально традиционно произносил тост: «Лехаим, бояре!», который всё тот же Игорь воспринимал как: «Лакаем, бояре!» Это был незабываемые посиделки под звёздным августовским небом!

Итак, главные финансовые вопросы, насколько в то время это стало возможным, были решены. Осталось оформить, как следует, все необходимые выездные бумаги и документы. Мы проделали массу бессмысленной и дорогостоящей работы. «Всезнающие» люди, а давать советы охотников всегда пруд пруди, нас без труда убедили, что все вывозимые

официальные бумаги должны быть переведены на немецкий язык и заверены нотариально. Как выяснилось позднее уже в Германии, часть документов была вообще не нужна, а остальные требовали перевода и нотариального акцептирования местных переводчиков и юристов. Так приобретался наш собственный эмигрантский опыт.

Оставшееся до отъезда время мы расходовали по-прежнему на имитацию (не могу себе этого простить) интенсивного изучения немецкого языка, на встречи-расставания «со слезами на глазах» с близкими нам людьми и на подготовку вещей, как нас убеждали всё те же всезнайки, без которых просто невозможно было начинать иммигрантскую жизнь. Нас познакомили с неким молодым человеком, который за 200 долларов гарантировал беспрепятственное прохождение нашего контейнера со всем находящимся в нём барахлом через таможду и соответственно через границу. За что платили эти деньги? Чего боялись? Разве что, как говаривал Иосиф Аримафейский, «страха ради иудейски». Нас пугали, и мы послушно пугались.

В конечном итоге мы заказали на две семьи один контейнер, который не смогли заполнить даже наполовину. В частности, мы отправили в нём в Германию пару сотен любимых книг и четыре чешских книжных полки, две коробки с посудой и столовыми приборами, две коробки с инструментом и метизами, несколько коробок с постельным бельём, две-три упаковки с самыми лучшими носильными вещами (?) и картинки, висевшие у нас в Киеве на стенах и не представляющими какой-либо художественной ценности, задачей которых было осуществлять преемственность между прошлым и будущим.

По приезде в Германию выяснилось, что постельное бельё имеет совершенно иной стандарт, зимы в Кёльне заметно теплее киевских и к тому же бесснежные, автомобили не требуют собственноручного ремонта, а, следовательно, инструмент ни к чему, плиты в кухнях электрические, что предполагает несколько иное кастрюльное хозяйство. Поэтому большая часть отправленного в Германию нам ни разу не пригодилось и, в конечном счете, была передана назад в

Киев в качестве гуманитарной помощи семействам Наташиных родственников. Сегодня от всего привезенного из Киева у нас остались картинки, которые видимо размножились за счёт местных авторов и подарков от друзей, и бережно хранимые книги, стоящие за стёклами всё тех же чешских полок.

Пока же всё ближе и ближе становился день отъезда. Поскольку оставалось ещё достаточно много вещей, тоже просящихся за границу, ехать решили автобусом. Только у нас было 11 мест. Сейчас трудно представить себе, что в них было понапихано. Ясно было лишь одно, что без всего этого нам не прожить и дня. Отъезд был назначен на 3 января 1994 года. Пошла черед отвальных и прощаний. Сослуживцы, друзья, родственники. Всё это было очень сердечно, тепло и трогательно, но требовало больших душевных усилий. Тяжелее всего были расставания с нашими могилами на Байковом кладбище.

Новый Год мы отпраздновали в окружении ближайших родственников и друзей. Царило странное настроение. Это была смесь неподдельной грусти, предотъездной лихорадки и эйфории от ожидаемого. Спустя два дня на площади Победы, откуда отходил наш автобус, собралась целая толпа провожающих. В этот день в Киеве была ужасная погода. То ли минус, то ли плюс, то ли поздняя осень, то ли ранняя весна. Что угодно, только не зима. Под ногами чавкающая каша грязного полурастающего снега, а с неба непрерывно сыпался то ли дождь, то ли снег. Да и глаза у большинства были на мокром месте. В 9-00 автобус отъехал. Теперь нас ожидала новая жизнь с неведомыми нам законами и традициями, со своим новым бытом, новыми знакомствами, новыми впечатлениями и, как оказалось, с совершенно незнакомым языком. В автобусе, набитом до отказа бесчувственными чемоданами, сумками и коробками и на сплошном нерве вконец издёрганными эмигрантами, поначалу господствовало тягостное молчание. Но спустя уже час-другой люди стали разворачивать съестные запасы и откупоривать бутылки. А у нас с собой, разумеется, тоже было! И немало! Вместе с градусом постепенно повышалось настроение. Необъяс-

нимое чувство страха перед предстоящей встречей с границей постепенно теряло свои строгие очертания, вытесняясь вполне понятным алкогольным куражом. Люди легко шли на контакты, стали знакомиться друг с другом.

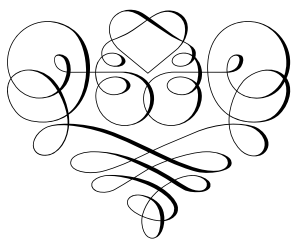
По мере приближения нашего экипажа к границе коллективный кураж начал заметно сдавать свои позиции. К вечеру мы оказались на месте. Там нас радостно встретила суровая украинская таможня. Они скомандовали вытащить из грузовых отсеков автобусов все бебехи для тщательного, но, естественно, не предвзятого досмотра. Полночи длилась унижительная процедура ковыряния чужими враждебными руками в наших вещах, которая в итоге для нас закончилась без потерь. Надо сказать, что двоих таможня не пропустила. В чём была проблема – неизвестно, но их высадили из автобуса. Можно представить себе, что пережили эти несчастные люди. А все остальные, получив чернильный след в паспортах и спешно запихав обратно свои перерытые вещи, вернулись в автобус. Под радостные возгласы мы пересекли украинско-польскую границу (по сути, всё ещё советскую). Польская таможня до обидного не проявила к нам никакого интереса, а их пограничники, сверив наши физиономии с фотографиями в паспортах и отщёлкав штемпельные отметки, отпустили с Богом. Снова забулькало в темноте и запахло малосольными огурчиками. Мы уже ехали по Польше. Люди успокоено задрёмывали. Постепенно в автобусе установилась тишина, изредка прерываемая разнообразными всхрапами.

Польско-немецкую границу прошли без особенностей, но уже на территории Германии в Ганновере вечером следующего дня мы обратили внимание на не совсем адекватное поведение наших водителей. Вскоре выяснилось, что наш автобус, а это был автобус знаменитой немецкой фирмы MAN, неожиданно потребовал срочного ремонта. Но осуществить это можно было лишь в их фирменной мастерской, которую битых два часа пытались отыскать наши шофёры. Мы кружили по ночному городу в каком-то странном вальсе, многократно проезжая одни и те же здания. Когда уже нам казалось, что этому кружению не будет конца, наши

водилы-удальцы въехали всё-таки под крышу нужной мастерской. Довольно быстро проблема была ликвидирована, и мы продолжили путь. Посреди ночи 5 января нас выгрузили в месте предварительного пребывания недалеко от Дортмунда в лагере Унна Массен. Всех прибывших, а нас оказалось 12 человек, разместили в одной комнате. Все были безумно уставшими и буквально валились с ног. Очень быстро разбрелись по кроватям и дружно захрапели. Утром сквозь стёкла окон тёплым дыханием нас разбудили солнечные импортные лучи. Я выскочил на улицу и не поверил собственным глазам. Передо мной стояли зелёные деревья среди цветущих сочных кустов. А прямо перед нашим двухэтажным зданием барачного типа радовали глаз ярким разноцветьем анютины глазки. Райские кущи, да и только! На термометре, висящем над входом, +15 градусов. Таким ярким аккордом встретила нас пугающая неизвестность иммигрантской жизни.

Кёльн, 2011 год

Наши в городе

Утро начинается с лёгкой реанимации. Зарядка, бритвё, водные процедуры и по горсти таблеток до и после завтрака. Во время бритвья невольно ловишь своё отражение в зеркале, а это зрелище не лучшее. Правда, уже давно перестал вздрагивать, но и удовольствия от того, что репродуцирует бесстрастная амальгама, не получаю.

И дело вовсе не в визуальном эффекте, а в тех неискоренимых признаках нашей ментальности, которую мы бережно (не растерять бы ни капли) вместе с ненужным бараклом перетащили с собой в иммиграцию. Мы щемяще узнаваемы, и нас, к сожалению, как внешне, так и поведенчески, очень мало изменили годы, проведенные в Европе. Мы, приехав сюда, в большинстве своём безъязыкие, окунулись в совершенно незнакомый мир, с другими традициями и законами, с иной культурой и языковой средой. При этом наша растерянность перед этой новой жизнью напрочь гасилась необъяснимой требовательностью, ключевыми словами которой были: «Вы нам должнь». А если так, то можно сидеть сложа руки и ждать, пока те, кого ты считаешь должниками, всё за тебя сделают.

Мы узнаваемы! Нас выдаёт настороженный взгляд, несущий к тому же потенциальную угрозу каждому встречному, и отсутствие даже лёгкого намёка на улыбку в самых, казалось бы, безобидных ситуациях. Не о нас ли в поэме М.Ю.Лермонтова «Демон» есть такие строчки: «И всё, что пред собой он видел, /Он презирал иль ненавидел»?

Кроме того, система изучения иммигрантами немецкого языка, заботливо организованная государством, увы, оказалась на первых порах малоэффективной. Зато первое слово, самостоятельно освоенное многими, было: «kostenlos?», или по-русски «бесплатно?», разумеется, с вопросительным знаком. Второе слово пришло само. Оно звучало на улице и в транспорте, в магазинах и даже в учреждениях. Это слово – «scheiße» (произносится «шайсе»), что означает по-русски «дерьмо». И вот уже оно готово было и у нас сорваться с языка, что порой приводило к забавным ситуациям. Нам на курсах преподавали, разумеется, «hochdeutsch», что в прямом переводе означает «высокий немецкий» или немецкий

литературный язык. Но в Кёльне, как известно здесь живущим, господствует особый кёльнский диалект, так называемый кёльш, базовой особенностью которого является замена буквы «х» на букву «ш». Поэтому со всех сторон слышится шипение, как в переполненном террариуме. И это шикарное шикающее произношение почему-то сразу прилипало к тем нескольким словам, которые нам удавалось произносить, и мы вставляли куда эту шипящую надо и не надо. Скажем, при знакомстве представляешься: «Меня зовут Валерий», что по-немецки звучит так: «Их хайсе Валерий». Но мы бодро, даже с некоторой бравадой, произносим на кёльнском диалекте: «Ишь шайсе...», чем доставляем аборигенам исключительное удовольствие.

Наши люди привезли с собой не только прежние привычки, и вкусы, но и многие вещи из прошлой жизни, с гордостью говоря: «Что ты! Мы приехали во как упакованные! До конца дней хватит!»

Вот и ходят по улицам Кёльна земляки, «шикарно» одетые по советской моде 60-70-х годов. Ещё попадаются мужчины в бостоновых костюмах и габардиновых плащах,

в чешских ботинках фирмы «Батя», которым сносу нет, и в буклированных кепках-ленинградках. Но особенно я радуюсь при встрече с дамами в пышных мохеровых беретах с начёсом ядовито-зелёного или альковно-розового цвета. Должен признаться, что я ещё с трудом сдерживаюсь, чтобы не касаться чего-либо ниже пояса.

Мы очень узнаваемы, потому как очень важные! Среди приехавших в Германию практически нет рядовых. Все в прошлой жизни были большими начальниками. Создаётся такое впечатление, что вузы СССР выпускали сразу главных инженеров, директоров, ну на крайний случай заведующих отделами. Бывшие научные работники из кандидатов наук здесь автоматически превращаются в докторов и даже в академиков каких-то общественных академий. А уж лауреатов всяческих возможных, а чаще невозможных, премий – просто пруд пруди.

Пишущие прежде лишь незатейливые тексты в стенные газеты позиционируют себя не иначе как известными литераторами. И пусть бы себе тешились этой мягко говоря завышенной самооценкой, но они требуя к себе соответствующего отношения. С этим приходилось неоднократно сталкиваться, когда мы выпускали газету «Круг».

Не правда ли, мы очень узнаваемы! А что уж говорить об актёрской братии – мало не покажется. Диапазон театральных (читай охотничьих) баек простирается до самых оскароносных сверкающих вершин, откуда совершенно уже не видны роли типа «шум падающего тела за сценой». Конечно, это не может не вызывать улыбки, но, к сожалению, улыбки грустной. Зачем цепляться за прошлое, пусть оно даже самое хорошее и светлое? Оно было, и о нём нужно с благодарностью помнить. Но зачем нести в новую жизнь старое постельное бельё и не реализованные иллюзии?

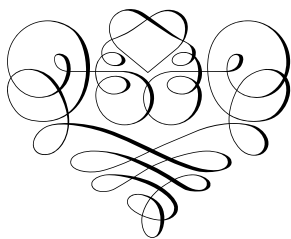
Да, мы действительно узнаваемы, но не только за счёт багажа (в прямом смысле этого слова) нашей прошлой жизни, а главным образом благодаря тому, что сюда приехали в большинстве своём образованные, любознательные и интеллигентные люди. Да, пока мы ещё не достаточно владеем немецким языком – языком страны, гостеприимно

принявшей нас, но не надо забывать, что мы являемся носителями великой русской культуры, что несомненно представляет интерес и для немцев. И очень бы хотелось, чтобы нас узнавали именно по этим бросающимся в глаза чертам, а не по атавистическим рудиментам от прошлой жизни.

Наша диаспора имеет своё привлекательное, неповторимо-индивидуальное лицо. Мне кажется, строчки Евгения Баратынского сегодня для нас звучат актуально пророчески: «Но поражен бывает мельком свет / Ее лица необщим выражением...».

Кёльн, 2010 год

Я беженец,

Два десятилетия тому назад мы прибыли в Германию в статусе контингентных беженцев. Признаться мне тогда, да пожалуй и сейчас, не совсем понятно, что означает этот термин. Однако согласно немецкому законодательству причастность к этой категории людей давала возможность беженцам из кризисных регионов мира, к которым с полным правом относились и постсоветские государства, получить право на ПМЖ в Германии. Ими являлись также лица еврейской национальности и члены их семей.

Окончательное установление статуса и механизма приема еврейских беженцев из СССР было принято на конференции премьер-министров всех земель Германии, состоявшейся в Бонне 9 января 1991 года. Таким образом, за 25 лет в ФРГ въехало по этому закону свыше 210 тысяч человек.

В те годы председателем Центрального совета евреев Германии был Хайнц Галинский, который на протяжении нескольких лет настойчиво вёл переговоры с руководством Германии о возможности приёма на постоянное место жительства евреев из СССР, испытывающих на себе усиливающийся в стране антисемитизм. В итоге Галинскому удалось заключить своего рода «гуманитарный пакт» с тогдашним бундесканцлером Гельмутом Колем, причем стратегической целью Галинского была попытка возродить еврейство и еврейскую жизнь в самой Германии.

Статус контингентного беженца в Германии гарантировал бессрочный вид на жительство, право на жилище, разрешение на трудовую деятельность, а в случае невозможности найти работу – право на социальную помощь, подразумевающую и бесплатную медицинскую страховку.

В начале 90-х годов прошлого столетия у евреев бывшего СССР была возможность эмигрировать в Израиль, США и Германию. Мы, я думаю, как и все, долго и тщательно взвешивали все «за и против» и в конечном счёте остановились на Германии. Причины были достаточно просты. Отъезд в Америку нам представлялся невозможным из-за огромного почти непреодолимого (в том числе и по финансовым соображениям) расстояния до родных могил, а переезд в Израиль нами был исключён из-за того, что мы себя совершенно

не представляли интегрированными в восточные ментальность и культуру. В то время, как законы и традиции европейской цивилизации нам были абсолютно близки и понятны. Это, пожалуй, касалось всех сторон жизни. Схожесть климатических условий позволяла не изменять своим пусть и не существенным стандартам многосезонного гардероба. Привычная еда, разнообразить которую при желании можно было за счёт богатой палитры национальных блюд европейских стран. Наконец самое основное, здесь в Германии мы оказались практически в шаговой доступности не только от географии нашей прошлой жизни, но получили ещё и возможность увидеть достопримечательности многих европейских городов.

Возможности, которые нам давал статус беженцев, мы принимали с чувством искренней благодарности к современному немецкому государству, стараясь придерживаться правил и, разумеется, законов этой страны. К сожалению, возраст и слабое знание немецкого языка не позволили нам по-настоящему интегрироваться в немецкое общество, стать законными налогоплательщиками принявшего нас государства. Поэтому мы всячески старались приносить пользу хотя бы своей общественной деятельностью.

История приёма Германией беженцев из кризисных районов планеты насчитывает уже около 30-ти лет. И не удивительно, поскольку Германия среди основных европейских стран по целому комплексу причин безусловно является наиболее привлекательным местом для мигрантов из неблагоприятных стран Африки, Азии и Европы. Во второй половине 80-х годов прошлого века обострение отношений между албанцами и сербами предопределило поток беженцев из Югославии, а катастрофическая ситуация в экономике Румынии спровоцировала массовую иммиграцию и оттуда. А уже в начале 90-х Германия в рамках немецкого законодательства о перемещённых лицах и беженцах стала принимать так называемых поздних переселенцев, то-есть этнических немцев из республик распавшегося СССР. По экспертным оценкам до 2015 года в страну въехало по разным квотам свыше трёх миллионов мигрантов. Прибывшие

стали достаточно быстро интегрироваться в немецкое общество, став его важной и законопослушной составляющей.

2011 год был окрашен цветами так называемой арабской весны. Протестная стихия захлестнула большинство стран Северной Африки, Ближнего Востока и часть государств Южной Азии. Войны и вооружённые религиозные конфликты привели в конечном итоге в этих регионах к политической дестабилизации и краху экономики. Так постепенно стали образовываться миграционные потоки в европейские страны, которые с каждым годом усиливались и достигли своего апогея в 2015 году.

Неуправляемая волна беженцев из Сирии и Туниса, Эритреи и Иемена, Сербии и Пакистана и других стран захлестнула Европу. Псевдодемократическая сентиментальность канцлера Германии госпожи Меркель увлажнила её светлые очи и она с распростёртыми объятиями приняла эту волну, допустив её разрастание до размеров чудовищного цунами, сметающего на своём пути традиционные европейские ценности.

В результате к концу 2015 года Германия приняла около

миллиона беженцев – выходцев из разных стран. Это были преимущественно здоровые молодые мужчины в возрасте от 20 до 40 лет, вполне обеспеченного вида, оснащённые современными гаджетами. Они производили впечатление предварительно хорошо проинструктированных людей, знающих, что надо не просить, а требовать. Они всем своим видом выражали недовольство предоставленными им условиями обитания. Величиной социальной помощи, жильём, немецкой кухней и даже сложившимися веками светскими и религиозными канонами. Для них, как выяснилось, были чужды законы и вековые традиции страны, гостеприимно распахнувшей перед ними свои двери. Невольно напрашивается простой риторический вопрос – если всё это вам так чуждо и нестерпимо, не лучше ли было искать убежище в странах с привычными ценностями и идентичной ментальностью.

Можно с уверенностью предположить, что условия приёма беженцев были далеки от идеальных, но никто же их не уговаривал сюда приезжать. Это был их выбор. К сожалению, эта «пустыковая» деталь очень быстро уходила в тень. А всего-то нужно было немного потерпеть, постепенно приспособляясь к новым жизненным обстоятельствам, как это делали все мигранты предыдущих лет. Но они (разумеется не все) считали, что нужно получить всё и сразу. Причём на своих условиях. Хотя испокон веков было известно, что «со своим уставом в чужой монастырь не ходят».

Новые беженцы свободно и бесконтрольно разбредались по всей стране, не пренебрегая для переездов из города в город даже услугами такси (!). Они пополняли собой и без того многочисленные преступные группировки, действующие на территории европейских стран.

Изменения, произошедшие в Германии с момента нашествия беженцев, стали заметны невооружённым глазом. Это можно было увидеть не только в полицейских отчётах, но и непосредственно по ситуациям в транспорте и в магазинах, просто на улицах и на неконтролируемых просторах интернета. В крупных городах появилась неожиданная игра-забава: кто во время прогулки в людном месте по внешнему

виду насчитает больше коренных жителей.

К сожалению, из-за неконтролируемого наплыва мигрантов Германия всерьёз столкнулась с многочисленными нарушениями правопорядка. На фоне повсеместной пропаганды безудержной демократии и толерантности страницы криминальной хроники переполнялись отчётами о массовых драках и грабежах, убийствах и изнасилованиях. В стране стали процветать фирмы, выпускающие решётки на окна, стальные двери и надёжную охранную сигнализацию.

Как показала действительность, в ряды так называемых беженцев были тщательно внедрены боевики военной группировки ИГИЛ. По оценке экспертов, занимающихся глобализацией терроризма, на территорию Европы уже проникли десятки тысяч обученных исламистских радикалов и джихадистских миссионеров, предназначенных для выполнения конкретных диверсионных заданий. Можно вполне определённо утверждать, что под Европу, и в первую очередь под Германию, заложена бомба замедленного действия огромной разрушительной силы.

Теперь хотелось бы привести актуальные зарисовки по рассматриваемой теме.

* * *

Лагеря и пункты приёма беженцев. Толпа в ожидании прибытия гуманитарной помощи. Появилась колонна грузовиков. Тысячи протянутых рук. Из машин выгружают картонные коробки с продуктами, одеждой и лекарствами. Но на упаковках стоит знак Общества Красного Креста. Толпа существенно редет.

* * *

В городской автобус входит темнокожий молодой человек со стаканчиком кофе. Начинает потихоньку прихлёбывать. Стоящие рядом пытаются ему объяснить, что в общественном транспорте нельзя это делать. Показывают на предупреждающий красочный плакат. В ответ разыгрывается сцена полного непонимания и презрительная ухмылка на закуску. При очередном торможении автобуса – кофе фонтаном выливается на стоящих рядом пассажиров.

* * *

В один из дней карнавальная неделя я ехал в штрассенбане, по-нашему в трамвае, переполненном весёлой ряженой публикой. На одной из остановок в вагон вошёл хлипкий мужичонка восточной внешности весьма потрёпанного вида. Каждого, до кого он мог дотянуться, он толкал в бок или плечо и требовал дать ему 1 евро. Надо сказать, большинство, невзирая на праздничное настроение, ему отказывали, но всё же нашлись и сочувствующие. Приняв подношение, он быстро отправлял его в необъятные карманы своих спортивных штанов и переходил к следующему. На моих глазах один из пассажиров протянул ему пятёрку и тот, в это трудно поверить, дал ему 4 евро сдачи. На следующей остановке из трамвая вышло много народа, и возле меня освободилось место, куда тут же уселся попрошайка. Каково же было моё удивление, когда он без всякого стеснения, на глазах изумлённой публики, вытащил из «широких штанин» пачку денег и стал их пересчитывать. Я, скосив как лошадь глаз, из понятного любопытства стал считать вместе с ним. Когда мы подошли к рубежу в 250 евро, трамвай подошёл к моей остановке, и я вынужден был выйти.

* * *

Небольшой лагерь беженцев в Кёльне. Оборудован по всем правилам. Спальные места, отопление, электричество и необходимые санитарно-гигиенические условия. В некоторых организовано даже питание. Привозят и минеральную воду. Молодые люди бросаются к упаковкам с водой, открывают крышки и, даже не стесняясь посторонних взглядов, выливают воду под ноги на землю. Оказывается: воду можно пить из крана, а за каждую сданную бутылку дают по 25 центов.

* * *

Резкое увеличение городского населения больше всего ощущается в общественном транспорте. Молодые люди, весело и шумно говорящие на незнакомом языке, сидят на местах предназначенных старикам и инвалидам. Автобус переполнен. Но они и не думают никому их уступать. Если вмешивается кто-то из пассажиров, то чаще всего сидящие делают вид, что не понимают, о чём идёт речь.

* * *

Бассейн с термальными минеральными водами. Большинство посетителей пожилые люди, получающие в нём оздоровительные процедуры по прописи врачей. По правилам норм гигиены перед входом в лечебные ёмкости каждый обязан помыться под душем.

В бурлящее джакузи диаметром 3 метра, где уже сидят 6 человек, входит относительно молодая дама, одетая с головы до ног в нечто чёрное. Какая уж тут гигиена! На замечание уже сидящих – никакой реакции. Все вынужденно покидают kloкочущую ванну, провожаемые кривой улыбкой дамы в чёрном.

* * *

Особенности медицинского обслуживания. Женщины-беженки даже в достаточно критических по состоянию здоровья ситуациях категорически отказываются раздеваться перед врачами-мужчинами. Что уже говорить об отделениях акушерства и гинекологии.

Зато представители мужского пола, попав в европейскую больничную палату, порой забывают о своём заболевании,

распуская руки (и не только) при виде молоденького женского персонала среднего звена. Зачастую конфликт удавалось уладить лишь с помощью полиции.

* * *

В связи с появлением в общеобразовательных заведениях Германии многочисленных детей беженцев туда стали направляться указующие циркуляры, в которых рассказывалось, как следует вести себя со вновь прибывшими. В детских садах и школах родителям вручили инструкции, предписывающие серьёзные ограничения в одежде для девочек. Никаких юбок – только брюки. По сути ненавязчиво вводился мусульманский дресс-код для местных девочек.

* * *

Австрия. Декабрь 2015 года. Молодой мужчина, беженец из Ирака, получивший вид на жительство по программе интеграции, жестоко изнасиловал в туалетной кабине городского бассейна 10-летнего сербского мальчика. На суде насильник объяснил свой поступок незнанием языка (истязаемый им ребёнок выражал от стыда и боли протест истошными криками, но на незнакомом для него языке), а главным оправданием действий обвиняемого послужило его заявление, что «поддался соблазну», так как у «него четыре месяца не было секса». Судебные органы приняли это во внимание и отправили дело на следствие, посчитав доводы обвинения не достаточно убедительными. Может ли быть что-либо позорнее этой так называемой европейской демократии.

* * *

Весна 2016 года. Берлин. Район Маобит. Приют мигрантов. Беженец из Пакистана, заманив с помощью смартфона в укромный уголок 6-летнюю иранскую девочку, совершил над ней насильственные действия. Был схвачен на месте преступления. От суда Линча его спасла (а жаль!) лишь решительность охранников. Отец девочки, выхватив нож, бросился на насильника, но его застрелили полицейские, проявив, на мой взгляд, преступную непрофессиональность. Суд приговорил насильника к 20 месяцам условно... Торжество либеральных европейских ценностей! Хотелось бы знать, каков был бы приговор немцу?

* * *

Чудовищные события в новогоднюю ночь на Соборной площади в Кёльне. Традиционно в эту ночь вокруг Кёльнского собора собираются десятки тысяч жителей города с шампанским и разнообразной ручной пиротехникой в ожидании новогоднего боя часов. Царит всеобщая праздничная эйфория. Так было всегда, но не в ночь на 1 января 2016 года.

Тогда в Кельне около тысячи нетрезвых молодых людей «африканской и арабской внешности» совершили многочисленные нападения на женщин. Группы мужчин по 15 – 20 человек окружали незащищенную женщину, совершая откровенные сексуальные домогательства. Наглыми руками они добивались до интимных мест, оглашая воздух оскорбительными криками. Этот феномен на арабском языке называется «тахарруш». К тому же всё это ещё и сопровождалось кражами кошельков и смартфонов. На следующий день в полицию поступило более 120 заявлений о домогательствах, изнасилованиях, оскорблениях и грабеже. Подобные акции прошли не только в городах Германии, но и в Швейцарии, Франции и Финляндии.

Не вызывает сомнений, что эти омерзительные события не были случайными. Дерзость нападавших, несущая все признаки потенциальной безнаказанности, являла собой желание показать, кто в доме в ближайшее время может стать хозяином. Спустя несколько дней обер-бургомистр Кельна Генриетте Рекер не нашла ничего лучшего, как посоветовать женщинам не гулять поодиночке и держаться от незнакомцев «на расстоянии вытянутой руки». И это у себя дома!

* * *

Вот такая грустная картина нарисовалась на теле Европы, сердечно раскрывшей перед мигрантами свои комфортабельные объятия. Судя по всему вновь прибывшие получили здесь почти депутатскую неприкосновенность. Похоже это вскоре может привести к ситуации, которая сложилась в Америке в начале 90-х годов прошлого века, когда из лексикона было убрано слово «негр», а белому человеку стало все труднее устроиться на работу, поскольку в первую очередь брали «ущемленных в правах» афроамериканцев.

Сегодня Европа наводнена молодыми людьми так называемого призывного возраста, совершенно непроизводящими впечатление обездоленных тяготами войны и связанными с ней лишениями. Можно понять, когда от ужасов войны бегут женщины с детьми и беспомощные старики. Но совершенно невозможно представить, что из страны, переживающей тяжелейшие внутренние конфликты, убегают молодые мужчины, которые, на мой взгляд должны принять какую либо сторону и с оружием в руках добиваться её победы.

Вот уже несколько лет в Сирии идёт гражданская война. Воюют сирийцы с сирийцами. Думается, что далеко не всем в Европе понятно, кто и за что там борется. Но самим-то сирийцам, надо полагать, всё понятно. С одной стороны, это столкновение между правительственными силами и оппозицией, а с другой – непрекращающиеся религиозные войны между суннитами, шиитами и алавитами. Конечно, любые войны несут неисчислимые беды – гибель людей, голод и разруху. Но вновь и вновь возникает вопрос: не справедливее было бы остаться в своей стране для налаживания мирной жизни, чем бежать от проблемы в Европу в поисках лучшей жизни.

Не припомню случая, чтобы во время перманентной войны Израиля с окружающими его арабскими странами (будь-то объявленной или необъявленной – гибридной) появилась такая категория – беженцы-изрильтяне. Даже режет слух. Зато доподлинно известно, что израильские юноши девушки стремятся к службе в армии, причём именно в действующие части, чтобы иметь возможность в любой момент стать на защиту своей страны, своих детей и стариков.

Всё чаще на улицах городов Германии можно встретить людей, лица которых невозможно разглядеть. Это, на мой взгляд, в условиях тотального терроризма просто недопустимо. Вроде бы идёт женщина... А может быть и мужчина, как Абдулла в фильме «Белое солнце пустыни». И кто знает, что у неё (него) под паранджой – автомат Калашникова или пояс шахида. Или таким образом ненавязчиво в Европу внедряются правила мусульманского мира, вплоть до законов шариата.

Безусловно следует с уважением относиться к особенностям национальной одежды, как отражению вековых народных (религиозных) традиций. Как в известном анекдоте: «во-первых, это красиво!». А если серьёзно, то кому могут помешать украинские вышиванки или русские косоворотки, еврейские кипы или хасидские меховые шляпы, арабские куфия, хиджаб или тюрбан, но чадра или паранджа, закрывающие фигуру с головы до ног, оставляя лишь узкую прорезь для глаз, как бойницу в долговременной огневой точке, это не только тревожно, но, пожалуй, даже агрессивно дисконирует традиционной европейской ментальности.

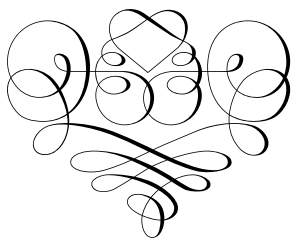
События, происходящие в Европе в последние годы, крайне обострили и без того напряженные отношения между мигрантами и коренными европейцами. Приверженцы ислама уже не одно десятилетие наращивают свое присутствие, а многие из них живут в Старом Свете уже не в первом поколении. Ислам уже является второй религией в Европе после христианства и при этом самой быстрорастущей. Сегодня число мусульман в Европе выросло с 30 млн. человек в 1990 году до 50 млн. в 2015 году. Из них 75% составляют сунниты, 7% – шииты, 13% – алавиты, а остальные – салафиты.

Если темпы роста сохранятся, а европейские лидеры не найдут путей для спасения европейских ценностей, то по прогнозам экспертов к 2100 году 25% жителей Европы будут исповедовать ислам. Но хуже всего-то, что удельный вес салафитов среди приверженцев ислама непрерывно растёт. А салафизм – самое радикальное мусульманское движение, готовящее непримиримых фанатиков джихада.

В результате может появиться новое геополитическое явление – массовые беженцы из Европы. Не хотелось бы дожить до этого.

Кёльн, 2016 год.

***В потёмках
языкознания***

На самом деле, речь здесь пойдёт о блуждании в потёмках языкознания. Ни для кого не секрет, что чем больше языков человек знает, тем он духовно богаче, причём в условиях современного мира это существенно вдвойне. Знание иностранных языков даёт возможность получать информацию из разных (это важно), порой противоречивых (ещё важнее), источников, что позволяет создать более полную картину по интересующему материалу. Кроме того, владение языками при пересечении государственных границ даёт зелёный свет возможности широкого общения и взаимопониманию между людьми. При этом достаточно одного или двух из общепринятых международных языков. А что уже говорить о полиглотках... Эти люди, разумеется, «товар» штучный.

Однако истории известны такие уникалы. Не могу отказать себе в удовольствии напомнить о двух-трёх наиболее выдающихся из них. Первой в истории женщиной-полиглотом, а может быть и единственной, была царица Египта Клеопатра. Она свободно владела более чем 10 древними языками, что справедливости ради следует заметить, не спасло её от трагической участи. Знаменитый американский певец Пол Робсон – обладатель редкого по красоте и глубине голоса (бас-профундо) знал не менее 20 языков. Но с особым пиететом и искренней грустью я называю имя недавно ушедшего из жизни видного лингвиста Вячеслава Иванова, человека феноменальной эрудиции, говорящего на всех европейских языках. Его блестящие исследования в области семантики были опубликованы в большинстве цивилизованных стран планеты.

Мне же в моей прошлой жизни вполне хватало прилично-го владения русским языком. Ненавязчивое преподавание английского языка в школах и институтах в условиях железного занавеса казалось тогда совершенно бессмысленной затеей (где же его применять-то). Да и метод преподавания был абсолютно формальным. Мы тупо сдавали десятки тысяч знаков (как правило, из газеты «Moscow news»), что удовлетворяло обе стороны. Общение же на украинском языке для нас жителей Киева практически не вызывало особых трудностей. Тем более, что в те годы в Киеве основным

языком общения был некий суржик – крутой замес из русского (преимущественно) и украинского языков с редкими включениями словечек на идиш. Психологически безотказно действовала аксиома: «Язык до Киева доведёт». А уж, каким он будет (вплоть до языка жестов) не важно. Лишь бы можно было понять друг друга.

Всё началось, когда мы неожиданно быстро получили разрешение на выезд в Германию. В надежде нагнать упущенное время, мы

попытались в авральном режиме начать изучение немецкого языка, хотя прекрасно понимали, что это было уже покушение с негодными средствами. Вся наша языковая беспомощность обнаружилось сразу уже при первом посещении продовольственного магазина в карантинном лагере Унна-Массен. В

панике, шурша страницами словаря, мы старались донести до смотревшей в недоумении на нас продавщицы, что именно хотели бы купить. Здесь не помогали ни наши выразительные голодные взгляды, ни требовательные указующие жесты, ни попытки призвать на помощь гипноз или телепатию. Продавщице нужно было лишь услышать название вожделенного продукта. Но этого-то как раз и не всегда ей удавалось добиться. И тогда приходилось, униженно поджав хвост, уходить ни с чем. В такие минуты душу разъедало чувство зависти к представителям фауны, которые могли общаться друг с другом не лингвистическим способом. Даже

волки, сделав стойку, своим немигающим взглядом могли передать визави без единого звука свою агрессивную волю или кровожадное желание. А тут, как собака, всё знаешь, всё понимаешь, а сказать не можешь. Вот уж действительно – «язык мой – враг мой», точнее его отсутствие.

Иногда можно было стать свидетелем, когда кто-то из вновь прибывших в крайнем раздражении, ставя ударение на каждом слоге, в десятый раз повторяет продавщице: «МО-ЛО-КО, МО-ЛО-КО...». Не добившись желаемого, он (она), с возмущением оглядываясь на окружающих, демонстрирует всем своим видом, дескать, казалось бы, чего проще. Тут, пожалуй, уместно припомнить один старый, но симпатичный анекдот. Идут двое по улице, а навстречу им бежит иностранец. С ним явно что-то не ладно. Подбегая к ним, он пытается у них что-то спросить на разных языках: «Do you speak English? Sprechen Sie Deutsch? Parli italiano?» Те в ответ только пожимают плечами. Иностранец, махнув в досаде рукой, убегает. Тогда один другому говорит: «Ты посмотри, какой образованный человек! Столько языков знает! А что это ему дало?».

Однажды, пытаюсь объясниться на бирже труда, я запутался окончательно. Сотрудница этого заведения, увидев моё замешательство, стала, как позже выяснилось, мне помогать, задавая свои вопросы отчётливо и громко. А немецкий разговорный язык, как известно, отличается некой грубоватой резкостью. Тут я и вовсе сник, приняв повышение голоса и серьёзное выражение лица чиновницы за выволочку. Благо, рядом оказался человек, знающий и русский, и немецкий языки, и ситуация разрулилась.

Не хотелось бы уподобляться известному учёному – отцу всех советских народов, который на старости лет оказался ещё и крупным специалистом в вопросах языкознания, но внутренний голос мне подсказывает, что нужно хотя бы поверхностно придать моему эссе признаки наукообразия.

Я не сделаю открытия, если стану утверждать, что важнейшим признаком, выделяющим человека из мира животных, является его способность общения с внешней средой при помощи использования комбинации определённых знаков,

как для визуального, так и для звукового восприятия. Ведь человеческий организм оснащён всеми необходимыми устройствами, или, как бы сказали сегодня, физиологическими гаджетами. Так язык и горло служат для создания звуков, механизм уха – чтобы их принимать, а мозг в роли центрального компьютера сохраняет и обрабатывает всю поступающую информацию, как визуальную, так и звуковую. Причём предлагаю обратить внимание на то, что большинство органов в человеческом организме парное, а вот язык – один. Не говорит ли это о его уникальности? Так пользуйся же! Усердно и разнообразно. Ан, нет.

Всё, казалось бы, тщательно продумано, но не тут то было. Оказывается (!), родной язык незаметно, не требуя никакого специального обучения (спасибо родителям, бабушкам и дедушкам), впитывается в каждого из нас с молоком матери. Что же касается иностранных языков, то они в молодости воспринимаются, используя современные методики и соответствующую среду обитания, достаточно легко. Это, увы, не происходит с людьми, уже перевалившими за 50 лет. Безусловно, поношенные мозги в этом процессе плохие помощники, но, очевидно, дело не только в этом. Существует такое понятие, как способность к изучению языков. И далеко не все обладают этим талантом. Но главным, на мой взгляд, является желание и воля. А уж этими качествами владеют и вовсе единицы. В нашем окружении я знаю лишь одну даму, которая, приехав в Германию безъязыкой, как, впрочем, и основная масса, сумела самостоятельно, практически не выходя из дома, освоить довольно прилично живой немецкий язык. Хвала и честь! И белая зависть. Меня на такое самоотверженное затворничество не хватило. По моим наблюдениям, большинство с этим также не справились.

Кроме того, «пятидесятники» (условно так их назовём) как рабочая сила, имея избыточный возраст и языковую недостаточность, на фоне общей безработицы, уже не представляли для работодателей никакого интереса. А нет работы, то есть постоянной языковой среды, значит, нет и продвижения в языке. Поэтому многие приехавшие сюда на постоянное место жительства стали сбиваться в русскоязычные

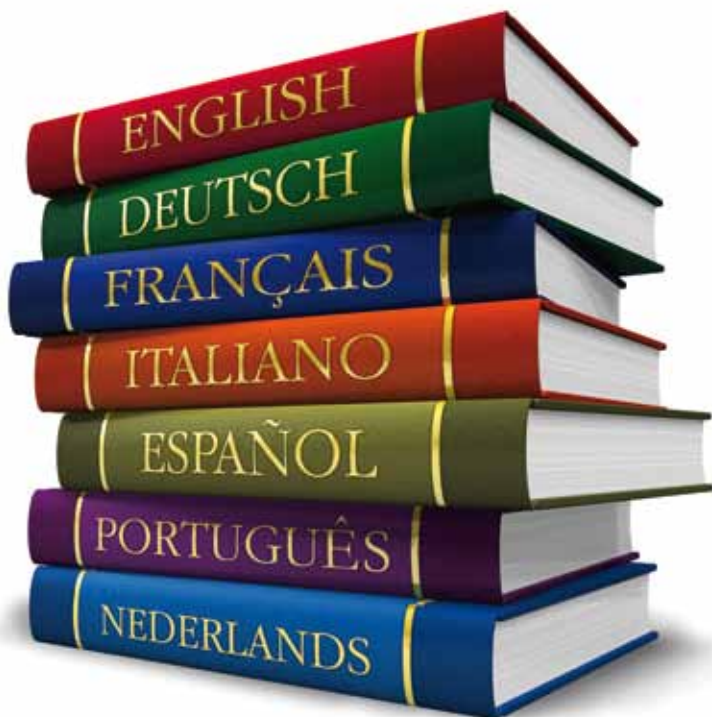
сообщества, окончательно теряя возможность хоть как-то интегрироваться в эту самую немецкую языковую среду.

Две трети населения нашей планеты разговаривают примерно на сорока языках. При этом считается, что всего в мире существует около 7000 языков. С развитием цивилизации человечество стало испытывать острую потребность в универсальном международном общении, как средстве получения необходимой информации для успешного продвижения в науке, производстве, торговле и культуре. Дошло до того, что в конце XIX появился так называемый вспомогательный язык – эсперанто, сотканный на базе наиболее употребимых языков Европы. Его создатель, Лазарь Заменгоф, был уверен, что эсперанто, благодаря крайне простой грамматики и отсутствию в правилах исключений, завоюет всеобщую популярность. Однако этого не случилось. В настоящее время эсперантисты напоминают скорее элитную интеллектуальную секту с очень ограниченными возможностями применения своих знаний.

Но, как говорится в известной французской поговорке, вернёмся к нашим бараном. И это не так далеко от истины. Приехав в Германию, я самонадеянно был убеждён, что язык придёт сам. Правда, прошло уже более двадцати лет, а он всё не приходит, точнее почти не приходит. Даже невзирая на полугодовые языковые курсы, на которые нас отправили уже в первый год пребывания. Все уроки проходили исключительно на немецком языке, который для большинства оставался тайной за семью печатями. Так что знаменитый метод полного погружения в иностранный язык лично на мне потерпел фиаско. Я думаю, что стрессовое состояние начального периода иммиграции и возраст, скажем не первой свежести, а мне тогда было 56 лет, тоже сыграли свою немаловажную роль. Конечно, какие-то ничтожные подвижки были. Но для участия в важных переговорах (официальные учреждения, врачи) мне по-прежнему нужен был переводчик.

К тому же, мы были настолько закомплексованы, так стеснялись своего языкознания, что даже тогда, когда и могли что-то пролепетать по-немецки, всё равно открыть рот

не представлялось возможным. Просто никак не удавалось преодолеть ощущения надвигающегося позора. Мы завидовали тем, кто с лёгкостью без какого-либо стыда приставали с любимыми чаще всего надуманными вопросами к прохожим на улице или продавцам в магазине, совершенно не обращая внимания на не всегда благожелательную реакцию. Но, как показала практика, это всё же приносило свои плоды. А мы («в нашем-то возрасте»), страдая синдромом завышенной самооценки, не могли себе позволить выглядеть первоклассниками.

Иногда можно было наблюдать достаточно типичную сценку. Подомный мне языковый инвалид, собрав по крохам фразу, в полной уверенности в её грамматической непогрешимости, обращался с ней к местному жителю, но получал

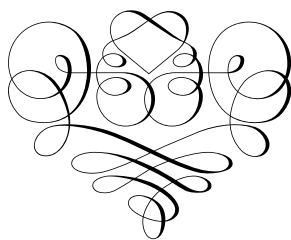
ответ, в котором нельзя было разобрать ни единого слова. И это не могло не нервировать, а порой даже и раздражать. «А ларчик просто открывался». В Кёльне среди основной части населения господствует особый кёльнский диалект, называемый «кёльш». В нём шипящие звуки превалируют над всеми остальными. А на языковых курсах нам преподавали, разумеется, чистый язык без малейших жаргонных примесей. Особенно забавно было услышать, как при знакомстве один представляется другому на кёльше. На высоком немецком (хох дойч) это прозвучало бы: «Их хайсе Ганс», означающее всего лишь: «Меня зовут Ганс». В то время, как на «кёльш» произносится: «Ишъ шайсе Ганс», что в переводе на русский фактически выглядит странным признанием: «Я дерьмовый Ганс».

Однако, мне кажется, пора уже завершать мои псевдоязыковедческие размышлизмы. Прошло уже почти четверть века как я здесь, а языком так толком и не ведаю. И всё-таки, как не трудно без языка, но заставить себя его учить всерьёз не могу. Вот уж действительно не ведаю, что творю. Нет, конечно, язык, так или иначе, невзирая на мою патологическую пассивность, всё-таки потихоньку пробивается. Но не читать мне в оригинале ни Томаса Манна, ни Франца Кафку, ни Генриха Гейне. А так бы хотелось! Придётся доживать с этим чувством.

А теперь во мне зреет, и я это ощущаю всеми фибрами своей души, какое-то необъяснимое почти языческое чувство преклонения перед хрустальной вершиной языкознания. Для меня немецкий язык стал непостижимым идиолом. Лишь немного настораживает то, будто я, презрев все общепринятые религии мира, могу вернуться к язычеству.

Декабрь, 2017 год

Еврейство

Так уж случилось, что при получении своего первого паспорта в графе национальность мне написали – еврей. Это было сделано районной паспортисткой вполне осознанно и законно на основании предъявленных метрических свидетельств моих бесконечно дорогих мне родителей. Мои мама и папа были, так сказать, стопроцентными евреями, о чём можно было судить даже по не слишком густому генеалогическому древу нашей семьи.

К сожалению, я знаю о своих предках лишь на глубину третьего поколения, то есть, лишь о моих бабушках и дедушках по обеим линиям. Теперь, разумеется, я очень сожалею об этом, как, впрочем, и о многом другом. Я сожалею о том, что Советской власти так легко удалось вложить в наши доверчивые души психологию «Иванов, не помнящих родства». Так власти было удобнее управлять людьми, а народ жил по принципу: «Меньше знаешь – крепче спишь». А то ненароком среди предков, пусть даже в третьем поколении, могли обнаружиться люди неугодные этой самой власти.

Приходится сожалеть и о том, что не проявлял в своё время даже малейшего стремления к изучению языка европейского еврейства – идиш, которым вполне прилично владели

мои дорогие родители. Правла, они переходили на идиш, лишь когда хотели в моём присутствии что-то сказать друг другу, чтобы я не понял.

Что же касается религиозного самоощущения принадлежности к еврейской национальности, то тут у меня полная неразбериха. Мне так и не удалось по-настоящему прийти к Б-гу. Это меня всегда очень огорчало. Выручало лишь ощущение, что всё же Б-г есть во мне, но какой-то не общепринятый, а только мне ведомый, причём созданный не сердцем, а разумом. Мало того, я так и не смог для себя решить, что такое еврейство. То ли это национальность, то есть, принадлежность к еврейскому народу по крови, то ли убеждённое следование основам иудаизма и законам Галахи.

Слова «еврей» и «антисемитизм» для меня неразрывно связаны. По сути, я узнал, что я еврей только столкнувшись впервые с проявлением антисемитизма. Это было, когда я учился в 6-ом классе. Из рук в руки передавался тетрадный листок под названием «Еврейская правда», оформленный ручонками моих соучеников, с грязными текстами и карикатурами, которые могли бы успешно конкурировать с антисемитскими листовками «Чёрной сотни» или прокламациями

Гейбельса. В дальнейшем мне неоднократно приходилось сталкиваться с проявлениями антисемитизма. Так трижды я безуспешно поступал в институт на стационарное обучение, но в результате всё же был допущен только к вечернему образованию.

В продолжение темы хочется припомнить одно из семейных преданий, услышанного от папы, который был родом из Черкассы. Это было в послереволюционные годы, когда власть в Украине переходила из рук в руки – то немцам, то белым, то красным. Однажды в Черкассы ворвалась банда атамана Зелёного (Данило Терпило) и перво-наперво занялась любимым делом бандитов всех мастей – устроили еврейский погром. Последствия были ужасающими. Во двор к бабушке и дедушке ворвались два всадника, круша и истребляя на ходу всё, что под руку попадалось. Дедушка выскочил в одном нижнем белье на веранду, над которой висела вывеска «Фотография Золотаревского», и на вопрос бандитов: «Ты кто такой? Жид?» (ведь фамилия была не явно еврейской), дедушка, очевидно от страха, простодушно ответил: «Нет, я фотограф». Бандиты переглянулись и поскакали дальше вершить своё кровавое дело. Возможно, эта нелепость спасла жизнь всей семье.

Уже на моих глазах после Второй мировой войны стали разворачиваться события, несущие непосредственную угрозу всем живущим в стране евреям. В конце сороковых в СССР началась охота на ведьм. На роли ведьм, конечно же, были назначены евреи. Это и дело врачей, и борьба с так называемыми безродными космополитами, и подготовка к переселению евреев в Биробиджан. Судя по всему, для Сталина чудовищных жертв Холокоста оказалось недостаточно, и он решил внести свою лепту в окончательное решение еврейского вопроса.

Если бы наши праотцы – библейские патриархи Аврам, Исаак и Иаков знали через что придётся пройти евреям на протяжении своей почти четырёхтысячелетней истории, они, я думаю, постарались бы что-то в своём замысле изменить. Однако допустимые рамки небольшого эссе не позволяют сколько-нибудь подробно исследовать причины

появления антисемитизма. И всё же хотелось хотя бы осторожно коснуться этой болезненной темы.

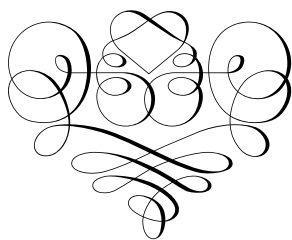
Толчком к размышлениям на эту тему стала книга И. Губермана и А. Окуня «Путеводитель по стране сионских мудрецов». В ней поразительный сплав еврейского юмора, ярких описаний всех значимых мест, энциклопедических знаний и абсолютно наплевательского отношения к истории, как науке, а потому она читается с особым интересом и улыбкой. Жаль только, что эта милая многостраничная трепотня закончилась возмутительной, на мой взгляд, 34-ой главой, в которой авторы с изяществом стада слонов в посудной лавке превращают малоподготовленного читателя в активного антисемита. Разве можно, касаясь такой болезненной темы, действовать по принципу – «ради красного словца не пожалею и отца»!

Как можно вообще о народе в целом говорить столько гадостей и тем более о народе, к которому волею случая сам принадлежишь! Зачем таким талантливым и успешным людям понадобилось так цинично заигрывать с Чёрной сотней и ёрничать на темы о самоидентификации, национальном характере и национальной гордости евреев, забыв при этом о собственной просто человеческой гордости? Вообще, на мой взгляд, национальная гордость – это чушь. Гордиться можно умом, талантом, образованием, твёрдым характером, наконец, воспитанием, но не генетическим калейдоскопом ДНК, случайно собранным в каждом отдельно взятом организме. Я думаю, что национальные черты не закладываются набором ДНК, а создаются историческим и географическим фоном, в котором развивается та или иная человеческая группа или общность. Мне совершенно безразлично было бы знать, кто я по национальности, если бы так настойчиво и жестоко не напоминали об этом. Кажется, Ежи Лец когда-то писал: «Я – еврей, но не по той крови, которая течёт в жилах, а по той, что течёт из жил». Я не хочу жить, всё время помня, что я еврей. Я хочу чувствовать себя просто человеком. Когда я слышу, что все евреи хитрые, жадные и трусливые (малый набор антисемита), то вынужденно, к стыду своему, становлюсь в оборонительную

позицию и защищаюсь. Тогда и только тогда я педалирую на своём еврействе, восхищаясь чудом создания за столь исторически короткий срок государства Израиль, выдающимися достижениями евреев в области мировой культуры и науки, их вкладом в военное время и подвигами лучшей в мире разведки «Моссад». Хотелось бы завершить это горячее эссе высказыванием выдающегося деятеля сионистского движения Макса Нордау: «Евреи добиваются превосходства лишь потому, что им отказано в равенстве».

Кёльн, 1999 год

Паутина

Сегодня в Украине идёт страшная война, спровоцированная Россией и при её непосредственном преступном участии. Её национальный лидер, усвоивший все худшие чекистские черты из своего прошлого, осуществляет беспрецедентную агрессию против дружественного (в прошлом) украинского народа в нарушение всех существующих международных норм и правил. Мстительность, жадность, трусость и бессовестная лживость – главные движущие силы его поступков. Крутой пацан с рейтингом свыше 80% от зомбированного населения России.

На политический Олимп Путин выскочил, как чёрт из табакерки. С середины 1990 года по 1 декабря 2000 года эта серая мышь чудесным образом прошла путь от помощника председателя Ленинградского городского Совета до Президента России. История таких примеров до сих пор не знала. Это было похоже на сверхудачную операцию КГБ. Большинство коллег Путина по Ленинградской мэрии, по службе в КГБ и даже по кооперативу «Озеро» заняли ответственные властные посты и стали владельцами неисчислимых состояний. Эта паутина опутала всю страну, которая с каждым

годом всё больше теряет свои несметные богатства в её липких объятиях. Прислужливые политологи-пропагандисты объявили, что едва ли не главным достижением путинского правления является устойчивая стабильность в стране. Вот основные вехи этой стабильности.

- Возобновление войны в Чечне в 1999 году. Потери неисчислимы.

- Взрывы жилых домов в сентябре 1999 года в российских городах Буйнакске, Москве и Волгодонске. Погибли 307 человек.

- Владимир Гусинский – медиа-магнат. В 2000 году был вынужден уехать из России, отдав телеканал НТВ путинским прихлебателям.

- Борис Березовский – предприниматель, политический деятель, в 2000 году бежал в Лондон от прямого преследования. Путину важно было забрать у него контроль над ОРТ и рядом центральных газет. Ушёл из жизни 23 марта 2013 года при достаточно загадочных обстоятельствах.

- Теракт на Дубровке («Норд-Ост») в октябре 2002 года. По официальным данным погибли 130 человек из числа заложников.

- В 2003 году последовали взрывы в Москве на 1-й Тверской-Ямской улице и во время рок-фестиваля «Крылья» в Тушино.

- 17 апреля 2003 года убит Сергей Николаевич Юшенков депутат Государственной Думы, стоящий в оппозиции к власти.

- 3 июля 2003 года после странной скоротечной болезни умер Юрий Петрович Щекочихин – российский журналист и писатель, превратившийся за две недели в глубокого старика. Он входил в группу активной оппозиции Путину.

- Взрыв в московском метро 6 февраля 2004 года. Погибли 43 человека.

- Захват террористами школы в Беслане 1 сентября 2004 года. При освобождении заложников были убиты 334 человека, из них 186 детей.

- Михаил Ходорковский – предприниматель и общественный деятель, глава нефтяной компании «ЮКОС» с активами

в 15 млрд долларов. Должен был бы поделиться, но не захотел, а главное – в феврале 2003 года на совещании в Кремле наехал на пахана. А за базар нужно отвечать. Арестован по обвинению в хищениях и неуплате налогов 25 октября 2003 года. Был демонстративно помилован в декабре 2013 года.

- 7 октября 2006 года застрелена Анна Политковская – журналистка, правозащитница. Писала правду о событиях в Чечне.

- В 2006 году в результате отравления полонием-210 умер Александр Литвиненко – подполковник ГБ, критик российских властей и персонально Путина. Его предполагаемый отравитель Луговой вскоре стал депутатом Верховного Совета, получив неприкосновенность.

- 2008 год. Вооружённый конфликт в Южной Осетии и Абхазии, между Грузией и Россией. Погибшими считаются тысячи людей, но официальных данных, которым можно было бы верить, нет.

- В сентябре 2010 года смертницы подорвали себя на станциях метро «Лубянка» и «Парк культуры», в результате чего погибли 41 человек.

- Теракт в Домодедово 24 января 2011 года. Погибли 37 человек.

- Алексей Навальный – политический и общественный деятель. Назвал власть Путина «властью воров и жуликов». 18 июля 2013 года районный суд города Кирова приговорил его к пяти годам колонии.

- В 2013 году в России в ДТП погибло более 27 тыс. человек, что в 3–4 раза выше, чем в ведущих государствах Европы и Азии.

- В марте 2014 года при ловко организованном всенародном ликовании после тщательной подготовки и при активной военной поддержке России Крым стал субъектом Российской Федерации в нарушение всех норм международного права.

- Апрель 2014 года. Военное вторжение отпусковиков из России и начало гибридной войны в Донецкой и Луганской областях

- 27 февраля 2015 года поздним вечером на Большом

Москворецком мосту в Москве возле Кремля был убит выдающийся российский политик Борис Ефимович Немцов.

Этот перечень можно было бы продолжать и продолжать. Но мне кажется, что и приведенных выше фактов вполне достаточно, чтобы можно было представить, как на самом деле выглядит пресловутая путинская стабильность.

Сейчас Россия задыхается в тисках непредставимой по своим масштабам коррупции, всё разворовано, страна держится только на нефте-долларах, более или менее терпимый уровень жизни поддерживается только в нескольких крупных городах. Ложь, изрыгаемая прикормленными СМИ, ежечасно обрушивается на и без того зомбированные головы электората, обеспечивающего национальному лидеру необходимый рейтинг.

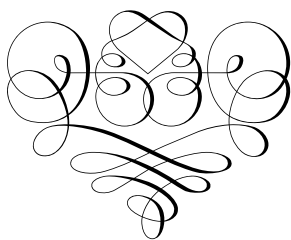
А в Украине ежедневно льётся кровь и гибнут люди. Матери оплакивают ушедших из жизни сыновей, многие дети больше никогда не увидят своих отцов, жёны провожают мужей в безвозвратные командировки. А в России гробовым, в полном смысле этого слова, молчанием встречают непрерывный поток «груза 200».

Выдающийся русский писатель Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин как-то признался: «Если я усну и проснусь через сто лет и меня спросят, что сейчас происходит в России, я отвечу: пьют и воруют ...». Хочется добавить: «И непрерывно лгут...».

Тревожно сжимается сердце...

Кёльн, 2015 год

Метаморфоза

В наивной попытке предотвратить узнаваемость для простоты мы в дальнейшем главных персонажей этого повествования будем бесхитростно называть Я и ОН. Связанные с этим неудобства кажутся мне легко преодолимыми, поскольку рассказ будет вестись от первого лица. Справедливости ради следует заметить, что нас – неразлучных друзей на первых порах было трое. Эта ситуация была пророчески описана А.С.Пушкиным в стихотворении «Арион». Лишь заменив одно слово в первой строчке, получится: «Нас было трое на челне». Но судьбе было угодно (по разным причинам, о которых речь пойдёт дальше), чтобы от нашей троицы остался Я один. На эту тему мне и захотелось поразмышлять. Так что далее речь главным образом пойдёт лишь о двоих. Героем моего повествования станет ОН, а роль второго плана будет отдана мне.

Я взялся за это эссе в попытке понять, как в одном человеке смогли гармонично существовать взаимно исключаящие друг друга черты: тонкий ум и слепое следование разного рода догмам; душевная щедрость и эмоциональная сухость; деликатность и прямое хамство по отношению к подчинённым и даже близким; интеллект и ограниченность кругозора; железная воля и житейские слабости. Я старался понять, как могло так случиться, что к концу жизни при полном финансовом благополучии ОН остался один-одинёшенек без друзей и близких, если только не брать во внимание бесконечно преданную ему вторую жену.

Наши добрые отношения зародились внезапно, как это бывает только в молодости. Фундаментом дружбы стали жеребья молодость и безусловная общность интересов. Мы познакомились, когда нам оставался всего лишь год до получения аттестата зрелости, к которому мы оба подбирались с весьма скромными результатами, невзирая на то, что планировали

после окончания школы получить ещё и высшее образование. При этом уровень школьных достижений нас нимало не тревожил. Правда, в силу разных причин. Меня – из-за

общей беспечности, порождаемой несгибаемой самоуверенностью. Его – благодаря твёрдой вере в могущественные связи отца. И действительно, ОН без больших проблем и переживаний стал студентом престижного строительного института, правда, не очень козырного сантехнического факультета. Записные остряки говорили, что студенты этого факультета приветствуют друг друга историческим возгласом Архимеда – «Эврика!» и жестом, имитирующим движение руки при сливе воды из бачка в унитаз. Тут требуется короткое разъяснение. Сегодняшняя молодёжь, да, пожалуй, и даже люди среднего возраста вряд ли знают, что ещё не так давно сливные бачки располагались под потолком. Из них струилась цепочка с фаянсовой ручкой, которую и следовало дёргать этим характерным жестом.

Что же касается меня, то три года спустя, Я был в неравной борьбе зачислен с третьей «зачётной» попытки в Киевский политехнический институт, но лишь на вечернее отделение.

Нас объединяла любовь к поэзии и современной зарубежной музыке. Это Заболоцкий и Самойлов, Тарковский и Межиров, Пресли и Синатра, Битлз и роллинг Стоун. А позднее Иглесиас и Хампердинк, Ободзинский и Владимир Высоцкий, многие песни которого мы знали наизусть и могли слушать их бесконечно. Несмотря на то, что в те годы их пластинки были совершенно недоступны, всё решалось (подпольно) при помощи магнитофонных записей, передаваемых с рук на руки, и так называемой «музыки на рёбрах» – гибких самодельных пластинок, записанных на рентгеновских плёнках.

Бывало, если позволяли финансы, мы поднимали себе тонус горячительными напитками, умеренно развлекались с девчонками и неумеренно валяли дурака. Короче, вели себя так, как и положено вести себя в таком возрасте. Если будни ещё были более или менее загружены относительно серьёзными делами, то в выходные дни мы пускались во все тяжкие, порой вызывая недоумение окружающих – дескать, кто их отвязал? А всё объяснялось очень просто – нас тогда объединяла молодость. «Нас водила молодость в сабельный

поход». Ведь мы познакомились, когда нам было всего по 16 лет.

Став студентом стационара, его естественно закружила студенческая жизнь. Не подумайте лишнего – не учёба, а именно кутерьма и бесшабашность студенческого существования. И всё было бы прекрасно, если бы не досадная необходимость в сдаче зачётов и экзаменов. Учился ОН, спустя рукава, и даже дважды был на грани отчисления. Но мир не без добрых людей.

На этом фоне моя жизнь выглядела достаточно напряжённо. Мне приходилось совмещать тяжёлую работу на заводе с изнурительным вечерним обучением. И всё же нам удавалось находить время для одной дружеских посиделок и весёлых застолий. Мы часто собирались у моей соученицы, которая жила с мамой и сестрой в коммунальной квартире, занимая в ней одну большую комнату. Но это не мешало сделать её местом наших постоянных и радостных встреч. С этой квартирой были связаны многие эпизоды нашей беспутной молодости.

Припоминается встреча Нового 1957 года, которую мы там отмечали. Собралась небольшая компания. Помимо нашего привычного ядра к нам присоединились три девчонки из близлежащего общежития. Всё было, как обычно, – лёгкая выпивка, ещё легче закуска и танцы в интимном полумраке. Вскоре все, кто мог, разбились по парам и разбрелись по манящему тёмному лабиринту коммунальной квартиры. Кухня, ванная комната, антресоли и даже небольшая кладовка – все эти территории были свидетелями наших забав. Я с подружкой и ещё одна пара остались в комнате. Спустя некоторое время к нам без стука ворвался ОН и взволнованным голосом возвестил: «Я сейчас трахался с членом партии!». Я, понятное дело, обрадовался за своего друга, посчитав этот эпизод первой ступенькой его карьерной лестницы. Оставался у меня лишь один вопрос, в какой момент их близости она открыла ему эту почти государственную тайну? Может быть, партбилет впивался ей в одну из эрогенных точек, создавая тем самым новые высокие ощущения при выполнении такого важного партийного задания.

Что же касается карьерного роста, то всей дальнейшей судьбой, ОН доказал своё неоспоримое преимущество перед нами. Человек небольшого роста, субтильного телосложения, но с хорошей фигурой и приятной внешностью ОН не сразу обращал на себя внимание, хотя, на мой взгляд, в нём уже тогда ощущались харизматичность и замашки лидера.

Внешне мы были полнейшими антиподами. В отличие от моего друга Я был высокого роста, но худющий и сутулый. Моё лицо украшали веснушки и крючковатый нос, изобличающий мою национальную принадлежность, а на голове горел пионерский костёр – ярко-рыжие кудри, которые спустя не так уж много лет стали, к моему огорчению, покидать место своей прежней дислокации. В отличие от меня, его нельзя было отнести к краснобаям. Хотя мозги его работали хорошо, даже порой изысканно, но его речь отличалась какой-то заторможенностью, а фразы складывались со скрипом, как бы нехотя. Давно известно, что люди маленького роста зачастую страдают наполеоновским комплексом. Однако лишь достойные «коротышки», ведомые неудержимыми амбициями, достигают серьёзных карьерных высот. И по мере продвижения вверх у моего друга росли аппетиты и соответственно им запросы. Если квартира, то – избыточно большая, если машина, то – самая крутая, если собака, то – величиной с хорошо откормленного телёнка. И, думается мне, не случайно обе его жены оказались существенно выше его ростом.

При всей своей флегматичности ОН был очень азартным человеком, тяжело переживая поражения, даже пустяковые – скажем, при игре с приятелями в шахматы. ОН любил заключать всевозможные пари, в которых чаще всего одерживал победу. Так, однажды ОН предложил нам пари, что поднимется на пятый этаж по лестнице дома с высоченными межэтажными перекрытиями, усадив себе на плечи здорового обалдуя – нашего приятеля, весившего килограмм на 15 больше его самого. Мы с пристрастием и дурацким ржанием сопровождали эту процессию, но в конечном итоге вынуждены были под неискренние аплодисменты вручить победителю бутылку «Плиски» – популярного в те годы

болгарского бренди. В другой раз на свадебном ужине нашего третьего друга он довёл маму жениха до предынфарктного состояния, словав на спор огромное блюдо холодца, оставленное для гостей второго дня.

В те годы ОН всегда испытывал дефицит карманных денег, хотя его семья была вполне обеспеченной. ОН вечно был в долгах, как в шелках. При этом, пренебрегая услугами городского транспорта, ОН чаще всего разъезжал на такси. Так у него появилось удивительное хобби – создание маршрутно-тарифной карты поездок по городу на такси. На ней расстояния между пунктами заменялись стоимостью проезда. Если бы его бесчисленным кредиторам удалось прознать об этом, то они наверняка по достоинству оценили бы эту креативную затею.

Быстро пролетела студенческая пятилетка. Закончились мучения, и вот уже оттягивает карман долгожданный диплом инженера-строителя. Однако, полной неожиданностью для всех, и прежде всего для его родителей, было то что ОН на комиссии по распределении попросил направить его в Магадан мастером участка рядового строительного управления. Но «ларчик просто открывался». За год до этого в Магадан по причине неудавшихся любовных отношений сбежал его старший брат. Впоследствии жизнь показала, что Магадан стал для моего друга удачной стартовой площадкой.

В этих, казалось бы, нечеловеческих погодных условиях наш нежный «цветок душистых прерий» расцвёл, что называется, буйным цветом. ОН работал как вол, не щадя живота своего, в прямом и переносном смысле этого слова – вплоть до резекции желудка. Его самоотверженный труд на благо сурового севера был по достоинству оценен теми, кто в те годы был уполномочен оценивать сизифов труд советского человека. Почётными грамотами можно было обклеить стены квартиры. Не заставили себя ждать и серьёзные правительственные награды. Параллельно карьерному росту менялся характер. В суждениях появилась непререкаемость, всё чаще руководящие черты дорогого лица выражали неудовлетворённость или открытое неудовольствие мнением

собеседника. Даже, если это была просто дружеская беседа. Иногда это вызывало раздражение, но чаще примирительную улыбку. Что уж тут поделаешь! Ведь это всё тот же ОН – наш родной человек, лишь слегка подкорректированный жизненными достижениями.

Правда, как выяснилось позднее, ему пришлось поступиться некоторыми нравственными принципами, сформировавшимися ещё в нашей фрондёрской молодости. Рядом с дипломом своё уютное место вскоре занял партбилет, который постепенно, но непреклонно, перекраивал его прежнее критическое мужское мировоззрение в совковую бесполоую сущность, покорно виляющую вместе с периодическими изгибами линии партии. Самым поразительным было то, что в его лексиконе в соответствии с установившимися партийными нормами исподволь, как бы не всерьёз, стала появляться антисемитская терминология. И это притом, что его произвела на свет еврейская мама. К стыду своему должен признаться, что мне долгие годы как-то удавалось (или Я делал вид, что удавалось) не обращать на это должного внимания, принимая пусть за неудачные, но всё же шутки. Хотя, скорее всего в моём отношении к этому преваляровали искренние чувства дружбы и многолетняя привязанность.

Правда, бывая у них дома, порою мне казалось, что ОН просто стесняется своей матери, которая, несмотря на свой весьма непрезентабельный вид, была довольно мудрой женщиной. И всё же в присутствии мамы ОН явно чувствовал дискомфорт. Зато, бывая у нас дома, ОН старался использовать малейшую возможность для общения с моими родителями.

Их семья, единственная из нашего ближайшего окружения, владела большой изолированной многокомнатной квартирой в самом центре города. Бывая там, мы всегда толклись в маленькой детской комнате, что естественным образом лишало нас даже надежд на контакт с его родителями. По правде говоря, они и сами не очень к этому стремились, особенно его суровый папа.

Кроме того, жертвой нашей временной аннексии этой комнатёнки становилась его младшая сестра, которая самым

бесцеремонным образом выдворялась из захваченных нами владений. Все попытки мамы уладить ситуацию оказывались безрезультатными. По сути это была единственная, хоть и кратковременная, возможность для общения с его мамой. Но даже этот контакт ОН обрывал в довольно резкой форме. Когда же тусовка, говоря на современном сленге, происходила в нашей небольшой коммунальной квартирке, то в ней зачастую принимали участие, когда пассивное, а иногда даже активное, кто-нибудь из моих родителей, с которыми моим друзьям всегда было комфортно и интересно.

Около двадцати лет герой нашего повествования верой и правдой горбатился на негостеприимном севере. Его редкие приезды оттуда в Киев были для нас всегда праздником. И не потому, что обычно он приезжал, сгибаясь под тяжестью северных деликатесов, а просто потому, что наши чувства к нему были неподдельны и искренни. И нам казалось, что это было взаимно. Считалось, что ОН приезжал в Киев, чтобы проведать своих уже немолодых родителей. Однако большую часть времени ОН проводил у нас дома. Наша дочка всегда радовалась его визитам и ждала их с большим нетерпением. Но самое забавное в этом было то, что ОН, совершенно не умея общаться с детьми, с лёгкостью завоевал её доверчивое сердечко. Очевидно, девочка чувствовала его мужской шарм (жизнь в дальнейшем продемонстрировала, что не только она) и тянулась к нему всей своей ещё не зрелой женской сущностью. Нам это тоже нравилось.

Через несколько лет, когда наша девочка после тяжелейшей болезни ушла из жизни, мы получили от него вот такую телеграмму: «Узнал о случившемся. Соболезную». Не иначе как поручил это сделать своей секретарше. Удивило? Да. Огорчило? Безусловно. Но захлестнувшее нас горе утопило эту обиду в нашем подсознании. Однако, осадок всё же остался.

Там, на севере, ОН довольно быстро прошагал все карьерные ступени от мастера строительного участка до должности управляющего одного из строительных трестов. А всего их в области было два. Управляющий вторым трестом стал его близким приятелем, если не другом. Этот человек,

отличающийся впечатляющей внешностью и яркой харизмой, представлял собой особый вид эдакого советского плейбоя, что вызывало у нашего героя едва скрываемое чувство зависти и желание ему подражать. Их объединяло не столько общее дело, сколько способы проведения досуга. Тут и тяга к обильным застольям, и коллекционирование музыкальных записей (разумеется на самой лучшей аппаратуре), и увлечение противоположным полом (в хорошем смысле этого слова), и всякого рода банно-парные мероприятия. Но в последующие годы жизнь в конце концов их развела. Однако об этом, возможно, будет сказано позже.

Уже в первые годы, проведенные на севере, ОН женился на молодой симпатичной женщине, у которой от неудавшегося первого брака остался сын. Она запомнилась своей подкупающей искренностью и залпами заразительного почти детского смеха. Мне всегда казалось, что у них начисто отсутствовала духовная близость. Я думаю, что их связывали лишь бытовые вопросы и чувственные отношения. Такой обеднённый тыл и суровые погодные условия невольно подталкивали к частым и затяжным застольям.

Однажды ему пришла идея, как вытащить меня к нему в командировку. Деловая часть оказалась не сложной, поэтому досуг был весьма разнообразным. Много было необычным и даже удивительным. Но, пожалуй, самым сильным впечатлением была крабная рыбалка. Это происходило так. Посылался гонец в поселок бичей (бывший интеллигентный человек), расположенный в бухте Нагаева. В нём в жутких условиях жили спившиеся, в прошлом вполне приличные люди. Они утратили не только возможность жить в условиях цивилизации, но даже потеряли (не фигурально) свои имена и фамилии. Для них существует негласный запрет – они не имеют право появляться в городе. Живут семьями и поодиночке в сколоченных из ящиков пещерах, промышляют рыбалкой и ловлей крабов, обменивая это на хлеб и водку (чаще спирт). А сверхзадачей для них является подготовка ловли крабов для гостей. К этому моменту должны быть насверлены лунки в толстом льде, отловлены чайки, как нажива, и соответствующим образом подготовлены

кусочки их мяса. Снастью служат квадратики фанеры на длинной проволоке, к центру которых и прикрепляется наживка. Всё это погружается в лунку, и дальше при помощи вертикальных колебаний ждётся изменения веса всей системы. Это означает, что голодный краб уже взгромоздился на фанерку и вцепился в мясо. Он ни за что не отпустит, пока всё не слопаёт. Тут-то его и вытаскивают на лёд. Попадались экземпляры величиной с небольшую табуретку. А под хвостом его (точнее её) икра, которая сразу же шла на закуску. Изысканней закуски я, пожалуй, не едал.

В бухте нас встретил бич по прозвищу «Корюшка» и проводил к месту рыбалки. И вот мы уже на берегу. Искрящаяся северным звёздным небом ночь, сверкающие ледяные торосы и лёгкий морозец свыше тридцати градусов. Спасали продуманная экипировка, запасы горючего и охотничий азарт. Впечатления незабываемые на всю жизнь.

Пролетели почти девятнадцать магаданских лет его биографии. А по негласно существующим правилам человек, проработавший на севере более 15-ти лет, мог по праву рассчитывать на равноценное место на материке (так называли европейскую часть страны). И вот наш герой уже трудится в должности управляющего трестом в Кишинёве. Солнечной Молдавии, привыкшей всё делать за спиной старшего брата неторопливо и даже с ленцой, появление опытного жесткого советского управленца не могло остаться незамеченным. Забегая вперёд, скажу, что уже спустя несколько лет ОН становится там руководителем целой отрасли.

Но кроме забот государственного масштаба герою нашего повествования приходилось решать серьёзные жизненные проблемы. Всё больше и больше стала оказывать негативное влияние приобретенная на севере популярная в СССР зависимость. Устав бороться с недугом мужа, к этому, к сожалению, подключилась и его супруга. Семейные неурядицы с шумными разборками привели, в конце концов, к окончательному разрыву. Вскоре мой друг обратился ко мне со странной просьбой. ОН попросил меня подъехать в Кишинёв, чтобы я смог оценить его новую подругу. Проведенная

с ними неделя позволила мне с лёгким сердцем благословить его на решительный шаг.

Его второй женой стала видная молодая цыганского типа красавица (разумеется выше его ростом), обладающая гибким умом и неуёмной энергией. Но самое главное в его жизнь вошли трогательная любовь, дружеское участие и надёжный тыл. Эта женщина окружила его такой заботой и любовью, что ему ничего другого просто не оставалось, как быть успешным. ОН буквально на глазах преобразился. Казалось бы, жизнь стала налаживаться, но, как говорится, «Было гладко на бумаге, да забыли про овраги». Республики СССР вдруг вспомнили о своём праве на самоопределение вплоть до отделения и с радостью отделились.

Ещё ветры продолжали как ни в чём ни бывало дуть в его паруса, но ОН своим руководящим обонянием смог раньше других почувствовать наметившиеся в республике изменения по отношению к людям не титульной национальности. И практически на пике карьеры ОН разворачивает корабль своей судьбы на 180 градусов, бросает всё и уезжает со своей новой ещё не женой в божий свет, как в копеечку, точнее в Петербург, где вместе с магаданским приятелем и коллегой организует строительный кооператив.

Вскоре мы с женой получили приглашение на их бракосочетание. Мы с радостью приехали в Питер, где в условиях съёмной однокомнатной квартиры скромно, но торжественно, отметили это событие. Забегая вперёд, скажу, что они уже к настоящему времени перешагнули серебряный рубеж совместной жизни. Так что Я имею полное моральное право испытывать чувство «законной» гордости, которое можно выразить словами поэта: «Я счастлив, что я этой силы частица».

В 1994 году мы оказались в Германии. Чуть больше года нам понадобилось, чтобы преодолеть разрушительные последствия стресса эмиграции. Мы с горем пополам «успешно» одолели первичные языковые курсы, сняли в зелёном районе города оптимальную по разрешённым нормам (2-комнатную) квартиру и довольно быстро обустроили её, создав привычный комфорт и уют. Но к глубокому нашему

огорчению быстро поняли, что нет ни малейшей надежды хоть на какую-нибудь работу по-белому. Однако, как позже выяснилось, эта «медаль» тоже имела две стороны. С одной стороны, обидно было сознавать, что в 55 лет ты уже никому не нужен, с другой – мы получили массу свободного времени, что на фоне достойного социального обеспечения и незначительных подработок позволило нам, воспользовавшись дисконтными туристическими путёвками, объездить почти всю Европу (и не только). Кроме того, мы с радостью принимали у себя дорогих нам гостей, которых первые годы было прямо скажем немало. Своими визитами они существенно облегчали нам трудности начального периода нашей иммигрантской жизни.

Разумеется одними из первых к нам приехал ОН со своей молодой женой. Тогда ещё они могли себе позволить проводить ночи в наших скромных условиях на одном, правда широком, ложе. Пройдут годы и они будут останавливаться только в самых роскошных отелях. И хотя их растущее благосостояние всегда нас радовало, но был всё же один эпизод, который оставил неприятный осадок. Наш третий друг, уже много лет живущий в Израиле, пригласил нас на свой 70-летний юбилей. Мы с радостью приняли это приглашение, но у героя нашего повествования неожиданно возникла «серьёзная» проблема – в Ашдоде не оказалось 5-звёздочных отелей. И они не приехали. Как в известном украинском анекдоте: «А Галка у нас балована!» Правда, справедливости ради, нужно сказать, что юбиляру пришлось довольствоваться лишь финансовой компенсацией.

Тут мне показалось, что будет уместным сделать небольшое отступление. Я не перестаю удивляться и восхищаться моим другом. Да, ОН обеспеченный человек (но, кстати, обычно ничего с неба не падает, всё результат каторжного труда, профессионализма и тщательно продуманного риска); да, может быть, чисто арифметически у него есть чем поделиться, но это как раз и не характерно для обеспеченных людей. ОН же на протяжении многих лет принимает поразительное участие в проблемах своих друзей и близких! Да и не слишком близких. Побудительной причиной этой

искренней и не акцентированной щедрости, мне кажется, является не педалируемый девиз: «Если не я, то кто?».

Тем временем благодаря профессионализму и не в последнюю очередь обретённым связям магаданскому дуэту удалось скромный кооператив в Петербурге превратить в солидную Фирму по строительству северных дорог. Синхронно с увеличением активов Фирмы росло и благосостояние её учредителей. Появилась огромная квартира в центре Питера, а в карельских пригородах вырос шикарный особняк. Короче, всё как у людей. В 2005 году его жене исполнилось 50 лет. Ими была задумана сказочная юбилейная феерия. Для этого события арендовали тожественный зал ресторана «Талион клуба», бывшего особняка Елисеевых, расположенного на углу Невского проспекта и набережной Мойки. Были приглашены ближайшие родственники и друзья. «И я там был, мёд-пиво пил»... Всё было поставлено на широкую ногу – роскошно и изобильно. Мой друг принял, как всегда, все расходы на себя.

Пришёл 2008 год. Из нашей троицы ОН первый достиг 70-летия, находясь на вершине благополучия. Трудовые будни и связанные с ними хождения по лезвию бритвы остались позади. Теперь относительно свободно можно было пользоваться достигнутым. Учитывая серьёзность подкрашившейся даты, ОН подошёл к этому вопросу, как всегда, со свойственной ему размахом. Под это событие был снят на несколько дней замок Штиржин, находящийся в 25 км от Праги. По составу гостей можно было без особого труда изучать географию планеты. Разумеется, были приглашены и мы (почти как в «Пиковой даме»: «В числе приглашенных был граф Сен-Жермен»), что дало возможность в очередной раз встретиться нашей троице, чтобы потискать друг друга и, как прежде, повалить дурака, несмотря на ощутимый груз прожитых лет.

Новый 2010 год мы по их приглашению встречали в Испании в их великолепном доме, нависающем, как ласточкино звено, с высоченной розовой скалы над одной из бухт побережья Коста Браво. ОН, как всегда, позаботился о том, чтобы всё было занимательно, комфортно, изобильно и вкусно.

Нашим дружеским отношениям к тому времени исполнилось уже больше 50 лет. И, несмотря на то, что нас долгие годы разделяли тысячи километров, наша душевная близость и общность интересов, благодаря таким встречам и современным средствам коммуникации, только крепли.

Но вот пришёл 2013 год. В Украине всё заметнее стала усиливаться политическая напряжённость. Ситуация усугублялась безудержным ростом коррупции во властных структурах. Кроме того, многим украинцам было известно, что во главе государства стоит криминальный пахан, «легитимно» избранный в результате беззастенчивого одурманивания электората и применения чёрных технологий на деньги Рената Ахметова.

Мы с моим другом неоднократно по телефону обсуждали события, происходящие в Украине. Болью в сердце и одновременно светлыми чувствами надежды отзывались трагические дни Евромайдана. Тревожило возникновение в разных городах Украины небольших групп, так называемых «титушек» – спортивного вида крепких молодых людей, используемых в качестве подстрекателей и наёмников для организации силовых провокаций, потасовок, иных акций с применением физической силы. На юге и востоке Украины появились хорошо обученные, вооружённые до зубов «отпускники», так называемые «зелёные человечки», говорящие исключительно по-русски. Особое беспокойство вызывало скопление на границе крупных российских танковых соединений, которые стволами своих башенных орудий, как угрожающими жестами указательных пальцев, сканировали приграничную территорию Украины, ненавязчиво напоминая о своей огневой мощи.

Мы, повторюсь, обсуждали и дружно возмущались неприкрытым вмешательством России во внутренние дела бывшего братского государства, понимая, что эти действия мало чем отличаются от дебютных ситуаций в Приднестровье (1991), Южной Осетии и Абхазии (2008). В этих наших политизированных телефонных обсуждениях в главном мы всегда были по одну сторону баррикад. И, невзирая на то, что события уже нарастали с пугающей быстротой, было

совершенно ясно, что Украина должна разбираться со своими проблемами самостоятельно, без вмешательства извне.

Грянула весна 2014 года. Россия, наплевав на все существующие международные нормы и соглашения, под высосанным из пальца предлогом защиты так называемого «русского мира» (кто и когда притеснял русских в Крыму?) аннексировала Крым – лакомый кусок украинского пирога. Мир содрогнулся от само собой напрашивающихся исторических аналогий.

Подошло время для нашего очередного телефонного контакта. После непродолжительного обсуждения незначительных бытовых событий и обмена скупой информацией о состоянии коллективного (семейного) здоровья, Я, разумеется, упомянул и о проблеме, обрушившейся на полуостров Крым. И далее состоялся такой разговор. Я, конечно же, ничего не записывал, но надеюсь, что воспроизведу его, как говорится, близко к тексту.

- Как тебе ситуация в Крыму? – спросил Я возбуждённо.
- Да, всё нормально. – беспечно ответил ОН.
- Что же тут нормального? – настороженно воскликнул Я, ещё не осознавая до конца, как сложится разговор дальше.
- Да, всё нормально. Народ проголосовал за отделение от Украины, и всё свершилось! – менторским тоном продолжил ОН.

• Но, Я не понимаю, почему это происходило под прессингом вооружённых сил России? При чём, вообще, здесь Россия? Неужели ты всерьёз воспринимаешь сказки о притеснении в Украине «русского мира»... На мой взгляд, это очень напоминает гитлеровский аншлюс территорий Австрии и Судетов.

• Наступила странная пауза, а затем Я услышал слова, наполненные острым сарказмом и даже раздражением.

• Ну, ты молодец! При чём тут Гитлер? Ты что не увидел, как встретил народ присоединение Крыма к России? Это же было всеобщее ликование! Опомнись! Путин абсолютно прав!

• Я всё видел. Но вспомни сам, как ликовал народ в 30-е годы прошлого столетия, когда в СССР уничтожались

тысячи достойнейших людей, так называемых «врагов народа», — едва сдерживаясь, попытался возразить Я.

• Кончай заниматься демагогией! Ты знаешь, что я тебе скажу... Я думаю, что наших детских воспоминаний и сложившихся в связи с ними отношений не достаточно, чтобы их длить дальше, — прозвучала ключевая фраза, которой и завершился этот жутковатый диалог.

Прошло уже три года. Мы ничего не знаем друг о друге. Для нас (друг для друга) наступила горькая виртуальная смерть. Эти три года показали, насколько ситуация с Крымом разделила большую часть русско-украинского народонаселения. Рушились не только дружеские отношения, но рвались даже

самые прочные родственные узы и, отстаивая каждый свою позицию, сослуживцы становились буквально врагами. Те, лозунгом которых стал захватнический девиз «Крым наш!», явно корреспондирующийся с гитлеровским «Дранг нах Остен», автоматически попадали в ряды отъявленных маргиналов и коллаборационистов. Нам, людям, придерживающимся либеральных взглядов, было совершенно ясно, что Путин, умело скрывая под маской голубя свою ястребиную сущность, одержимый имперской идеей, на аннексии Крыма не остановится. И, к сожалению, практика подтвердила наши опасения. В результате в Украине за три года так называемой антитеррористической операции ушли из жизни более 30000 человек (из них свыше 8000 военнослужащих), а Россия приняла свыше 10000 запаянных гробов, называемых «грузом 200». Свыше 40000 молодых жизней унесла с обеих сторон безумная война в угоду параноидальным планам зарвавшегося политика. А «народ безмолвствует», как писал А.С.Пушкин. Да, и история ни чему не учит.

Этот свой невеселый размышлизм мне захотелось завершить чистосердечным признанием: не знаю как ОН, но Я очень тяжело пережил наш разрыв. Когда острота утраты притупилась, мне пришла в голову обжигающая по

жёсткости и глубине цинизма мысль. Выходит, несмотря на наши искренние дружеские полувековые отношения, можно, в конечном итоге, обходиться друг без друга...

Примечания:

Передача Крымской области из состава РСФСР в состав СССР была осуществлена на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954

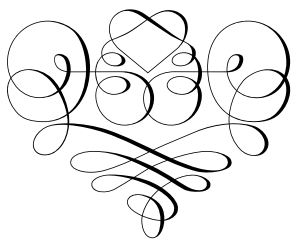
1991 год — по результатам всекрымского референдума Крымская область преобразована в Крымскую АССР в составе СССР.

31 мая 1997 года был подписан «Договор о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве между Российской Федерацией и Украиной», который гарантировал принцип стратегического партнёрства, признания нерушимости существующих границ, уважения территориальной целостности и взаимного обязательства не использовать свою территорию в ущерб безопасности друг друга.

16 марта 2014 года был проведён референдум о статусе Крыма, на основании результатов которого была в одностороннем порядке провозглашена независимая Республика Крым, подписавшая с Россией договор о вхождении в состав РФ.

Июнь, 2017 год

**Записки
выздоровливающего**

Я стал делать эти записи просто так, как говорится, от нечего делать, заполняя тем самым свободное от процедур время. Но уже к середине моего здесь пребывания мне показалось, что во всём происходящем в этой клинике есть много типичного и даже обобщающего для немецкой медицины. И, учитывая, что эти записи могут носить полезный информационный характер, я вернулся к уже написанному, и насытил текст может быть даже малозначительными подробностями. А вдруг кому-нибудь пригодится.

Направление на лечение в клинику Бланкенштайн, где используются главным образом методы нетрадиционной медицины, я получил неожиданно-негаданно. Что конкретно при этом имелось ввиду я совершенно себе не представлял. Но, как говорится, доктор сказал: «Резать!» – будем резать. Надо же! Вновь преследуют тени прошлого. Сейчас припомнился любимый фильм «Покровские ворота» и фраза: «Резать к чёртовой матери, не дожидаясь перитонита».

Итак, надо ехать. В 6 утра прозвенел будильник. Пора. Клиника находится в окрестностях Бохума и дорога в общей сложности занимает почти три часа. Пешком до трамвая, трамваем до вокзала Кёльн-Дойц, дальше региональным экспрессом до вокзала в Бохуме, а уже оттуда полчаса автобусом до Бланкенштайна. Городок Бланкенштайн расположен среди отрогов Рейнских сланцевых гор. Пребывание в клинике рассчитано, как стояло в информационном письме, на 12-18 дней. При этом не всё перечисленное в письме, как впоследствии выяснилось, следует принимать всерьёз.

Осень. Тащить с собой вроде бы нужно много всякого. Это и одежда, и обувь на разную погоду, и всяческие гаджеты на все случаи жизни, включая ридер и нетбук. Чемодан собран, но поднять («Когда дряхлеющие силы...») невозможно. Спасает лишь вера в светлое будущее и то, что чемодан всё же на колёсном ходу. Однако, как показало ближайшее будущее, мой оптимизм был явно избыточен. До трамвая мы с чемоданом, превратившись практически в одно целое, дотащились относительно благополучно. Главные неприятности начались в Дойце. Очевидно у всех эскалаторов на моё еврейское счастье была стоячая забастовка. И, если с платформы метро-трамвая был всего один лестничный пролёт, то к платформе поезда нам с чемоданом нужно было одолеть таких четыре марша. Но мир не без добрых людей. Едва живой я вышер своего тяжеленного спутника на площадку первого пролёта и тут спускающийся сверху молодой человек любезно предложил свою помощь. Предполагаю, что к тому времени я представлял собой весьма жалкое зрелище. Впервые в жизни я ощутил на себе негаданную прелесть гуманитарной помощи. Надо сказать, что пришёл я окончательно в себя лишь на подъезде к Бохуму. Мы с чемоданом кряхтя вывалились из вагона и довольно быстро нашли остановку нужного нам автобуса. До его прихода оставалось 15 минут, что было тоже весьма кстати. Проехав ожидаемые полчаса, нас с чемоданом высадили на оживлённом перекрёстке небольшого городка, аккуратно разбросанного по красивому холмистому ландшафту.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Прокувыркавшись по многочисленным подъёмам и спускам мы с чемоданом достигли наконец вестибюля больницы, где без лишних разговоров мне вручили пачку каких-то бумаг и отправили для регистрации на пятый этаж. Там нас подхватила тучная пожилая сестра и устроила мне допрос с пристрастием, заполняя при этом абсолютно неразборчивым почерком принесенные формуляры. Затем она всунула мне в рот термометр, грубо обойдясь с моим языком, измерила давление и повела в комнату, где предстояло

жить ближайшие две недели. Это была двухместная палата со стандартным набором сервиса. Моим соседом оказался очень симпатичный пожилой человек из Билефельда, примерно моего возраста, который представился – Вильфрид Айкер. До выхода на пенсию он работал в фирме, оказывающей помощь людям с неполноценной психикой. Так что, принимая во внимание моё увы явно неполноценное владение немецким, у него хватало терпения меня выслушивать и относительно благополучно со мной общаться. Вильфрид старательно и по мере возможности обстоятельно отвечал на все мои порой странные вопросы, демонстрируя интеллект и достаточно широкий кругозор. Вообще же, теперь уже двадцатилетний мой опыт пребывания в Германии позволяет сделать вполне очевидный вывод, если тебя хотят понять, даже при весьма скромных твоих языковых возможностях, то взаимопонимание достигается быстро, и общение становится реальностью. Если же ты собеседнику не интересен, или, что ещё хуже, по какой-либо неизвестной причине неприятен, то общение превращается в муку или вовсе становится невозможным.

Не успел я как следует разложить свои вещи и (УРА!!!) освободиться, наконец, от чемодана, как за мной пришёл, как вскоре выяснилось, мой палатный врач – якутско-монгольского вида с трёхступенчатой непроизносимой фамилией. Я вручил ему привезенные заключения моих кельнских врачей, которые он сразу отложил в сторону, даже не глянув в них. И снова допрос, но уже с двойным пристрастием. По сути мне надо было отвечать на те же вопросы, которые только-что мне задавала сестра. Фамилия, имя, год и место рождения, вес, рост, перечень моих болячек и принимаемых медикаментов. У меня сложилось впечатление, что они просто проверяли мою память или даже родственные отношения с господином Альцгеймером. Удовлетворившись моими ответами, доктор сказал, что их клиника это как раз то, без чего мне ну никак. Короче, «то, что доктор прописал». Сегодня вечером (почему вечером?) он сделает все необходимые назначения и с завтрашнего дня за меня возьмутся, как следует.

Уже вечером дежурная сестра принесла мне одёжную щётку средней величины и объяснила, что каждое утро я должен до лёгкой красноты массировать этой щёткой по определённой схеме руки, ноги, грудь и живот. При этом улучшается приток крови к натёртым местам, а заодно и очищается кожный покров. И действительно, тело активно разогревалось, но при этом с меня сыпалась труха. Далее выяснилось, что в 6 утра у меня назначена тепловая процедура – укутывание плечевого пояса. Я поставил будильник и полночи не спал в ожидании этого чего-то.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

В назначенное время в комнату ворвалась селестра с бодряческим пожеланием доброго утра, хотя подъём в 6 утра для меня априори не может быть добрым. Она разложила на большую простыню мягкий носитель тепла, на него подушку с ароматным сеном. Всё это укрыла большим полотенцем, а поверх этой роскоши сестра угнездила моё страдающее тело и стала пеленать. В результате на кровати осталась лежать то ли большая кукла, то ли пародия на египетскую мумию. Справедливости ради нужно сказать, что это были самые приятные 30 минут этой ночи. Такую процедуру в течение дня мне будут делать дважды. перед завтраком и после обеда. Так начался второй день.

Утренние мероприятия завершились сюрпризом. Сестричка принесла миску, в которой лежал полиэтиленовый мешочек с горячей болотной грязью. Отдельно она выдала мне баночку с вазелином, маленькую щётку и полотенце. Получив от сестры необходимые указания, я смазал ногти вазелином и, окунув кисти рук в принесенную грязь, стал её мять, обжигаясь и морщась от отвращения. Начальная длительность процедуры – 5 минут с последующим добавлением по одной минуте ежедневно. Руки представляли собой натуральное свинство, но, благодаря щётке, их не без труда всё же удалось отмыть. Такое чумазое у меня теперь будет каждое утро.

В 11 часов нас собрали в большом зале и вплоть до обеда компостировали мозги, убеждая в преимуществе лечения

природными и нетрадиционными средствами. На мой взгляд это была просто пустая болтовня или, как говорят немцы – бла-бла-бла. После обеда нас – группу ревматиков принуждали делать оздоровительную гимнастику. В этой группе, состоящей из восьми человек, я был единственным представителем мужского пола. Вообще, больничный контингент состоит в основном из женщин, что вполне коррелируется со статистическими данными. Перефразирую текст старой песни скажем: «Незамужние (уже) старушки составляют большинство». Под вечер мои колени укутали холодными компрессами, которые я должен был терпеть на себе на протяжении 4-х часов. А уже совсем перед ночью мне для улучшения сна и качества сновидений к зоне сердца приложили тряпицу пропитанную лавандовым маслом.

Если к этому добавить, что трижды перед едой я принимаю гомеопатические обезболивающие капли, то, пожалуй, второй день моего пребывания будет почти полным. Почти, поскольку я не хочу касаться еды, предназначенной для пациентов, использующих исключительно натуральные продукты, природные средства и методы. Меня сразу начинает подташнивать, лишь только вспомню это меню. Хотя, всё безусловно свежее, но какая гадость!

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Этот день оказался тяжёлым. Опять в 6 утра первая процедура (уже начинаю привыкать), опять щёточный массаж большей части тела и обычные утренние процедуры, которые хочется успеть до завтрака. За завтраком давился бутербродом с сыром на жутком зерновом хлебе. При этом вынужден был торопиться, поскольку на 8-30 назначена следующая процедура – гимнастика в бассейне. Не успел толком высохнуть, как меня отправили в нечто до сих пор мне неведомое. Там меня встретил улыбчивый толстенький человек небольшого роста с роскошными вьющимися седыми волосами до плеч. Это был физиотерапевт. В Германии люди этой профессии относятся к категории среднего медицинского персонала. Самым поразительным было то, что он

оказался слепым. При этом всё, что он делал, делалось легко и уверенно. Он завёл меня в большую комнату, где моему взору открылось странное сооружение, напоминающее снаружи огромную ванну, в которую вровень с её краями встроена столешница, устланная чем-то горячим и мягким. Мне было велено сбросить с себя всю одежду, подчёркиваю всю, и лечь на горячую столешницу. Медбрат укутал меня махровыми простынями и клеёнкой, и я стал медленно опускаться. В результате всё моё тело утонуло в чём-то горячем и обволакивающим. Это что-то оказалось болотной грязью. Из гуманных соображений моё тело укутыванием было лишено тактильного контакта с грязью. Но, как говорится, танки грязи не боятся. Однако нагрузку почувствовал. Вообще же, когда платформа вместе со мной стала опускаться, я почему-то припомнил крематорий.

Собрав волю в кулак, отдал себя в руки массажистке, которая с какой-то весёлой удалью, как мне показалось, пыталась содрать с меня шкуру. Утешило лишь нежное поглаживание под конец сеанса. Затем для облегчения моей артрозно-коленной участи меня препроводили на необычную электропроцедуру. Я 20 минут лежал, просунув ноги

в ярко-жёлтый тор, который был излучателем электромагнитных волн. С трудом передвигая ноги, я добрался до своей кровати. Но не долго музыка играла. Пришлось, преодолевая отвращение подниматься в столовую. Однако, на сей раз обед приятно удивил. Нам- натуралистам предложили вкусную отбивную из какой-то дозволенной птицы. А после обеда меня снова угревали горячим сеном. Теперь скажите мне, добрые люди, какое надо иметь здоровье, чтобы выдержать такое лечение (8 процедур за день). Я уже не говорю о стандартных физиотерапевтических процедурах (массаж, гимнастика в воде и др.), которые также входили в мой лечебный план.

В середине дня у меня сильно разболелась голова. Пришёл мой доктор и натыкал в мой страдающий череп пару десятков иголок, которые, как мне представилось, визуаль-но компенсировали отсутствие волос. Но голове стало легче и я заснул. Спустя час собрался на прогулку. Я заставляю себя гулять по часу ежедневно. При этом возникают разнообразные болевые ощущения, которые, к сожалению, пока только усиливаются.

Сегодня добрался до старой части городка Бланкенштайна и обнаружил там городской музей и замок Бланкенштайн. Так что есть с чем знакомиться.

Дополнительным развлечением была борьба с моим компьютером, который никак не хотел подключаться к интернету. Мне вызвали больничного специалиста по этой части. Он долго возился, но ничего не достиг. Очень извинялся (тут мир вирклих лайд) и ушёл явно огорчённый. Ему я помочь не мог.

ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ

Начало дня от предыдущих от предыдущих ничем примечательным не отличалось. Правда, кроме бутербродов, которыми ежедневно давлюсь утром и вечером, я обнаружил варёные яйца и отвёл душу. Всё-таки какое-то приближение к домашним завтракам. Сегодня в отделении было как-то особенно светливо. Оказывается ожидали еженедельное посещение шеф-арцта (это самый главный врач клиники).

И действительно, в 10-00 распахнулась дверь и в палату энергичной поступью влетел шеф, а за ним втиснулась его молчаливая свита. Он подошёл ко мне и, взяв в руки мой лечебный план, поинтересовался моим самочувствием. Когда же я открыл рот, чтобы как всегда что-то бодрое ответить, шеф с нежной улыбкой протянул мне свою пухлую ладонь и сообщил, что моё пребывание заканчивается 5-ого октября. Пожелав скорейшего выздоровления, он поспешно переместился к соседу. Весь визит продлился не больше одной минуты. Вот что такое высокий профессионализм.

Пришло обеденное время. Не могу молчать! Впервые в жизни ел жаркое из тофу (тьфу!) и овощей. И хотя это было вполне съедобно, но организм вопиет: «Мне это за что?». Вот я и вынужден существовать здесь по принципу – «Вынесет всё – и широкоую, ясную грудью дорогу проложит себе....».

После обеда у меня была лишь одна процедура для отъявленных ревматиков. Нам вручили твёрдые резиновые мячи с шипами, которыми мы в течение 20 минут старательно му-солили все доступные поверхности тела. Казалось бы – вроде ерунда, но после этого я был весь мокрый.

С первого дня я установил для себя правило – хотя бы час в день гулять. Тёплая солнечная осень этому способствует. Но холмистая, хотя и очень красивая, местность затрудняет выполнение этой задачи. И всё же я сегодня добрался до центра Бланкенштайна и обнаружил там на Базарной площади вполне приличный городской (краеведческий-исторический) музей со свободным входом, что, разумеется, тоже повысило его рейтинг в моём представлении. Вообще же, чем больше я бываю в немецких музеях, тем больше восхищаюсь мастерством немецких музейных специалистов.

Если спуститься пару кварталов вниз от музея, ты упираешься в мощные стены замка Бланкенштайн, первые строения которой относятся уже к XIII веку. Название происходит от наименования строительного камня (гладкий камень), используемого при возведении замкового комплекса. Сегодня над городом возвышается лишь хорошо сохранившаяся грозная сторожевая башня, в которой уютно разместился ресторан «Бург Бланкенштайн». Пройдя

вглубь двора, я нашёл возможность выхода на торец замковой стены, возвышающейся над глубоким обрывом. И, хотя меня там встретила строгая табличка – «Под собственную ответственность», всё же любопытство (или любознательность) взяло верх и я ступил на эту опасную тропу. Опасную потому, что там не было никаких ограждений. Где-то далеко-далеко внизу белели какие-то постройки. Передо мной открылась бездна, которая, как ни странно, почти физически ощутимо манила вниз. И тут я поймал себя на том, что начал пятиться. Поэтому дошёл до очередного выступа стены и остановился. Налюбовавшись открывшимся видом, припомнил гениальную строчку В.Высоцкого «Чую с гибельным восторгом – пропадаю!» и вернулся на твёрдую землю. Уже на выходе из замка увидел афишу, приглашающую в следующие субботу и воскресенье на рыцарский праздник. Я благосклонно приглашение принял.

А ещё мне, наконец, удалось подключиться к интернету. В соседнем здании в маленьком кафе есть доступный Wi-Fi, который безотказно работает, если заказать, например, чашечку кофе. Тут уж я потешил душу, поговорив по скайпу со всеми, кто светился зелёным; но самое главное – почистил почту. За 4 дня, пока я был вне зоны доступа, набралось более 50 входящих писем. Мои друзья всё время опасаются, что я пропущу какую-то важную или просто любопытную, на их взгляд, информацию. Вот я и выполняю регулярно функцию чистильщика. К сожалению, кафе работает только до 17-00. Но, как известно голь на выдумки хитра. Я предположил, что, во-первых, если расположиться в районе запертой двери, то волны всемирной сети меня обнаружат, а во-вторых, вряд ли хозяйка часто меняет код доступа. Притащив стул, я к удивлению мелькающего мимо меня персонала, свободно общался с доступным мне миром.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

Отличительной особенностью сегодняшнего дня стало посещение нашей палаты обер-арцтом (заведующий отделением). В палату без какого-либо сопровождения вошёл

измождённый (по-видимому нашими болезнями) мужчина средних лет с седой редкой растительностью на видимых местах. Первое, что он с улыбкой спросил: «Вы иммис?». Я, естественно, не понял и переспросил. Он объяснил: «Так в Германии называют иммигрантов». Я весьма красноречиво на него глянул, не понимая, как на это реагировать, но он уже начал со мной говорить по существу моих жалоб. В результате, добавил мне ещё одну процедуру и волшебное обезболивающее средства – аконитовое масло. По-моему они считают, что мои процедурные возможности исчерпаны ещё не до конца, что совершенно не совпадает с моими ощущениями.

Сегодня нас опять собрали в лекционном зале на так называемые занятия по терапии порядка. Ой, не могу! Смех, да и только! Такое, мне кажется, возможно только в Германии. Изящная девушка тихим голосом, напоминающим мышиный писк при отсутствии опасности, явно смущаясь, что приходится взрослым тётям и дядям говорить прописные истины, убеждала нас в необходимости порядка во всём: в шкафу, в чемодане, в холодильнике, во время каких-либо занятий, работы или даже досуга. Но главный порядок должен быть в голове. Тоска! Хотя должен признаться, что интуитивно всю жизнь стараюсь жить именно так.

Дневная прогулка занесла меня в самое сердце этого городка. По крутым живописным склонам расположились шикарные малоэтажные особняки. И, хотя большого архитектурного разнообразия нет, общая картина радует не только владельцев этих домов, но и неискушённый глаз стороннего наблюдателя. При этом больше всего меня поразило количество одновременно возводимых строений. То там, то здесь видишь упирающиеся в небо величественные башенные краны, напоминающие стадо жираф, общипывающих верхушки бабабов. Это позволяет сделать очевидный и оптимистический вывод – до кризиса в Германии ещё далеко.

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

Шестой день – это суббота. Количество медперсонала в отделении уменьшается вдвое, что снижает, на радость нам,

процедурную нагрузку. Не надо думать, что их совсем нет, но активных всего четыре и две пассивные. Это занятия по правильному дыханию (полезные), так называемая дыхательная терапия и получасовые показательные выступления по разгрузке позвоночника (вряд ли уже поможет). По окончании послеобеденной процедуры я с наслаждением позволяю себе так называемый в прошлом мёртвый час. Тогда ещё это слово с реальностью никак не связывалось.

Теперь, когда я имею возможность выхода в интернет, строю вторую половину дня так. Я спускаюсь в кафе, где два часа всячески использую эту возможность. Затем до ужина иду гулять. После ужина получаю свои наколенные компрессы с киттой (если я правильно понял, то это вытяжка из секрета улитки) и вновь сажусь за компьютер. На площадке у лифтов стоит замечательное мягкое инвалидное кресло, где я и обретаюсь. Остальной народ на это даже не претендует, возможно потому, что я в отделении один из старейшин (обратите внимание не старейших). А к 22-00 я уже в постели, в томительном ожидании бессонной ночи.

Сегодня я целенаправленно пошёл более тщательно обследовать Бург Бланкенштайн. Не доходя до входа в замок, обратил внимание на необычное оживление у евангелической церкви XVII века. Там только что завершился обряд венчания и прекрасные молодые в окружении родных и близких высыпали на улицу. Начались поздравления и объятия. Это было забавно. Никаких поцелуев. Они обнимались, положив головы на плечи друг друга, как лошади в брачный период, после чего начинались длительные похлопывания или поглаживания по спине. Затем всем раздали стеклянные пробирки, как потом оказалось с мыльной жидкостью, заткнутые пробкой-ножкой с кольцом на конце и с ручкой в виде сердечка. И тут под общее ликование над головами новобрачных возникло облако мыльных пузырей, переливающихся всеми цветами радуги в солнечных лучах. Дёшево и красиво. Такова новая свадебная традиция.

Насладившись этим зрелищем, я продолжил свой путь в замок. Её первые стены и сторожевая башня были возведены из рурского песчаника (он же гладкий камень) ещё

в тринадцатом веке. Менялись столетия и менялись замковые строения. До наших дней почти нетронутой временем сохранилась башня, возвышающаяся на 70 метров над долиной реки Рур. Башня имеет квадратное сечение со стороной в 9 метров. Вверху башни находится смотровая площадка, с которой открывается невероятной красоты вид на живописные берега речки Рур на фоне холмистого ландшафта, переливающегося всеми возможными оттенками зелёного цвета. Да, да, да! Я туда забрался, преодолев 129 высоких ступеней. Правда, восхождение заняло почти 20 минут, при этом мои физические и волевые запасы были исчерпаны. Но я горжусь собой и одновременно немецкой нетрадиционной медициной. А это всего лишь шестой день. «То ли ещё будет, ой-ой-ой!»

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

Сегодня завершается первая неделя борьбы натуральных методов лечения с моим организмом. Очень интересно, кто же победит. После завершения ежедневных утренних процедур, включая завтрак, у меня было назначено нечто неизвестное – что-то связанное с лечебными травами. Однако, нас ждал настоящий сюрприз. Это что-то не состоялось. Ура!!! Пробита брешь в непробиваемой стене немецкого порядка. Причём никто никого ни о чём не предупреждал. Даже всезнающие сёстры лишь пожимали плечами. Так что, и на немецкую старуху бывает аналогичная проруха.

Дальше всё было по стандартной схеме: прогулка, обед, послеобеденное сенное укутывание, чай с лимоном и интернетом, снова прогулка, ужин, коленные компрессы, компьютер и отбой.

Целый день клиника была забита визитёрами. Целыми семьями приезжали проведать своих близких. Благодаря возможности перекусить в больничной столовой (за деньги, разумеется) и в ближайшем кафетерии, гости задерживались, но окончательно убедившись, что их родным здесь ничего не угрожает, удовлетворённо разъезжались по домам. Я же слонялся между ними, изображая из себя круглого сироту.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Вот я и преодолел ровно половину своего лечебного цикла («свой путь, пройдя до половины...»). Но прежде чем продолжить хронологию моего здесь пребывания, ненадолго отвлекусь на обобщённое описание того, что мне бросилось в глаза за прошедшую неделю.

Отделение, в котором я нахожусь, сверкает какой-то нереальной чистотой. Причём достигается это абсолютно незаметно. Это касается не только палат, но и процедурных кабинетов, и иных мест общего пользования. Палаты оборудованы на одного, двух или трёх пациентов. Я был помещён в двухместную палату. В ней на довольно значительном расстоянии стоят две функциональные кровати с пультами управления. Рядом многофункциональные тумбочки (даже как-то совестно эту конструкцию так называть), которые, как Пифагоровы штаны на все стороны равны, и свободно вращаются во всех направлениях. У противоположной стенки с равными возможностями для обоих пациентов стоит шкаф, который венчает телевизор. По обе стороны шкафа распахнули свои крылья откидные столы, а рядом — стулья. Комната оборудована нишей с ещё одним шкафом и умывальником. За ней находится туалет и душевая кабина, рассчитанные на две палаты. Если туда заходит больной из одной палаты, то дверь из соседней палаты автоматически закрывается. Кабины оснащены дезинфицирующими средствами и пакетами с тонкими резиновыми перчатками, на которых даже стоят их размеры. Во всех помещениях, имеющих двери, установлены динамики, позволяющие при необходимости вызвать нужного врача или просто пригласить к вечерней молитве в больничную капеллу. Разносящиеся по коридорам отделения децибелы звучат неожиданно угрожающе.

Что же касается команды медперсонала, то тут меня просто захлёстывает чувство восхищения и благодарности. Они работают доброжелательно, участливо, всегда с улыбкой и чрезвычайно пунктуально. К примеру, если назначена процедура на 6-15, то точно в это время открывается

дверь, и появляется медсестра. Это, с одной стороны, очень удобно, а, с другой стороны, дисциплинирует обе стороны. Прошу прощения за тавтологию. Очевидно в этом и состоит терапия того самого порядка. Ещё хочется сказать несколько слов о работе столовой. Каждый пациент получает блюда по прописанной врачом диете, что на раздаче контролируется сотрудниками столовой по предъявлению карточки определённого цвета. При этом в обед предлагается всегда новое блюдо, не всегда соответствующее твоему вкусу, но очевидно полезное и свежее. Кофе-автомат, с разными видами кофе и обязательные разнообразные овощи и фрукты. Последнее, что мне ещё хотелось бы отметить – ко всем процедурам ты получаешь белоснежные свежие до скрипа простыни или полотенца любых размеров, так что тащить с собой имеет смысл только полотенца для личного туалета. А это значит, что мы с чемоданом вполне могли избежать пережитой в первый день участи.

Уже который день подряд, после ночи раздёргивая для проветривания тяжёлые тёмно-синие портьеры, взгляду открывается удивительная картина. Всё обозримое пространство укутано нежно-молочным туманом, сквозь который едва угадываются пробивающиеся с востока солнечные лучи. Но не проходит и часа, как спадает небесный занавес и вновь перед тобой картина, достойная кисти лучших пейзажистов. По склонам холмов точно цветы, рассаженные умелой рукой садовника, проглядывают белоснежные дома, утопающие в сверкающей изумрудной зелени.

Однако, красота красотой, но процедуры никто не отменял. После обеда к нам в палату ворвался искрящийся молодой энергией человек с повозкой, на которой лежали разные загадочные предметы. Он сказал, что обер-арцт назначил нам обоим SKM. Эту аббревиатуру мне расшифровать так и не удалось. А выглядело это так. Он начал с моего соседа, что дало мне возможность хоть как-то сориентироваться. Нужно было раздеться до половины и подставить врачу спину. Тот тщательно протёр её дезинфицирующей салфеткой, затем нанёс на спину тонкий слой вазелина и, взяв с повозки устройство похожее на банку, снабжённую отсосом,

присосал её к спине испытуемого и стал вращать в течение 5 минут. Мой Вильфрид спокойно сносил это и даже удовлетворённо улыбался. Я же не смог выдержать и минуты (такая была мышечная боль). Мне показалось, что доктор даже испугался и, прекратив процедуру, сказал, что будет советоваться со старшими товарищами. После этого мероприятия мы обнаружили на своих спинах изрядные кровоподтёки. Хороший инструмент для камеры пыток.

Отлежавшись, пошёл на очередную прогулку по новому маршруту. Преодолев бесчисленное количество подъёмов и спусков, пройдя едва ли не по асфальтированной дорожке между двумя свежевспаханнами полями, я попал в дубовый лес. Как говорят в Одессе, вы таки будете смеяться, но я шёл через лес по достаточно широкой тропе, вдоль которой через 100-200 метров стояли удобные деревянные скамейки. Каково же было моё удивление, когда я прямо вышел на небольшое лесное кладбище, где были захоронены 151 советский военнопленный. Кладбище представляет собой шесть узких террас, вдоль которых расположены скромные солдатские могилы. На каждой могиле лежит квадратная гранитная плита с выбитыми на ней именами, фамилиями и датами рождения и смерти. Под этими данными, на всех плитах одинаково, стоят ещё два слова «советский гражданин». У входа на нижнюю террасу стоит мемориальная стела, на которой на двух языках безэмоционально, но уважительно написано, кто здесь похоронен. А, судя по ошибкам в русской части текста, понятно, что стела установлена немцами. У подножья лежал трогательный небольшой венок из свежих цветов с алой лентой от какого-то металлообрабатывающего предприятия. При входе же на верхнюю террасу стоит, судя по виду, не очень давно установленная, вторая стела с уже только русским текстом, где чётко и жёстко сказано, «здесь нашли вечный покой советские военнопленные, погибшие от рук фашистских извергов». Я прошёлся вдоль всех могил, читая эти горькие надписи. Много было совсем молодых солдат, попадались и женские имена. Ничего нет страшнее войны! Прошло столько лет, но всё равно полез за валидоллом...

На обратном пути я присел на одной из скамеек под дубом вековым. Попрошу без напрашивающихся ассоциаций. Толком не удалось отсидеться, потому что при малейшем дуновении ветерка я подвергался интенсивной бомбардировке жёлудями. Вскоре мне попался местный житель, который охотно рассказал, что в Бланкенштайне был небольшой лагерь для советских военнопленных, выполнявших принудительные работы на том самом металлообрабатывающем заводе. Сегодняшние его хозяева старательно ухаживают за этой скорбной территорией.

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ

Прогноз погоды позволяет надеяться, что замечательное бабье лето продлится до конца моего здесь пребывания. Вот и сегодня утреннее распахивание портьер занесло в палату вместе с солнечными лучами бодрость и необъяснимо радостное настроение. Мы, как всегда, сели бриться и очень развеселились, потому что одновременно стали себе под нос что-то напевать. Почти по Ю.Олеше. Его повесть «Зависть» начинается словами – «А по утрам он пел в клозете. Можете себе представить, какой это был жизнерадостный человек».

Утренний визит палатного врача закончился сеансом группового (обоим) иглоукалывания. Доктор настолько вошёл в раж («Знай колет. Всю испортил шкуру»), что ему пришлось сбежать за дополнительными иглами.

После обеда у нас по плану была очередная лекция, на которую я тоскливо поплёлся, прихватив, правда, с собой электронную книгу. Устроился в последнем ряду, чтобы иметь возможность незаметно читать. В назначенное время в зал вошла средних лет дама в белом халате и уже с первой фразы завоевала внимание всего зала. Темой было лечение простуды и разнообразных болевых синдромов народными средствами. Она говорила рубленными короткими фразами, внятно и убедительно. Как ни странно, я понимал каждое слово. После конца лекции я подошёл к ней, чтобы задать пару вопросов и поблагодарить за интересно проведенное время. Неожиданно она перешла на русский и сказала: «Пусть они не думают... Оказывается, мы тоже что-то

можем!». И в этой короткой фразе прозвучала щемящая обида человека, которому, очевидно, регулярно напоминают о его второсортности.

День завершился уже привычной часовой прогулкой и вечерним общением с компьютером.

ДЕНЬ ДЕСЯТЫЙ

Ежеутренний врачебный обход. Точнее облёт. Доктор бодро с надеждой на не огорчающий ответ поинтересовался моим самочувствием. И я, как мне показалось, также бодро ответил ему, что будет, я надеюсь, ещё лучше. Ему это понравилось и он спросил, что же больше всего в данный момент беспокоит. Узнав, что это левое колено, тут же всадил в него некоторое количество игл. Но, оглянувшись, увидел, что мой сосед по палате застыл в ожидании чего-то подобного. Деваться было некуда, и на его, кстати, тоже левой ноге немедленно вырос прозрачный лесок иголок.

Сегодняшняя процедура окунания меня в грязь болотную прошла бы без особенностей, если бы ни одно немаловажное обстоятельство. Мною занималась молоденькая хорошенькая сестричка. И вот уже я лежу перед нею, надо тут обязательно заметить – на спине. Мысленно перефразируя известные строчки А.Галича – «вот лежу я перед вами во все голенький», молю, чтобы меня поскорее укутали. Но сестричка попалась старательная, а потому процесс укутывания длился, как мне показалось, мучительно долго. Но, переступив этот стыд и срам, я в конце концов расслабился и стал получать удовольствие.

Мой сосед по палате Вильфрид поинтересовался, что я столько времени делаю за компьютером. И я, как мог, объяснил, что последние 5-6 лет от обилия свободного времени стал пробовать себя в качестве литератора-дилетанта. И к этому времени выпустил малыми тиражами уже пять книжек, которые, кроме того, выложил в интернете на своём сайте. Он захотел на них глянуть, и мы с спустились в кафетерий, где я показал ему обложки всех книжек. Разумеется только обложки, поскольку он не знает русского языка. Но Вильфрид этим не удовлетворился и заставил меня хотя бы

коротко рассказать, о чём каждая из них. Скажу по чести – писать их мне было куда как легче.

Вечером мы с ним будем смотреть футболы. Второй день подряд проходит очередной тур Лиги чемпионов Европы. Так что и здесь у нас обнаружилась общность интересов.

ДЕНЬ ОДИННАДЦАТЫЙ

В соседней палате обретается ещё один русскоязычный житель Германии – некто Борис. Выходец из Донбасса. В первый же день нашего знакомства речь, разумеется, зашла о войне в Украине. Именно о войне, поскольку только война, пусть и с новомодным названием – гибридная, может быть источником крови, которая до сих пор льётся. Но этот господин поспешил мне сообщить, что Путин прав, а виноваты во всём пиндосы, то-есть американцы. Я немедленно разговор прекратил, понимая всю бессмысленность его продолжения. С тех пор мы с ним встречаемся только на медицинских площадках.

Сегодня утром он неожиданно подошёл ко мне и сказал с улыбкой, что я и мой сосед по палате очень похожи. Это меня удивило и я по простоте душевной напомнил ему милую старую одесскую шутку. Встретились две пожилые дамы и одна другой говорит: «Наши Ёся и Мося, как две капли воды, особенно Ёся». Мой собеседник угрожающе покраснел и дрожащим голосом воскликнул: «Так вы ещё и антисемит!». Такого в свой адрес за всю мою долгую жизнь слышать ещё не приходилось. Жидовская морда – было, а антисемит – никогда. Поблагодарив Бориса за пикантность доставленного ощущения, я удалился с гордо поднятой головой.

Перед обедом нам прочитали очередную лекцию. Темой стала – здоровая диета. Докладчица пыталась нас убедить, что, если отказаться от всего вкусного (в моём понимании), то нам практически обеспечена долгая, если не бесконечная, то во всяком случае здоровая жизнь. Но я такой жизни категорически не хочу. Это не значит, что надо жрать всё подряд, включая заведомо вредную пищу, но отказывать себе в одном из последних удовольствий, оставшихся на старости лет, не хочу и не буду!

ДЕНЬ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Я так понял, что в последний полноценный рабочий день (а речь идёт о пятнице), доктор решил дать мне перед выпиской контрольную нагрузку – на выживание. Процедуры следовали одна за другой с такой плотностью, что я даже отказался от ужина. И кстати об ужине. Здесь в клинике я обратил внимание на то, как немцы едят. Многие, присев за стол, на мгновение замирают, вознося короткую благодарственную молитву Всевышнему. Большинство красиво и даже аппетитно владеют столовыми приборами. Но мне бросилось в глаза другое. Они после себя ничего не оставляют на тарелках. Вообще-то я знал, что у немцев считается моветоном не доедать до конца, но, чтобы ни крошки, ни капельки... В результате на подносах остаются тарелки, сверкающие своей лживой девственностью.

Зато в обед я дал разрядку своей врождённой язвительности. Нас-натуралистов снова кормили изделием из тофу. Не буду врать – было вполне съедобно. Но это безобразие под видом еды воспринимаю, как личную обиду. И вдруг за соседним столом я увидел нашего диетолога, которая уплетала за обе щеки свиную отбивную. Это уже было выше моих сил. Ещё намерены она нам в стихах и красках рассказывала о вреде любой вкуснятины. А теперь... На лекции на заданный мной вопрос о необходимости строго придерживаться предложенной диеты, особенно глубоко пожилым людям, она в ответ лишь улыбнулась. Сейчас я встал и, подойдя к ней, тоже улыбнулся и пожелал приятного аппетита. Мне показалось, что она была смущена.

Завтра выписывается мой сосед, с которым мне было очень комфортно все двенадцать дней. Вечером мы признались друг другу во взаимной симпатии и это было совершенно искренне. Уже утром в палате появится новенький. И пусть мне здесь осталось быть всего два дня, я думаю о появлении нового лица с большой настороженностью. Очень не хочется, чтобы в бочку мёда попала даже чайная ложечка дёгтя.

ДЕНЬ ТРИНАДЦАТЫЙ

Ещё нам обоим оставались назначенные процедуры, но уже после завтрака началось затяжное прощание. Вильфрид с большим усилием втиснул в чемодан разбежавшиеся по всей комнате вещи и отбыл в свой Билефельд. Меня же ждал приятный сюрприз. В праздничные дни (а это была юбилейная годовщина объединения Германии) новые пациенты в клинику не поступают. Это значит, что по крайней мере одну ночь я проведу в гордом одиночестве. К сожалению, я не смог проводить моего милого соседа, потому что вынужден был идти на очередную процедуру, произносимую по-немецки коротко и понятно – рюкеншуле, а по-русски требующую многословного объяснения. Примерно так: как поддерживать в хорошем состоянии мышечный корсет позвоночника. Простым и понятным это становится лишь во время демонстрации упражнений.

Нежданно-негаданно в палату вошёл густо покрытый веснушками рыжий молодой человек с плохо скрываемым голубым оттенком и выразил желание повторить процедуру SKM, которую я не смог перенести в прошлый раз. Он долго уговаривал и я согласился, памятуя, что, если прокурор говорит садитесь, то не удобно стоять. Правда, я с трудом выдержал положенное время, а он – мои стоны.

В обед нас угостили отварным лаксом с молодой картошкой. В таких случаях в Украине насмешливо произносят: «Щось у лісі здохло». Это придало оптимизма и я пошёл смотреть, что собой представляет рыцарский праздник. За вход на территорию замка брали по 3 евро. Организаторы постарались придать средневековому подворью аутентичный вид. То там, то здесь можно было столкнуться с ряжеными в рыцарском облачении, в задачу которых, по всей видимости, входило придавать празднеству необходимый антураж. Но и многие гости праздника прибывали в разнообразных карнавальных костюмах, соответствующих, по их мнению, средневековью.

Всё пространство было заставлено шатрами, в которых при определённой неосмотрительности можно было без

труда оставить внушительное количество денег. Вне конкуренции были питейно-едовые точки. Там то и толпилась основная масса народу. Между ними расположились лавочки, торгующие всякой всячиной – ювелиркой, керамикой, деревянными поделками и иными сувенирами, подчёркивающими принадлежность происходящего к старине глубокой. Большой интерес вызывали мастера старых народных ремёсел. Можно было посмотреть, как измождённый тяжким трудом (в чём только душа держится) кузнец ловко орудует тяжёлым молотком, сопровождая своё общение с наковальной сомнительными шутками. Привлекал к себе внимание публики молодой человек в пёстром наряде, отливающий прямо на глазах изящных оловянных солдатиков. Вызывал всеобщее любопытство причудливый шатёр гадалки, украшенный загадочной и даже таинственной атрибутикой. Сама же хозяйка шатра внешне напоминала американскую звезду Шер в молодости.

Мне очень понравилась идея тира для стрельбы из лука. Заправляла этим некая дама необъятных габаритов, прикрытых коричневой монашеской (почему-то) сутаной. На деревянном стенде была вывешена бумажная мишень – большой портрет дикого кабана. Площадка для стрелка находилась на расстоянии 5 метров от мишени. Каждый выстрел стоил 2 евро. Когда кабан оцетинивался лесом вбитых в него стрел, гигантская хозяйка с лёгкостью их выдёргивала и вновь заполняла колчан. Блестящая коммерческая идея. Практически никаких затрат. Доходно-безотходное производство.

На радость детям посреди двора установлена деревянная катапульта, которая стреляет воздушными шариками, заполненными водой. Снаряд, разбиваясь о стену, окатывает брызгами зазевавшихся посетителей. Всё это сопровождается живой музыкой, разумеется в маршевых ритмах, что очень воодушевляет народ. Кто подпевает, а кто и пританцовывает. Я же, послонявшись везде, наслушавшись и насмотревшись всего, понял, насколько оказался чужим «на этом празднике жизни». Я смотрел на всё происходящее холодным взглядом стороннего наблюдателя, сожалея о том,

что рядом не было близкого человека, с которым можно было бы поделиться, несколько смягчив тем самым сложившееся впечатление. Однако, пора было возвращаться. И тут я вспомнил фразу из статьи «Памяти Герцена» вождя мирового пролетариата – «Страшно далеки они от народа». В этом, он, пожалуй, оказался прав.

ДЕНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ

Во-первых, он последний! Ура! Во-вторых, это воскресный день и, следовательно, мало процедур. И, в-третьих, я по-прежнему один в комнате. С утра пораньше меня посетил врач только лишь затем, чтобы узнать, как я себя чувствую. Я его порадовал. До отъезда домой осталось ровно 24 часа. Ура!!!

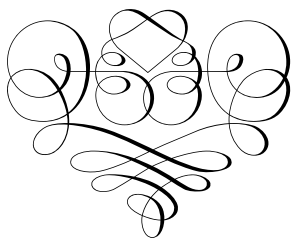
После обеда собрал чемодан, на который уже мог смотреть практически без ненависти, поскольку завтра за мной приедет машина, и мне на сей раз уже не придётся надрываться. Управившись с этим, отправился на свою последнюю прогулку по окрестностям Бланкенштайна. Я пошёл по незнакомой узкой змееподобной улочке с пёстрыми факверковыми домами и неожиданно наткнулся на табличку с указанием на рядом стоящий исторический домик. В нём в XIX веке жил и работал выдающийся садовод с фамилией, легко воспринимаемой, хотел написать украинским ухом, но во-время одумался. Итак, с фамилией легко воспринимаемой человеком из Украины. Его звали – Карл Фридрих Гетман. Прославился он созданием ступенчатых садов, на террасах которых выращивал розы самых разных сортов. Пройдя через подворье дома, я очутился в его саду, который заботливо поддерживается потомками Гетмана. Несмотря на октябрь месяц, террасы сада украшали кусты цветущих роз. Из прелестной беседки, находящейся на самом верху сада, можно было любоваться сбегаящими вниз яркими террасами. Город бережно хранит память о своих знаменитых согражданах.

И последнее. Всё-таки я приехал сюда лечиться, и надеюсь, что усилия, которые здесь были затрачены на меня, не

пропадут бесследно. Какое-то облегчение я почувствовал сразу, какие-то рекомендации на будущее мною были приняты полностью и безоговорочно, а что-то, учитывая мой скверный характер, будет принято лишь частично. В любом случае мне показалось, что произошла перестройка (нет, сегодня лучше сказать перезагрузка) в моём сознании. Я буду пробовать постепенно удаляться от химии, упакованной в таблетки и шприцы, и приближаться к простым средствам, предлагаемым матушкой природой. Беспокоит лишь один вопрос – не поздно ли?

Бланкештайн, 21.09.15 – 05.10.15

Старость

Неудержимо бегущие годы оказались значительно резвее моего сознания. А любовь к жизни во всех её проявлениях отказывалась примириться с неутешительными паспортными данными. Приходилось принимать возраст, как награду за прожитые годы, и жить дальше. Так фраза «Живём дальше!» – стала моим главным жизненным лозунгом.

Хоть говорят иногда, что у кого-то была красивая старость, но всё же чаще всего старость это некрасиво. Поэтому в этом вопросе мне трудно согласиться с замыслом Всевышнего. Отчего Человеку, высшему существу в природе, приходится, почти всегда, так уродливо, а порой и мучительно уходить из жизни? В чём здесь высокий смысл?

Нас убеждают, что человек сам может быть творцом своей судьбы, поскольку каждому Создатель предоставил право выбора. Ну, а какой в данном случае может быть выбор?.. И хотя люди, будь то верующие или убеждённые атеисты, в трудных ситуациях всегда обращаются с мольбой о помощи, но кто всерьёз может похвастаться достигнутым положительным результатом? На память приходят известные строчки Ивана Тхоржевского:

Вот уже кончается дорога,
С каждым годом тоньше жизни нить.
Лёгкой жизни я просил у Бога, –
Лёгкой смерти надо бы просить.

В этом коротком стихотворении, пожалуй, заключена глубокая народная мудрость, которая как показал многовековой опыт, ни коим образом не нашла своего подтверждения на практике. Люди уходят из жизни, доведенные болезнями и немощью до отчаяния. Любые недуги (я не имею в виду заболевания-катастрофы), обнаруженные уже в достаточно зрелом возрасте, остаются с нами до самого конца. С одной стороны, организм перестаёт самостоятельно справляться с возникшими проблемами, а если, памятуя, что надежда умирает последней, всё же обращаешься к медицине, то, пройдя все круги ада зачастую бессмысленных обследований и наглотавшись чёртову прорву лекарств, которые может быть и лечат, но больше всё-таки калечат, получаешь дополнительные болячки в соответствии с устрашающим

перечнем неотвратимых побочных последствий. А с другой стороны, когда, придя к доктору, чтобы с горечью констатировать слабую эффективность прописанных мероприятий, слышишь в ответ: «Дорогой мой! Сколько вам лет? Ну, вот... Чего же вы хотите?». Пришлось самостоятельно изучать основы медицины и фармакологии, начиная с элементарной анатомии. Вот так и живём, привыкая к своим новым малоприятным ощущениям. Терпим, но живём дальше. И это не худший вариант. Жизнь то продолжается!

К стыду своему должен признаться, что не очень люблю старых, некрасивых, толстых или в чём-то ущербных людей. Скорее, не то что не люблю, просто в их присутствии я ощущаю дискомфорт. Нет во мне к ним ни сочувствия, ни сострадания. Разумеется, если бы понадобилась помощь, я бы оказался в первых рядах. Но без эмоций... И это при том, что я сам, мягко говоря, далёк от совершенства. Поэтому редко смотрюсь в зеркало. А уж если приходится, то открывшееся зрелище вызывает чувство сдержанного отвращения.

Однако старость, как и всякая медаль, имеет две стороны.

С одной стороны чем дальше в лес, тем больше всяческих неприятностей, связанных со здоровьем, точнее с нездоровьем. Помимо благоприобретенных хронических недугов и внезапных болячек, организм настойчиво напоминает о разнообразных внешних признаках своего угасания. Интенсивно выпадают волосы там, где хотелось бы их иметь, зато они радостно пробиваются в тех местах, которые для этого вовсе не предназначены. Кожа становится истончённой до прозрачности и такой сухой, что руки не всегда могут удерживать даже лёгкие предметы. Кроме привычных веснушек кожный покров приобретает дополнительный декор за счёт печёночных или старческих пятен (лентиго). Мышцы разных частей тела становятся настолько дряблыми, что щёки и подбородок своими обвисшими брылями напоминают морду лица одного знакомого мне бульдога. Привычная лёгкая походка сменяется шаркающими шажками, интуитивно прощупывающими мнимые дефекты дороги, беспечно пропуская действительно подстерегающие неровности.

Хотелось бы ещё лёгким касанием пройти по специфике парных или совместных возрастных достижений. Чем старше становятся супруги, тем реже у них возникает потребность поговорить, тем многозначительнее становится их обоюдное молчание. То ли за прожитые годы обо всём уже многократно переговорено, то ли вскользь обронённые взгляды стали выразительнее слов. Долгими зимними (и не только) вечерами они сидят чаще всего в одной комнате, уставившись в телевизор или книгу, а особо продвинутые в компьютер или даже смартфон, изредка обмениваясь мимолётными взглядами, наполненными глубоким внутренним содержанием.

Десятки совместно прожитых лет отложили свой отпечаток на сценографию их неразделимой жизни. Большая часть этих лет были стандартно заполнены учёбой, работой, становлением и семейными заботами. Виделись только по выходным и вечерами. На разговоры по душам оставалось ничтожно мало времени. Хотелось за эти мгновения обсудить всю полученную за день информацию. Немудрено, что концентрация этих бесед достигала порой предельного

накала (и в хорошем смысле этого слова). А теперь, когда уже всё позади, когда всё, что могло состояться, состоялось, супруги, наконец, день и ночь предоставлены сами себе. Тут-то и выясняется, что эта неразлучность, заставлявшая раньше учащённо биться сердце, вызывавшая умильную улыбку и нескрываемую нежность, теперь далеко не всегда пробуждает подобные эмоции. К тому же оказалось, что закатные годы мало насыщены какими-либо существенными событиями и супругам обсуждать практически нечего. Вот они и помалкивают, уткнувшись в телевизор или книгу, а особо продвинутые в компьютер или даже смартфон. При этом, они даже не могут помыслить о жизни друг без друга. И что это? Любовь, дружба, уважение, привычка или всё вместе? Думаю, что всё вместе, но со сменой приоритетов на разных жизненных этапах. Поэтому будем по-прежнему цепляться за эту замечательную жизнь, как говорится, пока при памяти, пока не постучал в дверь г-н Альцгеймер.

Кстати, об изменяющихся свойствах и без того слабеющей памяти. Склероз крепчал! Жёсткий диск мозга прочно сохраняет память прошлого, позволяя в залежах прошедших лет отыскивать со всеми подробностями эпизоды ушедшей жизни. А оперативная память, которая должна удерживать сегодняшние события, оставляет желать лучшего. При этом у меня, человека с довольно приличным музыкальным слухом, появилась странная проблема – далеко не всегда могу

воспроизвести даже хорошо знакомую мелодию. При этом малейшую фальшь других пока ещё слышу.

Есть ещё одна особенность, свойственная большинству пожилых людей. Чем старше становится человек, тем больше он теряет свою эмоциональность, приобретая не свойственную ранее чёрствость. Возможно такое понижение предела чувствительности души, является естественной защитой ослабленного старостью организма. Так, очевидно, задумано природой.

Но, пожалуй, самый страшный недуг, который приносит старость, это угасание желаний. С болезнями можно более или менее успешно бороться при помощи медицины или как-то притерпеться, а при этом недуге медицина бессильна. Спасает только собственная воля и бескомпромиссная борьба с одним из семи самых тяжких смертных грехов – унынием. Зато, когда удаётся с этим справиться, начинаешь получать удовольствие даже от таких признаков старости, как ухудшение зрения или слуха.

Тут, наконец, мы добрались до обратной стороны медали. И что ж, что плохо видишь, зато всё вокруг красиво, практически без недостатков! И что ж, что плохо слышишь, зато удаётся пропускать, как говорится, мимо ушей посторонние звуки и злобное шипение недругов. При этом обрушившаяся прорва свободного времени даёт возможность жить без режима, никому не подчиняясь, заниматься любимым делом (бездельем) и испытывать радость от самого фактора существования. Нужно продолжать жить, наслаждаясь каждым новым днём, не торопясь на свидание к беспринципной девушке с косой.

В молодости этот образ был совершенно лишён конкретики и рассматривался, лишь как фигура речи, как нечто далёкое и даже литературное. Мы позволяли себе, формально присутствуя на чьих-то похоронах, под звуки траурного марша Шопена тихонько напевать:

Умер наш дядя,

Как жаль нам его.

Он нам в наследство не оставил ничего.

Тетя хохотала, когда она узнала,

Что дядя в наследство не оставил ничего.

Однако, постепенно мысли о смерти стали возникать всё чаще и чаще. И не то, чтобы это вселяло тревогу или страх, нет. Поскольку, как писал Б.Пастернак – «Но продуман распорядок действий, / И неотвратим конец пути». Просто об этом уже волей-неволей приходилось думать в каких-то реальных категориях и выстраивать определённые приоритеты. Что-то важное обязательно нужно доделать, а что-то ещё и дополнительно предпринять, в тайне рассчитывая на неблизкий финиш и милость Всевышнего.

Признаюсь совершенно искренне, что меня не столько пугает неизбежность перспективы, сколько огорчает будоражащее воображение количество новинок в науке и особенно в технике, о существовании которых мне уже не суждено будет узнать. Моя гипертрофированная любознательность не может примириться с тем, что не увижу летающих дронов, держащих в клюве заказанные мною в отдалённом супермаркете продукты, не смогу отведать марсельский буйабес, выращенный на кухонном 3Д-принтере, не придётся пожить в умном доме, не говоря уже о том, что так и не удастся узнать – есть ли жизнь на Марсе.

Отсутствие существенной трудовой деятельности и заметное снижение бытовых потребностей в старости успешно замещаются пустопорожними разглагольствованиями в кругу себе подобных на политические или спортивные темы. Так называемые «пикейные жилеты», гениально изображённые в романе И.Ильфа и Е.Петрова «Золотой телёнок», живут, разумеется, и сегодня среди нас. Их словесные баталии с обсуждением глобальных проблем современности разворачиваются на любых возможных площадках – от случайных встреч на уличных перекрёстках до блогов и социальных сетей в интернете. Они точно знают, как надо управлять государством, какая судьба у 45-го Президента Соединённых Штатов, и, как должен был вывернуть стопу Рональдо, пробивая 11-метровый Барсе.

Чем старше становится человек, тем острее начинает ощущать потребность поделиться своим накопленным многолетним опытом. Их хлебом не корми, только дай попоучать. Хорошо, если это распространяется на своих детей и внуков.

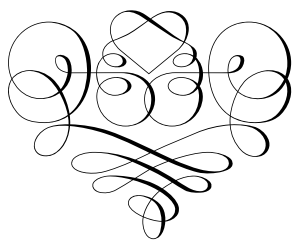
Они в большей или меньшей степени усваивают эти наставления, имея возможность в дальнейшем как-то корректировать события собственной жизни. Но зачастую стариковские нравоучения, да ещё произнесенные менторским тоном, как истина в последней инстанции, обрушиваются на посторонних людей лишь только потому, что они оказываются существенно моложе. В таких случаях реакция вполне предсказуема.

При этом я глубоко убеждён, что пожилые люди должны иметь возможность более или менее постоянно на равных контактировать с молодыми, подпитываясь от них актуальной информацией и жизненной энергией. Это может и должно стать своеобразным эликсиром долголетия!

Старость – не приговор, а просто новые жизненные обстоятельства.

Кёльн, 2012 год.

Memento mori

*Да будут дарованы с небес
прочный мир и счастливая жизнь
нам и всему Израиллю.
Надгробный Кадиш*

Он умирал мучительно долго. С момента, когда ему был поставлен этот страшный диагноз, прошло уже почти полгода. Врачи высказались предельно откровенно. Они объяснили ему и близким, что жить осталось не больше двух-трёх месяцев, но, если провести интенсивный курс химиотерапии, то можно добиться непродолжительной ремиссии – по крайней мере, ещё на полгода. Предложение было принято.

Последствия от назначенного курса оказались, пожалуй, тяжелее основного заболевания. Донимали тошноты, рвоты и временами нестерпимые боли. Он мужественно всё переносил, лишь иногда выпрашивая дополнительную порцию обезболивающего.

– Давай-ка, пока погода позволяет, выйдем немного погулять.

Выражение его лица говорило о многом, и он задумчиво произнёс:

– А может, детка, в другой раз...

– Ну, нельзя же так. Целый день сидишь в своём кресле без движения и воздуха. Давай, давай, одевайся, и выйдем.

– Ладно, пошли, – без энтузиазма согласился он.

Надо сказать, что к возможному приходу смерти он относился с философским спокойствием. Он не верил в предстоящие после ухода из жизни земной тихие радости райской жизни. Хотя нужно сказать, что тема «жизнь после жизни» всегда интересовала его, но лишь как феномен, наряду с другими явлениями, непознанными человеческим разумом.

В молодости смерть представлялась чем-то настолько далёким и даже невозможным, что, в конечном счете, полностью утрачивала свои реальные черты. А уже к пожилому возрасту ему удалось трезво сформулировать для себя, что человеческая жизнь имеет лишь два неизбежных события:

рождение и смерть. По сути человек своим появлением на свет сразу приговаривался к смерти. Причём приговор был окончательным и обжалованию не подлежал. Длина же отрезка между рождением и смертью – категория неопределённая и зависела от толком ещё не установленных обстоятельств. Отсутствие веры, старательно выхолощенной усилиями советской власти, запутывало ситуацию окончательно.

– Что, дорогой, что ты стонешь?

– Да, просто хочу лишний раз обратить твоё внимание на себя.

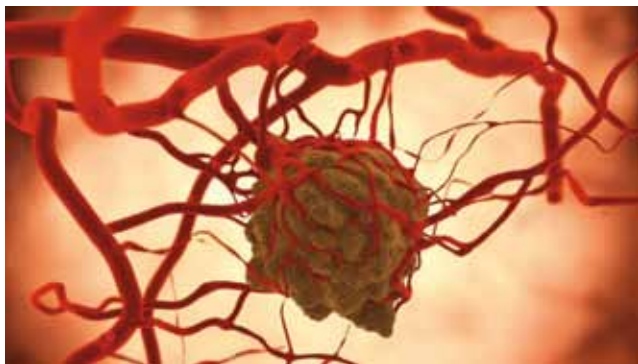
– Пожалуйста, не валяй дурака. Чем тебе помочь?

– Ну, чё сразу «дурака»? Что могу, то и валяю. А не выпить ли мне чего-нибудь покруче и без закуски. Например, диклофенак.

– Даже не знаю, что тебе сказать... Это же такая вредная зараза.

– Да, брось ты, право. Нам уже не страшен серый волк. А глядишь, может станет легче.

После того, как врачи зачитали ему окончательный приговор, он, проникшись серьёзностью положения, стал покорно принимать все назначения, угасая при этом на

глазах. Чтобы не огорчать жену и близких, он всячески демонстрировал бодрость духа и огорчался, ловя скорбные взгляды окружающих. Его дополнительно ранило то, что

он вынужден (из-за неожиданно обвалившейся на него болезни) нарушить данное любимой жене обещание, – уйти из жизни после неё. А ещё он никак не мог понять, почему человеку, высшему существу в природе, приходится, почти всегда, так мучительно, а порой даже уродливо, уходить из жизни? В чём состоит замысел Всевышнего, и как это можно объяснить?

В светлые моменты, которых в первое время было немало, он лежал, размышляя о том, что недоделано, а главное, что так уже и не придётся ему сделать или узнать. Его гипертрофированная любознательность не могла смириться с тем, что он так и не воспользуется легкокрылыми дронами, несущими в клюве заказанные в отдалённом супермаркете продукты; что не придётся отведать марсельский буйабес, выращенный на кухонном 3Д-принтере; не говоря уже о том, что так и не удастся узнать – есть ли жизнь на Марсе и многое другое. Это его тревожило. Поэтому он просто размышлял о своём ближайшем будущем. А это будущее ему явственно виделось затянутым в чёрный креп.

С традициями погребения на еврейском кладбище он был, можно сказать, хорошо знаком, поскольку неоднократно принимал участие в этой горькой и тоскливой процедуре. Обладая необузданной фантазией, он легковидел себя с лицом, обезображенным смертельной агонией, лежащим, спелёнутым белым саваном, в ящике-гробу, сколоченном из нетёсаных досок. Такая практичная упаковка, пригодная для длительного путешествия. Покойника укладывают в ящик-гроб, закрытый со всех сторон, чтобы никакая вражина не сглазила усопшего или не порадовалась его уходу в мир иной. А ещё ему не давала покоя глупая мысль о том, что негоже ему в таком отвратительном виде предстать перед пришедшими для омовения тела. И тут вроде бы к месту, но уж совсем некстати, припомнился Ефим Шифрин со своим: «Алё, Люся! Меня муть несут». Он мысленно принёс извинения самому себе за глупую шутку, хотя, по сути, это была подсознательная защитная реакция от чёрных туч, скопившихся на его небосклоне.

Он вынужден ненадолго прервать свои развесёлые думы,

поскольку в дверях появилась медсестра со шприцем наперевес. Медицинское обслуживание на этом этапе его болезни обеспечивала специальная служба по уходу за больными и старыми людьми. Невзирая на то, что там работает достаточно квалифицированный медперсонал, внутривенные инъекции представляли собой почти китайскую пытку. Но они в этом виноваты лишь частично. Пережив многочисленные (порой очень болезненные) уколы, вены, проявляя недюжинную смекалку, научились надёжно прятаться, что требовало от медсестёр снайперской ловкости, а от пациента стоического терпения. Сегодня экзекуция прошла не столь разрушительно, и он вновь в мыслях возвратился к собственным похоронам.

– Ты меня звал?

– Да, дорогая. У меня скопились две просьбы. Во-первых, помоги мне, пожалуйста, лечь поудобнее, а во-вторых, не могу никак согреть ноги. То ли укрой их пледом, то ли выдай им грелку – пусть утешатся.

Перед его взором возник сумеречный мемориальный зал кладбища, где в центре у стенки установлен ящик с прахом, а пришедшие попрощаться с покойным сидят, разделённые по гендерному признаку. Справа женщины, одетые соответственно обстоятельствам, а слева мужчины – кто, во что горазд, но с обязательной кипой на макушке. В точно назначенное время в зал стремительно входят местные раввин и кантор. Удобно разместившись на трибуне, стоящей прямо за гробом, кантор как-то всегда неожиданно запел. Пение кантора раздвигало стены мемориального зала и рвало оголённые ситуацией струны душ присутствующих. Эту часть процедуры погребения он считал относительно приятной. После кантора на трибуну выходил раввин и зачитывал впопыхах подготовленную биографическую справку об усопшем, из которой, наконец, становилось понятно, каким был замечательным и незаменимым человеком покойник практически во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Правда, естественно возникал справедливый вопрос,

почему ещё при жизни его достоинства мало кто замечал, а если и замечали, то почему так тщательно от него скрывали. Очевидно, чётко срабатывала народная мудрость: «О мертвых либо хорошо, либо ничего».

Но вот уже произнесены все прощальные слова (если они были), и зазвучала негромкая музыка. «Музыка – это хорошо», – подумал он. Но очень не хотелось, чтобы на его похоронах звучал заезженный «Траурный марш» Шопена. На его потрескавшихся губах появилась пусть страдальческая, но всё же улыбка. По ассоциации возникла картинка поры телячьей молодости, когда на чьих-то мало значащих для ума и сердца похоронах они могли позволить себе под эту мелодию тихонько напевать:

Умер наш дядя – нам очень жаль его.

Он не оставил нам в наследство ничего.

А тётя хохотала, когда она узнала,

Что дядя не оставил нам в наследство ничего.

Было бы славно, подумал он, коль уж суждено, чтобы его похороны сопровождались музыкой, то пусть это было бы что-нибудь более чувственное и менее официальное, например «Адажио» Альбинони.

Отзвучали последние аккорды, гроб установили на тележку, напоминающую ручную платформу вокзальных грузчиков, и похоронная процессия под монотонное чтение равнином соответствующих Псалмов неспешно двинулась к последнему пристанищу усопшего.

– Что же ты будешь кушать?

– Ничего. Я не хочу есть.

– Нет, дорогой, так не годится. Есть выбор. Либо творожок со сметаной, либо чай и бутерброд с твоей любимой икрой, или овсянка.

– Ну, прошу тебя, перестань. Меня поташнивает от одних только названий. Пожалуйста, сделай мне обычную реанимацию – просто чашечку крепкого чая с лимоном.

Всякий раз, когда приходилось участвовать в такой процессии, его крайне раздражало то, что люди, идущие за

гробом, непринуждённо болтают о чём-то сиюминутном, принимая тем самым скорбную торжественность момента и забывая, что каждого из них рано или поздно тоже ожидает вечность.

Ему видится завершающая часть траурной действия. Гроб с тем, что в нём, опускается в могилу, и все присутствующие бросают на гроб по три пригоршни земли. Всё... Был и нет... Мысленно он отметил, что покойнику повезло с погодой. Середина лета, тёплый день, земля сухая. «Исключительная благодать». После того, как гроб покрыт землёй, читают молитву «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!».

Он примерил все эти процедуры на себя и пришёл к выводу, что как-то не комильфо. Получалось слишком много чести. А ведь речь идёт всего лишь об истлевающей оболочке. Его болезненное воображение продолжало разрабатывать тему дальше. Он подумал, что вдруг на его еврейское счастье ему будет суждено уйти зимой. Земля холодная и мокрая. Брр... И вообще, он не хочет в землю. Он категорически против того, чтобы его ели черви. Пусть будет крематорий, хотя Галаха, запрещает кремацию. Но он убеждён, что строгая еврейская традиция не для таких, как он. Так пусть же это будет последний грех в его и без того достаточной греховной жизни.

Впрочем, они с женой давно выбрали для себя не совсем обычную форму погребения – анонимное захоронение, что давно практикуется на многих кладбищах Германии. Это происходит на специально отведённых красивых зелёных участках, согреваемых тёплыми лучами солнца и обдуваемых свежим дыханием ветра под нежное щебетание птиц. И тогда, во-первых, исчезает проблема погребения обоих рядом на еврейском кладбище, а во-вторых, никому не придётся ухаживать за их могилами и, в-третьих – полное слияние с природой! В таком виде ближайшая перспектива уже не кажется ему такой удручающей.

Последние дни он провёл под неусыпным наблюдением медицинского персонала паллиативного отделения Университетской клиники. Приходя на короткое время в себя,

он думал лишь о том, кто окажется рядом с ним в то самое главное мгновение, кто будет держать его за руку, и кто закроет ему глаза. Так случилось, что он никогда не оказывался рядом в момент ухода из жизни самых дорогих ему людей (папы, дочери, мамы, сестры). Эта мысль всю жизнь не давала ему покоя.

Умирал он мучительно долго, страдания его были невероятны. Облегчали лишь опиаты – обезболивающие уколы, которые приходилось делать всё чаще и чаще. Когда к нему на короткое время возвращалось сознание, было видно, что присутствие близких несмотря ни на что ему приятно. Но они не в силах были облегчить его страдания. Каждый в этом мире умирает в одиночку.

Он проснулся и долго не мог взять в толк, где он находится. Другие стены, другой воздух. Совершенно незнакомая обстановка. Однако нарастающая боль возвратила его к неутешительной реальности. Он попытался позвать дежурную сестру, но во рту так всё пересохло, что язык, как зачерствевший кусок хлеба, и растрескавшиеся губы совершенно отказались повиноваться. Очевидно, он всё-таки нажал на сигнальную кнопку, потому что в палату вошла сестра со словами: «Jetzt mein Lieber, ich werde alles tun».

Вдруг он явственно почувствовал долгожданный миг завершения своей земной юдоли. Это его ничуть не испугало, а как-то даже успокоило. Стихла боль, выполнив своё страшное предназначение. Лишь едва заметное поверхностное дыхание ещё свидетельствовало о неразрывной связи души и тела. Вихрем пронеслась перед его глазами жизнь со всеми горестями и радостями, взлётами и падениями, с деяниями, наполнявшими душу гордостью, и моментами, от которых хотелось сгореть от стыда. И тут он очередной раз поймал себя на мысли, что слово «сгореть» является ключевым. Он трезво оценивал свою жизнь, придя к выводу, что райские кущи ему не светят, а потому, если уж суждено гореть, то пусть это будет не гиена огненная, а крематорий.

И всё же, он искренне верил, что не такой уж греховной была его жизнь, что он старался жить, соблюдая основные заповеди, дарованные человечеству. В эти последние часы он пытался сформулировать для себя, чтобы он сказал, представ перед Б-гом, в качестве оправдания своего земного существования. По сути, за всю свою жизнь ему так и не удалось сделать ничего выдающегося. Но

он твёрдо знал, что главными его добродетелями были – доброе отношение к людям, вера в превосходство добра над злом и просто желание при малейшей возможности искренне и бескорыстно помогать ближнему своему. И не случайно именно сейчас ему припомнились строчки великого Бродского:

Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной.

Только с горем я чувствую солидарность.

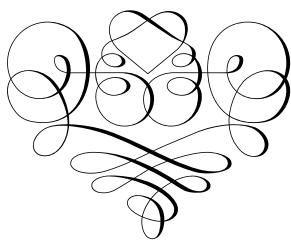
Но пока мне рот не забили глиной,

из него раздаваться будет лишь благодарность.

Последнее, что он увидел, была картина, в которой события всей его жизни, его эмоции и мысли как бы скрутились в своеобразный информационный свиток, летящий с невероятной скоростью сквозь бархатный бесконечный туннель к нежному всепоглощающему свету.

Кёльн, 2017 год

Реабилитация

Вот уже более двадцати лет мы живём в Германии. Живём спокойно, относительно благополучно, а порою даже интересно, невзирая на возраст и языковую недостаточность. Здесь появилось ощущение, будто мы проходим успешную реабилитацию по восстановлению чувства собственного достоинства после тяжёлого хронического заболевания с головокружениями, рвотами и свинцовой депрессией. Безусловно, не всё было так плохо в прошлом, и всё же даже размышления в сравнительном ключе не улучшают настроение. Чтобы избежать бессмысленных сравнений, мы крайне редко оглядываемся назад. Во-первых, тяжело вспоминать, а во-вторых, достаточно, во-первых.

После многолетнего напряжённого труда в ожидании обещанного коммунизма («Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», – клятвенно заверил нас Никита Сергеевич Хрущёв на XXII съезде КПСС в 1961 году) нам захотелось хоть немного пожить в жутких условиях загнивающего капитализма. Захотелось противопоставить райскую жизнь в стране развёрнутого социализма нечеловеческим экономическим, бытовым и культурно-нравственным обстоятельствам так называемого социального государства. И тут уж пришлось заглянуть во всезнающую Википедию, чтобы определиться с формулировкой словосочетания – «социальное государство». И вот, что я прочёл: «Социальное государство – это государство, политика которого направлена на перераспределение материальных благ в соответствии с принципом социальной справедливости ради достижения каждым гражданином достойного уровня жизни, сглаживания социальных различий и помощи нуждающимся».

Прочёл и замер. Мной овладело ощущение полного дежавю. И действительно, почти эти же самые слова в прошлой жизни на нас обрушивали газетные передовицы и лекторы по распространению всех и всяческих знаний. Правда, дальше слов дело почему-то не шло. А тут...

Прошло не больше 5 дней после сообщения от нашей больничной кассы о том, что они полностью перенимают за нас расходы по реабилитационным мероприятиям в одной из клиник Германии, как нам пришло письмо из

Бад Зассендорфа – небольшого городка на севере нашей земли. В нём администрация медицинского учреждения «Клиника ам парк» со свойственной немецкой бюрократии куртуазностью сообщала, что для них это высокая честь принять нас в любое удобное нам время. При этом они, разумеется, гарантируют комфортные условия пребывания, высокий профессиональный уровень медицинского обслуживания и трансферт в обе стороны, как говорится, за те же деньги. Мне показалось, что ключевым словом здесь было «разумеется». Чёрт возьми! Почему же разумеется? Это кем же разумеется? И за какие заслуги? Если бы не наш уже более чем двадцатилетний стаж жизни в Германии, можно было бы подумать, что кто-то над нами просто так не ловко пошутил. Тем более, что незадолго до этих событий мы разговаривали с Киевом, где живет брат жены, и они рассказали, какие мытарства пришлось перенести, выбывая для него, инвалида-чернобыльца, положенную ему по закону ежегодную путёвку. Ну, да ладно. Что там говорить. И можно ли вообще сравнивать? Итак, нам оставалось определиться с удобными для нас сроками. Выбрав бархатный сентябрь, нам предложили заезд с четвёртого числа.

В очередном письме помимо установленного срока пребывания нам очень подробно разъяснили, что следует взять с собой, а что без сожаления можно оставить дома. Меня очень порадовало, что в список не рекомендуемых вещей попали гладильная доска и утюг. Зато вдохновило настоятельное требование, нет, пожалуй, просьба к потенциальным пациентам не брать с собой больше двух чемоданов. А это означало, что нам разрешено иметь – четыре. И я, мгновенно оценив открывшиеся возможности, подумал, а не захватить ли нам что-нибудь из мебели, например, моё любимое кресло. Но как мы ни старались удовлетворить разгулявшиеся аппетиты, весь наш транзитный скарб легко разместился в двух, на мой взгляд ставших неподъёмными, чемоданах.

Кроме того, из этого же письма становилось ясно, что сотрудники Клиники забросили все свои будничные дела, подготавливая всё, включая красную дорожку, чтобы нас достойно встретить. Ну, да ладно! Недоверчивых успокою

сразу. Конечно, это было не совсем так, точнее совсем не так, однако всё же они в очередной раз подтвердили, что 4 сентября в 10-00 за нами заедут. И действительно, в указанное время у нашего дома остановился внедорожник «Мерседес GLS», из которого выпорхнула миниатюрная женщина, излучая неподдельную радость встречи с нами, и представилась: «Зовут меня Бригитта. Я приехала за Вами». Мы, как это принято в Германии, пожали друг другу руки, и я стал, крихтя и постанывая, выволакивать из комнаты наши разбухшие чемоданы, напоминающие гигантских черепах с острова Борнео. Вдруг, я даже не успел опомниться, как наша изящная Бригитта подхватила оба чемодана и в одно мгновение забросила их в распахнутую пасть багажника. Это был практически цирковой номер. Мы заняли места в роскошном кожаном салоне и тронулись в путь. Дорога заняла около двух часов, которые были скрашены мимолётными комментариями нашего водителя, приятной музыкой и свежим дыханием кондиционера.

В Бад Зассендорфе нас встретило утопающее в зелени пятиэтажное здание Клиники. Заботливая Бригитта завела в регистратуру, где без каких-либо оформлений нам выдали ключи от номера. Мы поднялись на третий этаж и зашли в предназначенный нам номер. По сути, это оказалась меблированная двухкомнатная квартира с разнообразными удобствами, рассчитанными в том числе и на инвалидность пациентов. На каждой кровати лежало по матерчатой сумке с эмблемой Клиники, с которой предусмотрено ходить на процедуры. В углу рядом с дверью стоял ящик с минеральной водой, которая выдаётся в неограниченном количестве пациентам с диабетом («к счастью» мы этим тоже смогли похвастаться). Не успели мы ещё как следует оценить все достоинства нашего временного жилища, как в дверь постучали и в номер впорхнули наши чемоданы, управляемые с лёгкостью хрупкой Бригиттой. Дескать, знай наших! Вернее ихних. Спустя считанные минуты, мы попали в объятия гренадёрского вида медсестры, которая, задав с десяток несложных вопросов, не взирая на то, что по их же требованию мы привезли с собой подробнейшим образом заполненные

анкеты, и, записав наши корявые ответы, красочно обрисовала, «что день грядущий нам готовит». А готовил он нам стандартные процедуры (взвешивание, анализ крови, ЭКГ) и визит к заведующему отделением. А пока нас отправили обедать.

После обеда мы отправились на ознакомительную экскурсию. Нам сразу бросилось в глаза, что основной контингент больных – это бедолаги, находящиеся в стадии реабилитации после сложнейших ортопедических операций. Передвигались они главным образом при помощи палочек, костылей или роллаторов. Неудивительно, что броуновское движение пациентов по процедурам крайне замедленно. И всё же побродив по этажам, мы убедились в компактности Клиники и её тщательно продуманной оснащённости. Все палаты и кабинеты, в которых проводятся предписываемые процедуры, находятся в одном здании. Включая и бассейн. Но на наше еврейско-украинское счастье с ним что-то произошло, и на двери бассейна мы обнаружили горделиво красующееся объявление о том, что проводятся ремонтные работы. Учитывая, что в Германии всё делается вроде бы вовремя, но вдумчиво и неспешно, напрашивался грустный вывод – наше лечение пройдёт всухую.

Но стоило нам выйти из здания Клиники, как мы тотчас же забыли об этой мелкой неприятности. Перед нами раскинулся необычайной красоты парк. Это уникальное творение садово-паркового искусства появилось во второй половине XIX века. Его создатели использовали опыт проектирования лучших европейских ландшафтных и регулярных парков. Здесь вековые деревья соседствуют с зарослями молодых цветущих кустарников, а поражающее воображение цветовая гамма розария (более 140 сортов розовых кустов) успешно конкурирует с многообразием красочных соцветий пышных рододендронов. Территорию парка оживляют причудливые фонтаны и распахнутые глаза двух живописных небольших прудов, питающихся прозрачной водой небольшой речушки Розенау, пересекающей весь парк. Несколько деревянных мостиков позволяют не только перебраться из одной части парка в другую, не замочив ноги, но и

создают дополнительное очарование этому архитектурно-ландшафтному комплексу. Гуляя по парку, то и дело натыкаешься на разные скульптурные композиции (их более 30), а к услугам обезноженных (в хорошем смысле этого слова) пациентов бесчисленное множество скамеек различной высоты, что очень важно для пожилого контингента.

Для повышения тонуса пациентов в парке установлены клетки-вольеры с попугаями. Семейство попугаев было представлено очень достойно. От беззаботно порхающих маленьких волнистых до гигантских размеров попугаев ара, злобно смотрящих на прижимистую публику, которая любит, восхищается, а ничем не угощает. Оперения этих птиц поражает своим разнообразием и яркостью красок, вызывая прилив гормонов удовольствия и радости.

Территория парка прямо-таки кишит разнообразной живностью. Наиболее многочисленными представителями местной фауны безусловно являются утки. Они бесстрашно путаются под ногами и без того с трудом передвигающихся пациентов Клиники. Но вначале мы натолкнулись на группу флегматичных гусей редкого вида. На их необычно длинных ногах как-то асимметрично покоилось весьма упитанное пегое туловище с подпалинами на боку. Убеждён, что Паниковский оценил бы эту братию по достоинству. Всем своим видом они выражали едва скрываемое неудовольствие нашим неожиданным вторжением в их жизненное пространство. Рядом, на соседней лужайке, жадно выкорчёвывал из зелёного ковра самую сочную траву шикарный чёрный лебедь. Его супруга в это время высиживала ожидаемых детёнышей. Насладившись этим балетным зрелищем, мы пошли дальше по ещё нехоженным нами тропам. И вдруг, почти прямо из-под ног, в разные стороны брызнула стая весёлых зайчат. Отбежав несколько метров, они стали с любопытством нас разглядывать, не забывая при этом стричь траву. Однако самое неожиданное нас ждало впереди. В изумрудной траве копошилось семейство нутрий. Мамаша не только позволила себя снимать, но даже подпустила меня почти вплотную к своим нутрёмкам. Создавалось впечатление, будто для них это была долгожданная фотосессия.

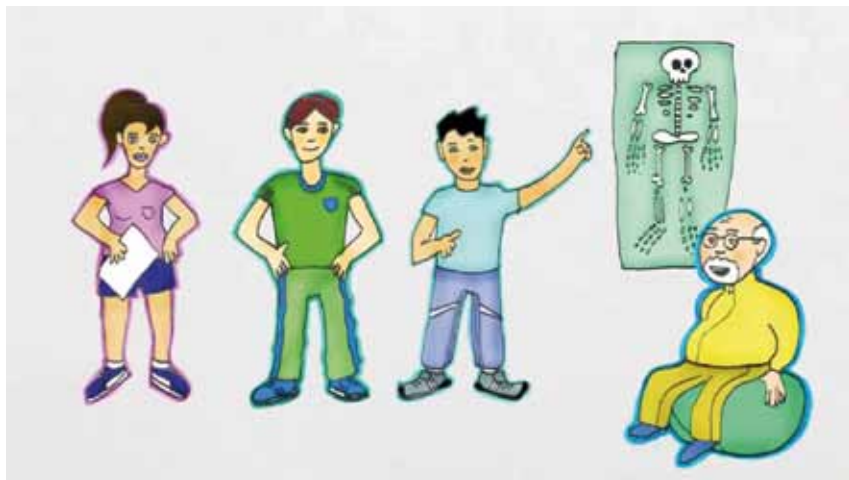
Особого внимания заслуживает градирня, построенная в 1960 году. Это гигантское сооружение имеет в длину 60 метров, а в высоту – 10 метров. Её стены с обеих сторон плотно выложены метровыми ветками тёрна. Сверху подведены трубы, источающие раствор минеральных солей, который, просачиваясь сквозь толщу веток тёрна, создаёт активный ингаляционный эффект. Вокруг этого сооружения установлены десятки скамеек, на которых сидят люди, страдающие астматическими и бронхиальными заболеваниями, и выздоравливают прямо на глазах. И мы подсели, и мы ощутили благотворное влияние этих испарений.

Импровизированную экскурсию по парку можно завершить посещением бассейна с насыщенной минеральными солями водой, получаемой из природных термальных источников с глубины более 400 метров. Посетители могут насладиться различными видами струйного массажа или подышать живительными испарениями солевого грота.

Но пора переходить к делу. Как говорит Елена Малышева в своей передаче «Жить здорово», пора поговорить про

медицину. Каждый день «утро начиналось с рассвета», пелось в одной известной песне советских времён. Ранний подъём ознаменовывал начало очередного трудового дня. В первые два дня персонал Клиники проявлял к нашему состоянию здоровья неподдельный интерес. Нас передавали с рук на руки, чтобы провести обязательную дебютную программу обследования, хотя мы привезли с собой все актуальные заключения наших домашних врачей. Это суэта оказалась прелюдией к осмотру у заведующего отделением. Он с необычайной ловкостью осторожно прокручивал все мои суставы-шарниры, заглядывая при этом в глаза, чтобы своевременно уловить болевой сигнал. В результате он сказал, что понимает, как именно меня нужно лечить, чтобы моё пребывание в Клинике было максимально эффективным. За сим последовало традиционное рукопожатие и заверение в том, что все назначения можно будет получить уже через час у медсестры. Что и в аккурат и произошло.

В результате мне были назначены различные необходимые базовые процедуры. Я получил фанго на область плечевого пояса. Это, скажу я вам, истинное наслаждение! Тепло, уют – короче, полная расслабуха. После фанго, обычно, мои плечи и шея подвергались немилосердному массажу. Были ещё так называемые сеансы мануальной терапии.

На самом деле, на мой взгляд, это не совсем обычный вид массажа моего артрозного левого колена. Должен сказать, что его эффективность я почувствовал буквально сразу. Возможно, это было связано с тем, что делала его мне хорошенькая молодая девушка. Общую картину лечебных процедур мучительно завершали – стабилизация позвоночника и координационные тренинги. Ненавязчиво давала о себе знать старческая дряхлость. «То ли ещё будет, ой-ёй-ёй».

Стабилизация позвоночника – это, по сути дела, групповое изнасилование собственного позвоночного столба. Вынужден признаться, что я не со всем справлялся. Во-первых, позвоночник надо было всё время держать ровно, а он у меня, прямо скажем, от этого отвык. При малейшей возможности, когда, скажем, инструктор отворачивался, мой позвоночник опадал как гнилое яблоко с ветки. А, что уже говорить, когда приходилось делать упражнения под нагрузкой. Забегая вперёд, скажу, что ощущение сильнейшей крепатуры преследовало меня на протяжении всего срока. Что же касается тренинга по координации, то, в конечном счёте, это сводилось к тренировке мелкой моторики моих крупных конечностей. Нас разминали, мяли, грели, месили, координировали и стабилизировали. Выдержать такое может лишь очень здоровый человек. Вот мы, постепенно выздоравливая, и воспринимали это, как тест на здоровье. В общем, если как-то подытожить ощущения обо всём этом, то можно сказать, что фанго – это приятно, массаж – терпимо, а стабилизация позвоночника и координационный тренинг – об этом только стиснув зубы.

Завтраки, обеды и ужины были хорошо организованы в соответствии с принятой в Германии системой питания для лечебных учреждений. Утром и вечером бутерброды,

главным украшением которых были свежие булочки. С ними всё было аппетитно и вкусно. Обеды можно было выбирать и заказывать из трёх комплексных вариантов. Первый – для всеядных, второй – для вегетарианцев, а третий – для безумных веганов. Особого внимания заслуживает обед в субботу. В этот день подаётся так называемый айнтопф, что в переводе на русский означает – в одной кастрюле

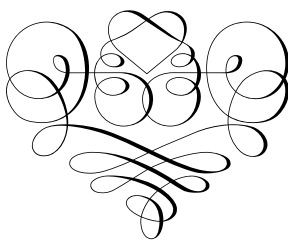
варится первое и второе. Хорошо ещё, что десерт подаётся отдельно. Это традиционная немецкая еда. В этом месиве ложка просто стоит. Несколько перефразируя известную поговорку, можно сказать: что немцу – хорошо, то еврею (тем более) – смерть. Однако, как видите, несмотря ни на что, я всё ещё жив. И справедливости ради замечу, что это едово оказалось вполне съедобным.

После двух недель пребывания в Клинике мы стали искать пятый угол. Уж очень хотелось домой. Хотелось вернуть своему телу ласковые объятия привычных постелей, захотелось отведать украинского борща и жареной картошечки с луком и салом. И, наконец, просто домашнего уюта. Мы в нетерпении отсчитывали оставшиеся деньки и дождались. За день до завершения срока пребывания в Клинике нас пригласила к себе палатный врач. За прошедшие три недели нам посчастливилось увидеть её второй раз. Таким образом, логично напрашивался оптимистический вывод – состояния нашего здоровья у доктора беспокойства не вызывало, что и подтвердилось при нашей последней встрече. На все вопросы врача мы отвечали бодро и положительно. Это устраивало обе стороны. Так что, реабилитация прошла успешно. На прощание она пожелала нам чувствовать себя ещё лучше. Хотя, куда уж лучше.

Но, если не иронизировать, то нам действительно здесь было хорошо!

Кёльн, сентябрь 2017 года

Пленительная гармония

В 1966 году в возрасте 16-и лет Григорий Соколов стал победителем Международного конкурса имени П.И.Чайковского. С тех пор прошло свыше 50 лет, но никому из музыкантов в столь юном возрасте не удавалось достичь такого выдающегося конкурсного успеха.

В Кёльнской филармонии играл один из самых выдающихся пианистов современности – Григорий Соколов. Все билеты, разумеется, были давно проданы. Правда, можно было купить входной билет, выстояв перед началом концерта полтора – два часа. Мне повезло. Накануне позвонила приятельница и предложила билет, да ещё и с местом в самом центре зала.

Я шёл не спеша, наслаждаясь пряными ароматами весеннего Кёльна, в предвкушении встречи с Музыкой. У входа в филармонию толпился музыкальный люд. Кто – в ожидании партнёра, а кто – в надежде на удачу, нервно теребя в руках табличку с мольбой о лишнем билетике.

В фойе царил обычная неспешная людская диффузия. Народ перемещался между чревами гардеробов, буфетными стойками и туалетными комнатами. В центре фойе стояло

очередное чудо мастеров флористики. Цветочная композиция практически никогда не повторяется. В зал впускают за 15 минут до начала концерта, и народ устремляется к своим местам. За верхними рядами амфитеатра нервно топчутся счастливые обладатели дешёвых входных билетов, напряжённо выискивая взглядом незанятые кресла. Раздаются предупреждающие звонки. Стихает суета в зале. Гаснет, как бы нехотя, яркий свет. Лишь приглушенно освещена сцена.

Слева у водопада серебристых органных труб находится выход на сцену. После недолгого, но томительного ожидания открывается дверь и появляется сутулый человек весьма плотного телосложения с потрёпанной временем белой шевелюрой. Он напоминает огромную мягкую игрушку. Маэстро подходит к роялю и, держась за него одной рукой, торопливо кланяется, затем делает неожиданно резкий для такой комплекции поворот на 180° и кланяется вторично трибунам, находящимся в тылу сцены. Лицо – непроницаемая маска. Плотно в линейку сжатые губы. Ни улыбки, ни даже беглого взгляда в зал. Музыкант торопливо придвигает банкетку и по-хозяйски садится к роялю.

Он приходит в храм на встречу с Богом. Его Бог – великая Музыка. А воплощением Бога являются его апостолы – великие создатели великой Музыки. За роялем музыкант ведёт на равных разговор с Всевышним. Он исповедуется. А мы, сидящие в зале, счастливые свидетели таинства этой исповеди, заряжаемся энергией пленительных звуков, несущихся со сцены. Но сидящие в зале для Соколова как бы аннигилируются. Музыку творят трое: создатель, исполнитель и рояль. Лишь при их равноправном партнёрстве и полном взаимопонимании рождаются истинные музыкальные шедевры.

В программе первого отделения Иоганн Себастьян Бах – партия для клавира №1 и Людвиг ван Бетховен – соната № 7. Маэстро приступает к Баху решительно, но с удивительной нежностью и пиететом. Уже с первых фраз поистине космической музыки зал оказывается под сладостным гипнозом чарующего пианизма. Завораживающе изысканная полифония прелюдии и торжественная размеренность

аллеманды – старинного немецкого танца мистическим образом созвучны французской куранте и чувственным переливам испанской сарабанды. Завершается партита галантными менуэтами и зажигательным средневековым кельтским танцем – жигой. Зал слушает, затаив дыхание, а неземная музыка попадает прямой наводкой в наши сердца и души. При этом я почти реально вижу великого Баха в пышном парике и ярком камзоле, сидящим в глубоком кресле слева за спиной маэстро и удовлетворённо покачивающим головой в такт звучащей музыке.

Овации стихают, как только маэстро вновь садится за инструмент. Соната №7 была написана Бетховеном в 1798 году и посвящена графине Анне Маргарете фон Броун, которая длительное время была его любимой ученицей. Этот фортепианный шедевр в виртуозном исполнении выдающегося музыканта обрушивает на зал магическую силу волшебной гармонии. Если в первой части автор, приглашая на увеселительную прогулку, щедро дарит нам венок прекрасных мелодий, то вторая часть пронизана трагической темой, в которой щемяще звучит траурная нота. Но уже в третьей части опять светит солнце, и весело поют птицы. В заключительной фазе автор возвращается к радостному созерцательному настроению и красочному разнообразию впечатлений. Под воздействием феерического темперамента Бетховена и отточенного мастерства Соколова публика в зале то взмывает к небу, то повержено опускается на грешную землю. И вновь мистика. В тылу сцены явственно вижу мятущуюся фигуру небрежно одетого человека с прядью волос, спадающей на крутой лоб. Это Людвиг ван Бетховен. Его обычно мрачное выражение лица озаряет счастливая улыбка. Раздаются овации, от которых дрожат, кажется, даже стены филармонии. Зажигается свет в зале. Антракт.

В антракте публика заполняет сверкающее пространство фойе. Многие распивают шампанское (сект), дамы выстраиваются в бескрайнюю нарядную очередь к туалету, в отличие от мужчин, имеющих туда относительно свободный доступ. Представители русскоязычной публики при встрече многозначительно кивают друг другу. И хотя все пришли

за одним и тем же, но отдельные ревнивцы смотрят на тебя так, будто ты отнимешь часть впечатлений и эмоций, принадлежащих только им. В их взглядах легко читается нескрываемая гордость за причастность к этому событию. Ведь купив билет, они уже чувствуют себя едва ли не спонсорами.

Второе отделение начинается по накатанному сценарию. Безэмоциональный выход маэстро на сцену, два скупых поклона и очередное пылкое свидание с инструментом. В программе – произведения Франца Шуберта. Соната №14 и 6 музыкальных моментов. Романтическая музыка Шуберта в грациозном исполнении Соколова звучит за пределами изысканно. При этом музыкант разговаривает с автором, проникая в его душу и замыслы, становясь, по сути, их воплощением. Буквально с первых нот сонаты на нас проливается лучезарное отношение автора к жизни. В звучащих музыкальных темах я с изумлением услышал отголоски мелодий хорошо известных песен «Цыплёнок жареный» и «Эх, дубинушка, ухнем!». И даже избыточная сентиментальность финала гармонично сочетается с общей канвой сонаты, проникая в сердца даже самых привередливых меломанов. В идеях автора и возможностях инструмента Соколов черпает свою неиссякаемую силу.

Шесть музыкальных моментов – это букет тончайших человеческих переживаний. Маэстро удаётся деликатно проникать в сокровенные тайны авторского замысла, донося до нас их чарующее воплощение. Талант исполнителя проявляется в богатстве палитры соприкосновений клавиатуры рояля и пальцев музыканта, этих тончайших сенсоров. В правом углу авансены, сверкая от счастья, стоит скромно, но изысканно одетый Франц Шуберт. Он впервые слышит свои композиции, да ещё в таком гениальном исполнении. Авторы, произведения которых играет Соколов, его близкие друзья, или, как он сам говорит, «я их любящий друг».

Программа исчерпана. Стены филармонии буквально разносит гром непрекращающихся аплодисментов. На сцену выбегает униформистка в строгом синем мундире с заученной улыбкой и официальным букетом. Начинается не запланированное программой третье отделение концерта.

Всё идёт по привычной схеме – овации после каждого номера, уход со сцены и очередной возврат к инструменту. Он бы и не отходил от рояля, но нужно же дать залу прийти в себя. И вновь выход на сцену, одна рука за спиной, поклоны вперёд и назад, пауза – поклон только вперёд и к... роялю. Очередной шедевр и так 5-7 раз.

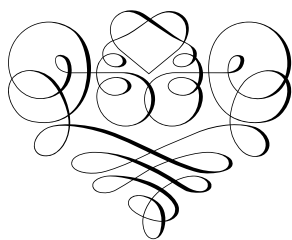
Несколько человек после завершения программы торопятся к выходу. Они либо впервые на концерте Соколова и не знают, что маэстро играет ещё практически целое отделение на бис, либо живут не в Кёльне и должны успеть на поезд.

Зал неистовствует, в восторге выклянчивая «ещё и ещё». Ладони отбиты. Маэстро устал кланяться. Концерт окончен. Вспыхивает яркий свет, и публика со счастливыми лицами вынужденно покидает зал. В жизни всё имеет своё начало и своё завершение. Утешает лишь то, что какими бы огорчительными ни были расставания, но они всё же являются и предвестниками новых встреч.

На улице выплеснувшуюся из филармонии волну людей встречает нежно улыбающийся коробейник – продавец призывно пахнущих традиционных свежих брецелей – крендельков, обсыпанных грубой солью поверх глянцевой, словно лакированной, коричневой корочки. Я прохожу мимо, переполненный великой Музыкой, и, практически не приходя в сознание, иду к трамвайной остановке...

Кёльн, 2015 год.

Старая фотография

История, которую хотелось бы рассказать, открылась мне просто-таки мистическим образом. Я возвращался домой, вдыхая пряные ароматы кёльнской весны, которая всегда обрушивается на город неожиданно, без малейшей предварительной подготовки. Тепло приходит как-то сразу. Первые солнечные лучи пробуждают от зимней спячки кусты форзиции. Их незамысловатые соцветия вспыхивают ярко-жёлтой охрой на бесстыдно голых ветвях. В аккуратно причёсанных палисадниках трава переливается сочной изумрудной зеленью, сквозь которую весело пробиваются белоснежные подснежники и лиловые крокусы. Всё дышит прозрачной свежестью и радует глаз. На улицы выкатываются кабриолеты, у которых в прямом и переносном смысле сносит крыши, а молодёжь мгновенно переодевается в летнюю одежку. Мальчики раздеваются до шортов и теннисок, а девочки в коротких топиках сверкают лаковыми животиками с украшенными пирсингом пупками и яркими татуировками на поясницах. Жизнь пробуждается, а это радует.

Придя домой, как обычно, обсуждаем с женой события прошедшего дня (события – это конечно же громко сказано...) и, если не находится ничего, что могло бы породить слишком пылкое обсуждение, усаживаемся каждый за свой компьютер (на то он и персональный). Обычно, я начинаю с просмотра почты. В тот день среди вороха малоинтересных сообщений, многочисленных пересылок и просто спама я обнаруживаю письмо от заведующей Форумом им. Льва Копелева Валерии Хан, с которой меня давно связывают тёплые приятельские отношения. Вот это письмо.

Дорогой Валерий!

Я это письмо не открывала, перебрасываю его сразу Вам.

К сопроводительной части скрепкой пристёгнуто другое письмо. Привожу раздел письма, имеющий отношение к описываемым событиям, без какой-либо корректировки.

55 лет я ищу Золотаревских. Помогите пожалуйста найти контакт.

55 Jahre alt Ich suche Zolotarevskaya.

Hilfe finden Sie einen Kontakt bitte.

А в конце письма стандартное сообщение от кого. Захар

Герчик. Я застыл в недоумении. Фамилия Герчик мне ни о чём не говорила, кроме как о том, что в далёком прошлом была довольно известная детский композитор – Вера Герчик. А кто такой этот Захар Герчик? Какова причина могла заставить этого человека в течение 55 лет героически разыскивать семью Золотаревских? И, наконец, те ли мы Золотаревские, о которых пишет этот загадочный Захар? Но у меня уже был его электронный адрес, и я решил незамедлительно ответить.

Здравствуйте!

Я Золотаревский Валерий, 1939 года рождения. В прошлой жизни жил, учился и работал в Киеве. Не знаю, тот ли я, кого Вы ищете.

Буду ждать ответа. ВЗ.

Уже на следующий день я получил по скайпу предложение о поддержании контакта с Захаром Герчиком, что тотчас же подтвердил согласием. Список моих контактов пополнился загадочным незнакомцем. Это дало мне возможность заглянуть в профиль контакта и выяснить, что Захар израильтянин, 78-и лет с хвостиком, как он сам написал в своём профиле, живёт на севере Израиля в провинции Галилея в городке Нацрат Иллит.

Час спустя мой скайп ожил, и я увидел на экране компьютера пожилого еврея приятной внешности, плотного телосложения, в белой майке и подтяжках, глубоко врезавшихся в немолодые плечи. Надо полагать, его взору предстало аналогичное зрелище.

Начал Захар, как говорится, с места в карьер. Он сообщил, что в 1974 году ушла из жизни его тёща – Лия Наумовна Заходер. По его словам она пронесла через всю жизнь в своём сердце благодарность Любви Борисовне Львов и Якову Моисеевичу Золотаревскому, которые в трудные годы приютили её в своём доме. Радостно захлопотало сердце. Ведь речь шла о родителях папы – моих бабушке и дедушке. Я почувствовал себя в машине времени, бумерангом заброшившей меня на сто лет назад. Я продолжал слушать своего собеседника со всё возрастающим интересом. Для усиления интриги он через чат скайпа отправил мне фото, где были

запечатлены две молодые девицы и двое мальчишек, в которых я сразу узнал папу и его старшего брата – дядю Шуру. Сидящая слева красавица оказалась будущей тётцей Захара. Растрогавшись, я попросил его подробно поведать о себе и обстоятельствах, при которых его будущая тёща попала к моим бабушке и дедушке.

Рассказывал Захар с видимым удовольствием, но порой сумбурно и даже путано. Однако я решил в дальнейшем по возможности придерживаться канвы его повествования. В 2005 году они с женой приехали к детям в Израиль и поселились в небольшом городке Нацрат Иллит. Тут Захар сделал короткое отступление, с гордостью поведав, что в одном из храмов города находится могила ветхозаветного пророка Ионы. Здесь когда-то располагалась библейская деревушка Гафхефер, где по преданию и родился Иона. С этим бедолагой связана трогательная легенда. Во время сильнейшего шторма Иона был выброшен в море, где его с наслаждением проглотил кит. Три дня и три ночи во чреве китовом Иона замаливал свои грехи, и, в конце концов, был прощён. Ненасытной рыбине ничего не оставалось, как оторгнуть будущего пророка на берег к великому изумлению местных жителей.

Дальше Захар продолжал рассказывать о своей жизни. Делал он это, как я уже говорил, охотно, подробно отвечая на все мои осторожные вопросы. Его биография не отличалась никакими заметными взлётами или падениями. Голодное военное детство, учёба в школе через пень колоду и пять лет службы на флоте, где, получив специальность радио-телеметриста, даже участвовал в запусках ракет. После завершения службы вернулся в Харьков и работал настройщиком аппаратуры на релейном заводе.

В 1961 году он познакомился с очаровательной девушкой – Леной Ципарухой, которая вскоре стала его женой. Так в жизни Захара появилась и тёща – Лия Наумовна. Точнее, в жизни Лии Наумовны появился зять – Захар, пришедший в дом, как говорят в Украине, в приёмы.

Однако, пожалуй, имеет смысл обратиться к началу истории. А началось это в городе Черкассы. В конце XIX века население города Черкассы, бывшего казачьего поселения, насчитывало около 30 тысяч человек (сегодня – 300 тысяч). Причём по национальному составу больше трети составляли украинцы, треть была за евреями, а оставшийся люд принадлежал разным прочим этническим группам. Город, расположенный на живописных берегах Днепра, имел

строгую планировку и был застроен, главным образом, одно- и двух-этажными деревянными и каменными домами. На улице Крещатик находилось фотоателье моих бабушки и бабушки, которые смолоду овладели этой модной тогда профессией. Фотостудия Львув-Золотаревского пользовалась в городе большой популярностью, да и сохранившиеся снимки говорят о высоком мастерстве и изысканном вкусе фотографов.

Семейные предания сохранили любопытный эпизод. Однажды Николай II, едучи в Европу, сделал остановку в Черкассах и зашёл по совету местного градоначальника сфотографироваться в фотоателье Львув-Золотаревского. Они, разумеется, очень переволновались, но, как видно, всё сложилось удачно, потому что клиент остался доволен фотосессией и щедро отблагодарил. С тех пор фотография Императора в качестве наилучшей пиар-акции была повешена прямо напротив входа в студию. Отныне клиенты получали свои фотографии на роскошных паспарту с изысканными виньетками и персональным гербом, в центре которого красовался горделивый вензель «ЛЗ», увенчанный царской короной.

В соседнем с ателье доме жили приятели бабушки и

дедушки семья Заходеров. Лия Заходер родилась в 1898 году. Её появление на свет совпало с трагическим уходом из жизни матери во время родов. Отец – Наум Исаакович Заходер работал на «Черкасском механическом заводе», где в начале нового столетия в рабочей среде стали нарастать революционные настроения. Наум Исаакович много времени уделял посещению рабочих революционных кружков и чтению запрещённой литературы. Заботы о дочке взяла на себя бабушка, которая разговаривала с девочкой, понимается, на идиш. Лия росла, окружённая бабушкиной любовью и заботой, но стоило папе вечером переступить порог, как девочка радостно бросалась ему на шею, а бабушка уходила на второй план.

Пришёл 1905 год. Революционные события потерпели ошутимое фиаско. Наум Исаакович, спасаясь от неминуемого ареста, вместе с дочкой уехал сперва в Швейцарию, а затем уже обосновался в Германии. Там он встречался с видными социал-демократами, принимал активное участие в работе кружков, где и познакомился с молодой немкой еврейского происхождения. Вскоре они стали мужем и женой. Лия успешно училась в одной из берлинских школ, с лёгкостью осваивая немецкий язык. Она свободно говорила на немецком и на идиш. Прошли годы, и девочка превратилась в юную особу с твёрдым характером и острой потребностью к свободе и самостоятельности. Отношения с мачехой необратимо ухудшились. В это время в Европе явственно запахло войной, и Наум Исаакович решил отправить дочку назад в Черкассы. Он написал письмо Любове Борисовне (моей бабушке) с просьбой приехать в Берлин и забрать Лию. Интересно, что он с этой просьбой не обратился к двум своим вполне благополучным сёстрам. В начале 1914 года бабушка Люба заехала за девочкой и не без приключений перевезла её через границу.

На фотографии, о которой шла речь вначале, запечатлён момент их прибытия в Черкассы. На ней шестнадцатилетняя Лия, десятилетний дядя Шура, восьмилетний папа и неопознанная девица.

Лия с большой охотой училась фотоделу, что, в конечном

счете, стало главным делом всей её жизни. А бабушка с удовольствием делилась с девочкой секретами мастерства. В 1920 году Лия выходит замуж. Её мужем стал черкашанин Лев Ципаруха – человек неуёмной энергии, требующей выхода в пёстрой веренице жизненных планов. Спустя год у них рождается первенец – Зиновий, названный так в память о дедушке по отцовской линии. Зиновий погиб в 1944 году на территории Германии. Его имя вписано в книгу памяти воинов-евреев, павших в боях с нацизмом, находящуюся в музее Яд Вашем.

В августе 1924 года постановлением Президиума ЦИКа с целью привлечения еврейского населения Советской России к производительному труду (хороша формулировка!) был создан Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся. Лев и Лия восприняли это как сигнал к действию и переехали из Черкасс на территорию будущей автономной еврейской области. Спустя два года они уже трудятся в Хабаровске. Лия занимается фотографией, а Лев становится заготовителем по области и достаточно быстро достигает ощутимых успехов на этом поприще. Вообще, он относился к людям, которые умели делать деньги из воздуха. Во второй половине 30-х годов Лев Ципаруха оказался в кругу доверенных лиц маршала Блюхера. В 1937 году у Лии и Льва родилась девочка – Лена. Вскоре над Блюхером и его окружением стали сгущаться тучи. Ципарухи всей семьёй снялись с места и в 1938 году переехали в окрестности Воронежа, откуда они планировали перебраться в Харьков, где жили сёстры Льва. Переезд состоялся уже через год, но достаточно необычным способом. Они погрузили весь свой скарб на телегу, запряжённую коровой, и, переправившись через Дон, благополучно добрались до Харькова, преодолев за неделю пути расстояние свыше 300 км. В 1941 году Лев Ципаруха уходит добровольцем на фронт, откуда уже не возвращается, уйдя в вечность среди пропавших без вести.

Военные и первые послевоенные годы прошли, как у большинства семейств, находящихся на оккупированной территории или в эвакуации. Голод, нищета, разруха во всём. Однако постепенно жизнь налаживалась, люди работали,

учились, любили, растили детей и, наконец, просто наслаждались мирной жизнью.

Лия Наумовна, оставшись без мужа, всю свою жизнь посвятила воспитанию дочери. Леночка как-то очень быстро, незаметно для окружающих, превратилась в юную красавицу, излучающую душевное тепло и внутренний свет. Уже будучи на последнем курсе института, она познакомилась с моим новым знакомцем – Захаром Герчиком.

В 1961 году они стали мужем и женой. К тому времени Захар разочаровывался в прелестях заводской жизни. Больше всего его раздражали вертушка на проходной, определяющая строгую режимность, и маленькая зарплата настройщика релейной аппаратуры. Параллельно он осваивает смежные профессии. К началу 70-х он уже прекрасно шьёт обувь и разъезжает по окрестным сёлам, фотографируя всех желающих. Эта, как бы сейчас назвали, индивидуальная предпринимательская деятельность позволяла семье безбедно жить. К тому времени у Елены и Захара росли, широко раскрыв рты, двое сыновей. Сыновья быстро стали на ноги, и в условиях обвалившихся на головы людей малопонятных лозунгов об «ускорении» и «перестройке» с головой окунулись в бизнес. Однако дела не заладились, и братья оказались на мели. Родителям ничего не оставалось, как продать квартиру в Харькове, и отдать сыновний долг, увеличивающийся с каждым днём в геометрической прогрессии.

В 1989 году Заходеры покупают дом и участок земли в селе Шутовка в 40 км. от Харькова. Это была хата-мазанка, построенная сто лет назад зажиточным местным крестьянином, с глинобитным полом и четырёхскатной соломенной кровлей. Но главной достопримечательностью этого дома была огромная печь с полатами, на которых свободно могли разместиться четыре человека. Большой участок земли позволил семье перейти практически на натуральное ведение хозяйства. Перед домом благоухал фруктовый сад, окаймлённый изгородью кустов малины, смородины и поречки. В хозяйственной части хаты мирно уживались козы и куры. Соседи доброжелательно приняли городскую семью, тем более что Захар охотно принимал заказы на ремонт

различной обуви и устраивал фотосессии во время всех семейных и сельских праздников.

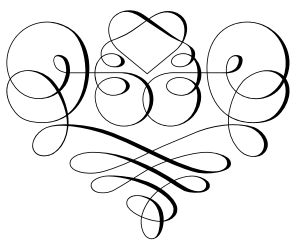
Но эта сельская идиллия тоже продлилась недолго. Возможность, как это тогда говорилось, лицам еврейской национальности, покинуть страну незаметно превращалась в программу действий. В 1999 году Захар и Лена уезжают на ПМЖ в Германию, где существующая там система социального обеспечения гарантировала им благополучную старость, а сыновья год спустя перебрались в Израиль. Там они рассчитывали успешно начать новую жизнь с чистого листа. Но реальность оказалась не такой безоблачной. Выяснилось, что жильё в Израиле стоит очень дорого и даже пресловутой мошканти (ипотечной ссуды) оказалось недостаточно, чтобы купить собственные квартиры. Поэтому сыновья со своими семьями вынуждены были пойти в дешёвые съёмные квартиры, расположенные в отдалённых районах города. Работы по специальности тоже не удалось найти. Пришлось довольствоваться заработками, полученными при выполнении малоквалифицированной работы. Но мысли о собственном жильё не давали покоя, и дети стали забрасывать родителей манящими письмами, в которых красочно расписывалась райская жизнь в Израиле. В ход шли любые доводы, вплоть до соображений о долге перед исторической родиной. Как бы там ни было, но родители в 2005 году переезжают в Израиль. Мошканта, которую получили старшие Герчики, пригодилась для приобретения младшим сыном собственной квартиры. А спустя какое-то время Лена и Захар всякими правдами, скорее неправдами, получили государственную жилплощадь в небольшом городке Нацрат Иллит.

Они стали жить в этой израильской провинции почти патриархальной жизнью. На социальное пособие (афтахат ахнаса) они умудрялись довольно благополучно существовать и даже ещё, как всегда, помогать своим великовозрастным детям. Неспешно шли годы, но в 2014 году уходит из жизни Лена, и Захар остаётся один. Потеря любимой жены лишает смысла самую жизнь. Днём Захар не находит себе места, но самым страшным была предстоящая ночь. Спасает лишь

компьютер, который Захар легко освоил, невзирая на свой преклонный возраст. Так, перебирая нити Всемирной Сети, он и натолкнулся на сообщение о том, что в Кёльне в Форуме Копелева состоялась презентация книги Валерия Золотаревского «Золотые россыпи Кёльна». Реанимировалось в памяти предсмертное пожелание тёщи. Захар с трудом отыскал в заброшенных фотоальбомах заветную старую фотографию. Так началась эта история...

Кёльн, 2015 год.

Жу и диагноз!

С годами начинаешь понимать, что анамнез собственных недомоганий становится всё более и более многогранным. Причём то, что внезапно обнаруживается, по тем или иным причинам остаётся со мной уже навсегда. То ли это особенности моего организма, то ли это специфика здешнего медицинского обслуживания глубоко пожилых людей. Дескать, чего ради тратить силы, время и деньги, если от человека уже, всё равно, нет никакой пользы. Хотя, справедливости ради нужно сказать, что в Германии даже тот уровень медицины, гарантированный нам, получателям социальной помощи, неизмеримо выше того, который доступен сегодня рядовому жителю в Украине.

Так вот, если приплюсовать к джентльменскому набору болячек, накопленных мною за долгую жизнь ещё и периодические кратковременные потери сознания то, как писал Николай Некрасов, «будет мой портрет готов». Я отключался часто и разнообразно, на улице и дома, в гостях и даже в учреждениях, не на шутку пугая окружающих. Постепенно выстраивался простой вывод: голова – моё слабое место. Два года врачи передавали меня с рук на руки, испытывая на мне разнообразные медицинские методики. Но их усилия оказались тщетны. И всё же мне захотелось вспомнить эту историю для того, чтобы описать моё недельное пребывание в ординарной городской больнице.

А произошло это так. Находясь на очередном приёме у невропатолога, я без видимых на то причин рухнул к её ногам. И, хотя через минуту я, сгорая от стыда, поднялся на ноги, опытный врач успела вызвать мне скорую помощь. Уже через пол часа меня с пристрастием допрашивали в приёмном отделении неврологической клиники.

Удовлетворив их профессиональное любопытство, я легкомысленно подпустил хорошенькую медсестру к вене на своей руке, чем она не преминула воспользоваться, наполнив около десятка пробирок моей драгоценной кровушкой. Затем меня, обескровленного, уложили на передвижную кровать (это притом, что в приёмный покой я пришёл своими ногами) и отвезли в палату.

В палате нас трое: пастор из Мюнхена, социальный

работник из Тройсдорфа и я – получатель базового обеспечения (вот так термин!) из Кёльна. Палата просторная, светлая, с туалетной комнатой и большим настенным телевизором. Не успел я толком оглядеться, как в палату буквально влетел наш палатный врач – герр Каминский, который, невзирая на явно славянскую фамилию, по-русски мог произнести лишь – «давай-давай». Он стал задавать буквально те же вопросы, что были мне заданы ещё в приёмном покое, затем сделали ЭКГ и взяли мазки из носа и паха. Так что до ужина время пролетело незаметно.

В 18-00 больных обносили ужином, который состоял из прозрачных ломтиков сыра и колбасы, трёх тонких кусочков моего любимого хлеба «Падеборнер», 30 гр. сливочного масла, плавленого сырка, йогурта и чая. При всей незамысловатости набора, ужин не всегда удавалось полностью одолеть. Вечер прошёл в разговорах с сопалатниками (это с моим-то немецким). Сотрудник социального ведомства попал в больницу после тяжёлого инсульта. Он плохо говорит, с трудом шевелит руками и ногами, но не теряет присутствия духа. Ему в мозг имплантировали стимулятор, который помогает справляться с простейшими жизненными задачами. Пастор тоже имел мозговую проблему. Во время разговора он

иногда неожиданно утрачивает способность разговаривать. Он находился в тревожном ожидании операции внутри черепа. Ему была запланирована постановка стента в один из сосудов мозга.

Утром проснулся от грохота за окном. Так жизнеутверждающе и просто звучала жизнь нового дня. В 7-30 – регулярный сестринский обход. Раздача таблеток, измерение давления и температуры (на 1 секунду в ухо вставляется небольшой приборчик с персональным наконечником) и противотромбозный укол в живот. Проведенные процедуры я со свойственным себе оптимизмом рассматривал как активную подготовку к завтраку. Утреннее меню мало чем отличалось от вечернего, только вместо хлеба приносили свежие булочки, а вместо чая – кофе.

Сегодня пастору будут делать назначенную операцию. Оказалось, что катетер должен под контролем следящей аппаратуры пройти длинный путь из паха до повреждённого сосуда мозга. Операция может продлиться около двух часов, если не возникнет никаких осложнений. После короткой прогулки, за время которой сделали влажную уборку я, возвратившись в палату, обнаружил, что на место увезенного на операцию пастора уже положили весьма общительного больного после лёгкого инсульта. Он имел все внешние признаки явного алкоголика или, как сейчас говорят, человека с пониженной социальной ответственностью. Наше общение напоминало бег с препятствиями по пересечённой местности. Но мне подфартило – привезли обед. Кстати, вполне приличный обед: грибной суп-пюре (даже с запахом грибов), курица с лапшой и овощами (под острым соусом), консервированный компот и два овсяных коржика (дирекция не щадит затрат). Послеобеденный отдых, напоминающий мёртвый час в пионерском лагере, был прерван визитом заведующего отделением. Его посещение оставило у меня стойкое ощущение, что он зашёл лишь для того, чтобы убедиться, что в приёмном отделении не были перепутаны наши фамилии. Ужин не принёс неожиданностей. Зато после ужина пришла жена и принесла очень вкусную клубнику.

Очень радовался её приходу, особенно, когда уплетал сочную красавицу.

Утром следующего дня (как и было назначено) за мной заехала машина и отвезла за 300 метров в кардиологический отделение, где на меня навесили на сутки два прибора: кардиограф и тонометр. И этот садист каждые двадцать минут пугал меня своим насосом, до боли стягивая руку. Пришлось терпеть. В палате опять смена состава. После обеда выписали социального работника. Выяснилось, что он сюда приезжает для контроля каждые полгода. Вместо него прибыл новый пациент – молодой человек с болями во всём теле. Чтобы он не расслаблялся, ему сделали мышечную биопсию, отщипнув кусочек бедра. На следующий день бедолагу выписали, пообещав дней через десять прислать результат гистологического обследования. Теперь ждём новое поступление. Не палата, а – ночлежка. Бригада операторов чистоты приступила к очередной уборке освободившейся кровати. Кстати, любопытное наблюдение – уборкой комнат занимаются исключительно турчанки, а перестилание кроватей и уборка тумбочек – прерогатива африканцев, в частности с Берега Слоновой Кости.

На время уборки я вышел в коридор подышать свежим воздухом и грохнулся в обморок. Когда я пришёл в себя, то увидел нависающего надо мной заведующего отделением, под ноги которому я и свалился. Он помог мне подняться и передал в руки дежурной сестре, отдав ей соответствующие распоряжения. Она отвела меня в палату, уложила в кровать и смазала места ушибов. Как сказал поэт: «Тогда считать мы стали рань». В активе моего грехопадения – два синяка (колени и кисть левой руки), головная боль (принял таблетку) и ощущение, что не зря здесь нахожусь.

Привезли нового больного. Огромный мужчина – килограмм под 150. Он подключён к аппарату, который вынужден носить в руках. Аппарат осуществляет мониторинг состояния крови, а при необходимости даже впрыскивает что-то, в том числе антисвертывающее, типа маркумара. На мою беду новичок оказался тоже очень разговорчивым. Так что вечер прошёл под знаком русско-немецкой дружбы.

Безоблачность этой картины несколько подпортило вторжение медсестры, которая каждый вечер задаёт один и тот же вопрос: «Был ли у меня стул?». Получив утвердительный ответ, она, окончательно успокоившись, желает всем нам спокойной ночи и удаляется.

Следующий день выдался особенно напряжённым. После завтрака за мной вновь прислали машину и отвезли в соседний корпус на ультразвуковое обследование сердца. Сопровождающий, подвёл меня к нужной двери и посадил напротив. Через полчаса мне надоело ждать и я, поймав очередной белый халат, поинтересовался, долго ли мне ещё ждать? На что в ответ она спросила, зарегистрировался ли я? Мысленно отругав сопровождающего, я пошёл искать регистратуру, а через три минуты меня уже положили на обследование. Это, как я понял, совмещённые две процедуры: сзади мне прилепили электроды кардиографа, а спереди доктор, старательно вымазав меня гелем, выдавливал мои внутренние органы ультразвуковым датчиком. А после обеда меня уже ждали в кабинете электроэнцефалографии. Правда, слово ждали не совсем отражает истинную картину. Опять пришлось ждать минут двадцать, пока не постучался вторично. Оказалось, они как раз с моим врачом просто заболтались. Оба извинились, и сестра, наконец, приступила к делу.

Продолжалось это около часа. И неудивительно, поскольку ей нужно было установить на моей несчастной голове двадцать электродов. Поначалу она, извинившись, нарисовала на ней фломастером двадцать точек (благо мой череп не обременён растительностью), затем для лучшего контакта протёрла отмеченные места наждачной бумагой, а дальше – больше. С помощью раствора гипса, она прилепила к голове все двадцать электродов, с отходящими от них проводами. Учитывая мой псориаз, процедура оказалась не из самых приятных. В довершение всего мне на голову надели сетчатый бинт в виде глубокой тубетейки, а противоположные контакты подключили к прибору, который уложили в сумку и повесили мне через плечо. Увидев себя в зеркале, я вздрогнул. Передо мной стоял персонаж из советского фильма о Великой Отечественной войне, только-только

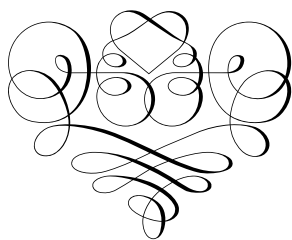
выписавшийся из полевого госпиталя. Не доставало лишь пары костылей. Теперь это безобразие нужно терпеть сутки, и к тому же ещё вести протокол, отмечая в нём всё, что я делаю с указанием точного времени происходящего.

Ночь, прямо скажем, не задалась, а утром после завтрака меня снова отвезли в кабинет электроэнцефалографии, где освободили от приборной сумки, и отскребли с моего много-страдального черепа электронную тубетейку. А перед самым обедом пришла сестричка и сообщила, что меня уже сегодня выписывают, и мне остаётся только дождаться заключительных документов и письма к моему домашнему врачу. Как говорится, подробности письмом. Правда, позднее пришёл палатный врач и заверил меня, что ими были проведены все необходимые обследования, но, к сожалению, установить диагноз так и не удалось. Он участливо посоветовал изменить направление поиска, поскольку у меня по их специализации всё оказалось в полном порядке.

Так что теперь на фоне практически богатырского здоровья я с чистой совестью могу падать в свои загадочные обмороки.

Кёльн, май 2011 года

Времена года

*Одна природа неизменна, но и та имеет свои:
весну, лето, зиму и осень.
Козьма Прутков*

Однажды, проснувшись среди ночи (а это со мной стало происходить всё чаще и чаще), я почувствовал какое-то беспокойство. Пытаясь распознать причину возникшего тревожного чувства, я долго ворочался в постели, но недосып оказался сильнее, и вскоре я уснул. Мне приснился сон, будто я сижу посреди амфитеатра Кёльнской филармонии, а на сцене за роялем великий Горовиц со свойственной только ему трогательной нежностью исполняет «Подснежники» П.И. Чайковского. И тут уж я проснулся окончательно. Оказалось, что разбудила меня идея, которая вполне логично произрастала из моей привязанности к давно любимому городу. Мне показалось, что Кёльн в контексте смены времён года может быть интересен не только мне.

Так «сон разума» и прозвучавшая в нём прелестная музыка подтолкнули меня к рассказу об особенностях времён года в нашем замечательном городе, их впечатляющем разнообразии и бросающейся в глаза самобытности.

К своему глубокому огорчению неожиданно обнаружилось, что мне стало всё труднее и труднее заставлять себя садиться за компьютер, чтобы продолжить работу над задуманными текстами. Кстати, дописав эту фразу, обратил внимание на то, с какой лёгкостью я применил глагол заставлять. Пожалуй, в этом то и всё дело. Но не отсутствие идей являлось тому причиной. На рабочем столе моего компьютера в тоскливом ожидании повисли уже с десятков незаконченных файлов-замыслов. «Не хотелось бы никого обижать» (дурацкая фраза, которую вот уже больше 10 лет со счастливым лицом произносит Ильдар Жандарёв в дебюте передачи «На ночь глядя») и уж тем более самому себе ставить диагноз, но вынужден признаться, что виною всему является просто возрастная лень. Как-то незаметно стали таять жизненные силы, а с ними, к сожалению, и обычно свойственный мне кураж.

Но, как писал В.В. Маяковский: «превозмог себя», и я сел за компьютер. Итак, старт дан!

Зима

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа
Снег выпал только в январе...

Александр Пушкин

Зима в Кёльне действительно явление относительное. К привычным атрибутам зимней одежды народ практически не прибегает. И неудивительно, ведь по оценкам службы прогноза погоды экспертов средняя температура воздуха зимой в Кёльне в дневные часы достигает $+5\text{ }^{\circ}\text{C}$, а в тёмное время суток падает лишь до $+3\text{ }^{\circ}\text{C}$. Снег выпадает крайне редко и держится всего два-три дня. Я это хорошо знаю, поскольку по договору о найме квартиры, как жителям нижнего этажа, нам приходится чистить от снега тротуар возле дома. Но, к счастью, кёльнский климат позволяет заниматься снегоуборочными процедурами не чаще двух раз за зиму.

Лишь однажды, если мне не изменяет память, это было в 2010 году, в Кёльн пришла зима, настоящая мягкая зима, с небольшим морозцем и тихими затяжными снегопадами. Правда, бывали дни, когда температура доходила даже до -13 градусов. Но это к вопросу о пресловутом глобальном потеплении.

В такие дни город совершенно преображается. Восторженно бьётся сердце при виде этой красоты, а лёгкие не вмещают щедрые дары морозного воздуха. Деревья стоят в накрахмаленных морозом нежно-белых кокошниках, а дома заботливо укрыты толстыми пушистыми снежными покрывалами. Соседская кошка, вышедшая очевидно тоже подышать, осторожно ступая по проваливающемуся даже под её мягкими лапами снегу, с удивлением замирает всякий раз прежде, чем сделать очередной шаг. А на ёлке под окном дрозды и синицы, возмущённо стрекоча, сбрасывают снежные препятствия с еловых лап, пробираясь к лакомым кормушкам. Всё вокруг искрится и сверкает. Жаль только, что зимний день такой короткий. Краски становятся всё темнее и гуще. И вот уже тени, удлиняясь на восток, гасят полностью слепящую белизну.

На протяжении всех трёх зимних месяцев в городе царит приподнятое праздничное настроение. Оно и понятно, ведь на это время года приходятся Рождество, Сильвестр и Карнавал. Уже с ноября месяца проходят бесчисленные так называемые карнавальные заседания, а, как на мой взгляд, так лучше сборища, где обсуждаются суммы, выделяемые

на карнавальные дни, карнавальные костюмы и сценки, которые будут разыгрываться во время завершающих шествий в последнюю неделю Карнавала. Тысячи жителей и гостей города в эти февральские дни заполняют улицы и площади, наблюдая бурлящее красочное зрелище. Под зажигательную музыку в толпу с празднично украшенных машин летят конфеты и цветы. Со всех сторон слышится на кёльнском диалекте традиционное «Kölle Alaaf!», что означает «Да здравствует Кёльн!».

25 декабря по григорианскому календарю весь католический мир отмечает один из важнейших своих праздников – Рождество Христово. Улицы утопают в пёстром калейдоскопе праздничных огней. Волшебную феерию дополняют пьянящие ароматы жареных сосисок, печёных яблок, корицы и глювайна. Звучат традиционные рождественские мелодии. Город практически находится во власти ликующей толпы, которая с завидным энтузиазмом штурмует многочисленные рождественские базары, где можно перекусить и выбрать подарки для своих родных и близких на любой вкус. Главные рождественские базары города находятся в его исторической части.

На площади Хоймаркт в предновогодние дни вырастает сказочный торговый городок, в объятиях которого уютно размещается один из самых больших в Европе катков с искусственным льдом. Базары на площадях Альтер Маркт возле городской ратуши и Ронкаллиплатц перед Кельнским собором утопают в сверкающих гирляндах, предлагая плотно снующей публике своё сувенирное изобилие и разнообразное праздничное угощение. Ветераном рождественского движения, безусловно, является ярмарка на самой большой площади города Ноймаркте. Зато самым необычным рождественским рынком является базар на территории Музея шоколада. Здесь господствует средневековая тематика, и широко представлены народные ремёсла. Хотите верить, хотите – нет, но по неподтверждённым данным рождественские ярмарки за месяц посещают до четырёх миллионов гостей.

Однако этому праздничному великолепию приходит конец уже 25 декабря. В этот день безжалостно

демонтировались все городские рождественские базары. Из квартир на улицу с необъяснимой поспешностью выбрасывались лишённые сверкающих украшений ещё абсолютно свежие ёлочки, глядя на которые тоскливо сжималось сердце. Ещё бы! За такими ёлочками в прошлой жизни приходилось выстаивать многочасовые очереди или платить за них втридорога. Потому не удивительно, что многие наши (в широком смысле этого слова) подбирают эти уже бездомные лесные красавицы, чтобы успеть украсить их у себя дома к 31 декабря.

Если Рождество это праздник семейный, то Новый год или Сильвестр, так он называется в Германии, обычно отмечают вне дома. К рождественским украшениям города добавляются забавные красно-белые человечки, карабкающиеся по стенам и балконам домов. Это рождественский дед – Санта Клаус, который забирается в дома католиков, принося собой главный зимний праздник. Вечером 31 декабря практически всё активное население и гости города высыпают на улицы и площади, и ровно в 12 ночи начинается форменное светопреставление. Шампанское льётся рекой, оглушительно рвутся петарды, и ночное небо расцвечивается праздничными фейерверками.

Ко всем этим земным зимним радостям следует ещё добавить ещё и Валентинов день – международный день влюблённых, которые к 14 февраля разносят магазины в поисках так называемых валентинок. В дополнение к сказанному хочется добавить, что в Кёльне есть знаменитый мост – Гогенцоллернбрюке, имеющий прямое отношение к этому дню.

Если идти вдоль него, можно увидеть, что решётки перил густо увешаны «замками любви». Так молодожёны пытаются скрепить свои, по всей видимости, не слишком крепкие брачные узы. Тысячи замочков и замков разного вида и цвета, с надписями и без, украшают или скорее портят строгие линии этого моста. По мнению специалистов, общий вес этих любовных металлических излияний уже переплюнул за пятнадцать тонн.

Весна

Как грустно мне твое явление,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волнение
В моей душе, в моей крови!

Александр Пушкин

Поразительная штука природа! Двух относительно тёплых дней хватает, чтобы всё очнулось от затянувшейся зимней спячки. Первыми на солнечные лучи, как всегда, отзываются кусты форзиции. Город вспыхивает ярко-жёлтой охрой их незатейливых соцветий, которые, не дожидаясь появления листвы, нагло и густо облепливают голые ветки. Аккуратные палисадники искрятся бело – голубым цветом крокусов и подснежников, синицы и дрозды своими весёлыми песнями приветствуют неожиданный приход весны. Повсюду запахи новой жизни.

Ощущение такое, словно, минуя весну, навалилось лето, напоённое пьянящими ароматами и нежным теплом. Почки деревьев обнажают своё изумрудное нутро, раскрываются бело – розовые колокола магнолий, золотом высокой пробы сверкают рапсовые поля, пышным цветом расцветают сакуры, а ещё не оттаявшая земля покрывается свежей зеленью травы. По улицам проносятся легкокрылые кабриолеты, у которых в прямом и переносном смысле сносит крыши. Молодёжь, как по мановению волшебной палочки, облачается в летние одежды: мальчики раздеваются до шорт и теннисок, а девочки в коротких топиках сверкают лаковыми животиками, украшенными пирсингом пупками и яркими татуировками на поясницах.

На балконах домов полыхают рубиновые огни гераней. Многие улицы города украшают милые сердцу киевлянина каштаны, с ветвей которых горделиво устремляются в небо, будто облитые тонким слоем парафина, кремово-розовые свечи. В мае месяце на улицах и площадях города можно увидеть так называемые майские деревья. Эти стройные стволы берёз, украшенные пёстрыми бумажными лентами,

устанавливают пыльные молодые люди перед домами своих возлюбленных. На лицо все признаки пробуждающейся жизни.

Уже ранней весной все пригодные для наружной рекламы поверхности города увешивались яркими афишами цирка Ронкалли, бессменным руководителем и одновременно коверным вот уже на протяжении 40 лет является Бернхард Пауль. Он всегда мечтал увидеть шапито и вагончики своего цирка на одной из центральных площадей Кёльна – Ронкалли-плац. Последние 25 лет с ним в Германии успешно конкурировал цирк великого Олега Попова, который часто гастролировал и в Кёльне с программой «Счастливый Ганс».

Говоря об особенностях весны в Кёльне, нельзя не упомянуть о городском ботаническом саду «Флора» – одном из старейших садов в Европе, созданном ещё в середине XIX столетия. Этот волшебный оазис, раскинувшийся посреди суетной городской жизни, является излюбленным местом отдыха жителей Кёльна. Особенно хорошо здесь весной. Первыми пробуждаются клумбовые пространства, поражающие своим фантастическим цветовым разнообразием тюльпанов,

нарциссов, гиацинтов и анютиных глазок. В марте здесь открываются двери павильона с богатейшей экспозицией каamelий, где царит фантазмагория цвета и формы.

В аллее рядом цветёт сирень, ошеломляя многочисленных посетителей своим пряным запахом. В прозрачных прудах лениво фланируют огромные зеркальные карпы, мирно уживаясь с олигархическими золотыми рыбками. Всё дышит покоем, радуется глаз и согревает душу.

Апогеем весны, безусловно, является Пасха – один из самых почитаемых и любимых праздников у немцев. В пасхальные дни кусты палисадников украшаются, как рождественские ёлки, разноцветными яйцами и забавными кроликами. С празднованием главного христианского торжества связаны интересные традиции, красивые обычаи и веселые забавы. Только во время пасхальных торжеств яйца, причём сразу крашеные, принести не куры, а весёлые праздничные кролики.

Лето

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.

Александр Пушкин

Судя по всему, мне повезло больше, чем Александру Сергеевичу. Каким-то волшебным образом лето в Кёльне обходится без всего выше перечисленного. Лето в Кёльне! Во-первых, это красиво! Лето в Кёльне – это море самых разнообразных цветов, бесовестно обнажающих свою манящую красоту, на фоне сочной цвета шартреза зелени, многократно промытой обильными кёльнскими дождями. В середине июля особенно бросается в глаза разноцветные шары шикарных гортензий. А во многих дворах по второму разу за лето расцветают лиловые гроздья глициний.

Летнюю жару смягчают многочисленные фонтаны (их в городе больше 100), водоёмы различной величины и ухоженности и, разумеется, великий Рейн. В эту пору года от кёльнских пристаней отправляются по экскурсионным маршрутам десятки прогулочных теплоходов вдоль пронзительно

красивых берегов Рейна. А как приятно прогуливаться берегом заросшего пруда. Недалеко от нашего дома, посреди лиственного леса, расположен небольшой водоём, который при солнечном свете сверкает всеми оттенками зелёного цвета от нежного салатного и яркого изумрудного до тёмного малахита. В нём вальяжно плавают огромные сазаны, резвятся стаи уток с утятами, а недавно там появились ещё и смешные маленькие серо-зелёные черепашки. Вокруг всё цветёт и дивно благоухает.

Говоря о летних месяцах в Кёльне, нельзя не рассказать о днях, когда в городе проходят футбольные матчи. Справедливости ради следует признаться, что в Кёльне команда не из лучших (возможно заслужено игроки в соответствии с эмблемой команды называются «козлами»), зато её болельщики – явление уникальное. Их преданность и жизнерадостность, громоподобность и пивной энтузиазм просто поражают. В дни матчей все виды городского общественного

транспорта забиты ими до крайности. Грохот барабанов, гуденье труб, пение и выкрикивание речёвок ошеломляют запредельными децибелами уши не причастных к этому празднику жизни пассажиров. При этом степень ликования не очень зависит от результата встречи. Городские власти с пониманием относятся к этой стихии, увеличивая количество транспорта на стадионных маршрутах. В места скопления фанатов вводятся дополнительные подразделения полиции, которые незаметно делают свою работу; а ночью, после того как пронесётся это футбольное торнадо, город приводится соответствующими службами в порядок быстро и самым тщательным образом.

В тёплые погожие летние дни активные представители не самых зажиточных слоёв горожан торопятся на так называемые трёдельмаркты или трёдели. Это на первый взгляд кажущееся загадочным слово, на самом деле просто означает – блошиный рынок или барахолка. Однако, не всё так просто. Для некоторых жителей Германии, как продавцов, так и покупателей это и увлекательная игра, и зона принуждённого общения, и демонстрация уважительного отношения к отслужившим предметам домашней утвари, и, наконец, удачно осуществлённый акт купли-продажи.

Бывает, «навозну кучу разрывая», находишь что-то нужное и даже редкое. На первых порах иммигрантской жизни блошиный рынок часто позволял решать мелкие бытовые проблемы. При этом прогулка по трёделю давала возможность, как говорится, себя показать и на других посмотреть, а заодно и обменяться самыми актуальными новостями.

Ежегодно в июле в Кёльне проводится великолепный праздник фейерверка на Рейне – фестиваль «Кельнские огни», который с каждым годом собирает все больше и больше зрителей. В течение получаса небо над Рейном озаряется миллионами разноцветных огней, сопровождается популярной современной оркестровой музыкой. На это грандиозное торжество пиротехники на Рейне сегодня съезжаются туристы со всех концов планеты. Оба берега и центральные мосты в исторической части города заполняются разгоряченной толпой. Террасы недавно построенной

правобережной набережной представляют собой очень удобные сидячие места для тысяч зрителей, которые с восторгом наблюдают за этим праздником света и цвета. Но вот в последний раз загораются в ночном небе пёстрые огни фейерверков, смолкает музыка, и толпы людей устремляются к остановкам общественного транспорта, вагоны которого непрерывным потоком, благодаря заботе городских властей, подходят один за другим.

Одной из самых значительных летних доминант в Кёльне является празднование Дня Кристофер-стрит. Эти торжества не имеют точной даты. Они проводятся (по каким-то неизвестным мне соображениям) в одно из воскресений с июня по август. В этот день во многих городах Германии проводятся ежегодные парады ЛГБТ (лесбиянок, геев, бисексуа-

лов и трансгендеров). У парадов сексуальных меньшинств в Кёльне своя почти 20-летняя история. Зрелищность этих шествий может сравниться, разве что, с карнавальными поездами в Понедельник Роз. Эти красочные шествия проходят по многим улицам старого города под непрерывные

рукоплескания восторженных зрителей. Перед изумлённой публикой проплывают стройные колонны очень красивых людей в ярких нарядных одеждах, а точнее, чаще всего почти без оных. И всё было бы просто отлично, если бы не одна проблема. Какой замечательный пропадает генофонд!

Осень

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса.
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса.

Александр Пушкин

Бабье лето в Кёльне это, пожалуй, самое душевное время. Разгар его приходится обычно на вторую половину сентября и первую декаду октября. Бархатное тепло, пьянящие ароматы разогретых осенним солнцем деревьев и калейдоскопическое разнообразие красок уходящего лета – от

обжигающе-карминного до нежной охры. Осень в Кёльне – это золотой ковёр опавших листьев, это пунцовые гроздья рябин, это тротуары, усыпанные лакированными плодами

каштанов. Кёльнского бабьего лета с нетерпением ждут замеченные в манящей семейственности опята – эти упругие лесные карлики, готовые буквально за ночь осуществить рейдерский захват ещё свободных лесных пеньков, а рядом водят хороводы серо-зелёные рядовки, образуя так называемые «ведьмины круги». Эти грибы после засолки особенно хороши в качестве оперативной закуски. Рюмашка охлаждённой водочки, и тут же вслед – солёный грибок. Да, что тут говорить! Жизнь удалась! Единственное, что может нарушить кёльнскую осеннюю симфонию, это дождливые дни, которые здесь, увы, не редкость. Не случайно Кёльн отдельные пессимисты иногда называют мочевым пузырём Европы.

Верным признаком прихода в Кёльн осени, хоть это и может показаться странным, является городской общественный транспорт, переполненный школьниками разного калибра. Летние каникулы завершились. «Дети! В школу собирайтесь, / Петушок пропел давно!». Утром, пока они ещё окончательно не проснулись, рядом с ними ещё можно находиться, не опасаясь за свою жизнь. В эти утренние часы они, практически не приходя в сознание, расползаются по своим Голгофам. Но с последним звонком эта лавина всей мощью своей нерастраченной весёлой энергии, круша традиционный немецкий орднунг, вырывается на свободу. И тут уже мало не кажется никому.

Осенние месяцы в Кёльне богаты различными торжествами и памятными датами. Это и позаимствованный у американцев Хэллоуин, и День всех Святых, и День святого Мартина, и, наконец, день открытия череды праздничных событий, связанных со знаменитым Кёльнским карнавалом. Любопытно, что все эти празднества происходят почти одновременно. Впрочем, это вполне объяснимо. К этому времени завершаются все сельскохозяйственные работы, что означает, как говорилось в одном известном фильме советских времён: «Народ к разврату готов!». Нужно отдать должное немцам – отдыхать они умеют самозабвенно и с полной самоотдачей.

Хэллоуин активно отмечает в основном молодёжь. Это

происходит вечером 31 октября накануне Дня всех Святых. Ряженные изображают из себя различных «ужасиков» – вампиров, зомби, вурдалаков и иную нечисть. У входных дверей домов выкладываются украшенные причудливыми прорезями оболочки тыкв, внутри которых горят свечи. Дети ходят по домам, стучат в двери, выкрикивая страшными голосами: "Сладкое, а не то будет кисло!". За это им полагается выносить затребованные сладости.

1 ноября – День всех Святых. По сути, это день поминовения. В Германии в этот день принято просто вспоминать и думать о своих близких, ушедших из жизни. В этот день многие семьи собираются за поминальным обедом в родительском доме, а затем вместе отправляются на кладбища к родным могилам.

Уже в конце октября во всех детских учреждениях Кёльна начинается подготовка к шествию, посвящённому Дню святого Мартина, который отмечают 11 ноября. Дети разучивают песни, посвященные святому, и мастерят фонарики (Laterne). А вечером 10 ноября горожане могут наблюдать удивительную процессию. Впереди выступает всадник с

красной накидкой на плечах на белом коне в одеянии римского легионера. Всадник символизирует святого Мартина. За ним движутся дети, держащие палочки с подвешенными к ним на проволочках латернами. Шествие завершается у костра, где дети представляют сценки из легенды о святом

Мартине. В этот вечер принято угощать детей какао и пряниками с изюмом в виде человечков.

Но самым ярким событием кёльнской осени, конечно же, является открытие "карнавального сезона". Это происходит 11 ноября в 11 часов 11 минут на Старой площади, где обер-бургомистр города вручает символические ключи от города заранее коронованному Принцу всемирно известного Кёльнского карнавала под радостные вопли толпы и звон пивных бутылок.

Не существует доказанной версии, почему начало карнавальных событий связано с цифрой «одиннадцать». Одна из них мне кажется наиболее вероятной, благодаря своей демократической сущности. По этой версии стоящие рядом единицы символизируют равенство всех участников карнавала. Одно несомненно – в этих цифрах есть какая-то магическая сила. К этому можно добавить, что боевые действия Первой мировой войны были завершены именно 11 ноября 1918 года в 11-00.

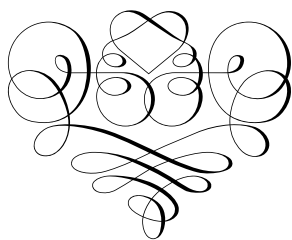
Но вернёмся на Старую площадь, где собралась костюмированная многотысячная толпа ликующих жителей и гостей города. С этого дня начинается трёхмесячный карнавальный марафон, который завершается во второй половине февраля уже полным сумасбродством – своеобразным оргазмом всеобщей радости. В это период, который немцы называют пятым временем года, по всему городу проводятся организационные мероприятия, собираются и тратятся огромные деньги на костюмы, на оформление и проведение завершающих шествий парадов, на тонны конфет, цветов и пива. Последняя неделя карнавала отличается особым безумием. Эйфория достигает апогея. Старожилы рекомендуют в эти дни вместе со всеми сходить с ума (в хорошем смысле этого слова), либо вовсе покинуть город.

Эти три карнавальных месяца, по сути, являются своеобразным связующим мостом между осенью и зимой. И это мне подсказывает, что полный цикл смены времён года в моём повествовании тоже завершён.

Кёльн, 2017 год

Жила – была девушка

Невыдуманная сказочка

В дальней стороне, в загадочной стране жили двое – мальчик М и девочка Д. Жили, не подозревая ничего друг о друге. А в это время добрая фея Фортуна уже приближала их друг к другу. Прошло совсем немного времени, и они, конечно же, познакомились. Девочка Д была похожа на юную принцессу Диану, а мальчик М – на маленького лорда Фаунтлероя. Ну, и как тут было не влюбиться. Все вокруг смотрели на них и любовались. Шли годы. Учёба. Работа. А нужно сказать, что учились они усердно, а работали – ещё лучше. Потому что знали: «Ученье и труд всё перетрут».

Вскоре они сыграли свадьбу и стали жить-поживать да добра наживать. И всё было бы хорошо, да вот незадача. Чего-то им в жизни не хватало. Конечно, они были счастливы, но счастья никогда не бывает достаточно. Им захотелось ещё, чтобы счастье бегало по квартире. И не зверушка, не игрушка, а любимая девчушка.

И тут вновь в их наполненную жизнь вмешалась добрая фея Фортуна. У них родилось чудо. На свет появилось прелестное дитя. Девчонка небесной красоты. Но вы не подумайте, что она была цвета небесной лазури. Это лишь означало, что малютка была также хороша собой, как небо в погожий летний день.

Как же все обрадовались: и девочка Д, и мальчик М. Только теперь они стали называться – мамой и папой. Но

это не просто название, а высокое звание – Мама и Папа. А кроме родителей у малышки были ещё бабушка и дедушка, которые, конечно же, были самыми лучшими бабушкой и дедушкой на свете. Их добрая фея Фортуна наградила ещё более высокими званиями – любимая бабушка и самый любимый дедушка.

И стали они всей семьёй гадать, как же девочку назвать.

Не спали дни, не спали ночи...

Ведь имя выбрать трудно очень.

Но скажу вам по секрету – нарекли Елизаветой.

И с тех пор Елизавета светит, словно лучик света.

Всем понравилось это имя. Теперь у Мамочки и Папочки был выбор. Для серьёзных разговоров очень подходило имя Елизавета, а во время игр и нежностей они называли девочку Лизой, Лизочкой или просто Лизок. Любимая бабушка почему-то стала называть крошку Витой или Витусей (впрочем, этому было объяснение), а самый любимый дедушка оказался ещё более изобретательным. Однажды, глядя на это дивное создание, он сложил губы трубочкой и умилённо произнёс: «Моя ты Пупося». В ответ Пупося нежно улыбнулась. Так и пошло.

Малышка росла умненьким и послушным ребёнком. Иногда, правда, бывало, что в неё залетала вредничка. И тогда она немножко вредничала и капризничала. В таких случаях даже самый любимый дедушка называл её Лизуля-капризуля. А любимая бабушка давала девочке что-нибудь вкусненькое, чтобы вредничка рассосалась и исчезла. И тогда Витуся вспоминала, что она очень даже легко может быть ласковой и послушной.

Ребёнок рос «не по дням, а по часам» и становился всё краше и краше. Мамочка и Папочка не могли наглядеться на свою девочку. А любимая бабушка и самый любимый дедушка смотрели на любимую внучку с гордостью, ощущая свою пусть скромную, но всё же причастность к появлению этого чуда.

У малышки нашей глазки словно у принцессы в сказке;

Ну, а носик, что за носик! Назовём его пупосик;

И черным черны ресницы у красавицы-девицы;

В перевязочках ручонки у прелестницы-девчонки.

С тех пор, как появилась Лизочка, каждому в этой дружной семье хотелось сделать ей что-то приятное, полезное, а главное, поучительное.

У самого любимого дедушки и любимой бабушки был загородный замок, куда они обычно удалялись от городской суеты на своём экипаже, запряженном двумя сотнями отличных лошадей. А, когда Лизок выросла настолько, что смогла самостоятельно не только ходить, но и бегать, самый любимый дедушка усадил её в свой роскошный экипаж рядом с любимой бабушкой и привёз их в загородный замок. Лизочке открылся новый мир. Всё было очень интересно, до всего хотелось дотянуться рукой и потрогать. С красивой террасы открывался волнующий вид на волшебный сад с заросшим загадочными растениями прудом, в котором весело носились золотые рыбки.

Витуся, крепко вцепившись в тёплую руку любимой бабушки, осторожно подкрадывалась к пруду, чтобы хорошенько рассмотреть, какие у этих красивых рыбок ножки, благодаря которым, не боясь их замочить, они так быстро носятся по воде.

Ах, ты глупая Витуся, – так сказала ей бабуся.

Где ж ты ножки видишь, где?

Рыбки плавают в воде.

Есть у них плавник и хвостик.

Могут плыть друг к другу в гости.

Обрадовалась Лиза и присела рядом с любимой бабушкой на скамеечку, стоящую у самой воды. Лиза не могла оторвать взгляд от зеркальной поверхности воды, в которой причудливо отражалось небо. По небу непрерывно плыли пушистые облака, похожие на стайку белоснежных одуванчиков.

После обеда, а нужно сказать, что Лизок была очень послушной девочкой, и почти всегда кушала с аппетитом, любимая бабушка уложила Витусю спать на любимую кровать. А, чтобы девочке лучше спалось, любимая бабушка всегда пела колыбельную песню, которую специально сочинила для неё.

Спи Витуся, засыпай. Пусть тебе приснится май.

Где деревья все в цвету. Глянь на эту красоту.

Ручку положи под ушко. Ручка мягче, чем подушка.

Спи Витуся, засыпай. Пусть тебе приснится май.

Когда воздух чистый, пряный, и, когда цветут тюльпаны.

Спи Витуся, засыпай.

Витуся внимательно слушала бабушкину колыбельную, пока глазки сами собой не закрывались. Ей действительно приснился майский сад, в котором проходил бал весенних бабочек. Они кружились в медленном вальсе, образуя яркие причудливые картинки, сменяющие, как в калейдоскопе, друг друга. Тут были и жёлтые лимонницы, и белые с чёрными прожилками капустницы, и нежно-голубые голубянки и даже царственный павлиний глаз. Лизочке приснилась стайка крохотных божьих коровок, сверкающих на солнце своими багряными, лакированными крылышками. Одна такая кроха, притомившись от кружения, села Витусе на ладошку.

Ну-ка, божия коровка, прояви свою сноровку,

Поскорей лети на небо, где, увы, нет ни воды, ни хлеба.

И потому там твои детки кушают одни котлетки.

Им бы дать небесной манны. Это было бы гуманно.

Тут комаха встрепенулась, к деткам тотчас же вернулась.

Ну, а Лизочка проснулась.

А после дневного сна с девочкой, обычно, проводил время самый любимый дедушка. Они занимались гимнастикой на детских тренажёрах, играли в различные весёлые игры, а в хорошую погоду шли гулять в лес. Лес встречал их густыми зарослями деревьев, которые всей своей лохматостью делали вид, что не хотят расступаться, чтобы дать им дорогу. И тогда Пупосе становилось страшновато. Ей казалось, будто её сердечко хочет выпрыгнуть наружу. Но, во-первых, это только казалось, а во-вторых, самый любимый дедушка крепко держал Пупосю за ручку и бодро напевал:

Нам совсем не страшен лес, много здесь красивых мест.

Если встретятся зверушки, будут Лизочке игрушки.

Соберём мы ягоды для домашней выгоды.

И расступятся дубы, чтобы нам собрать грибы.

Так что ты нас, лес, прости, к себе в гости пропусти.

Лес расступился, и самый любимый дедушка повёл свою любимую Пупосю знакомиться с лесным изобилием. Весело щебетали птицы, перелетая с ветки на ветку. На освещённой солнцем поляне, покрытой изумрудным мхом, их встретил небольшой пенёк, щедро усыпанный аппетитными опятами, а чуть в сторонке тихо шептались кусты лесной малины, сквозь ветви которых сверкали рубиновые ягоды. А воздух был такой, что домой идти совсем не хотелось. А надо было. Ведь любимая бабушка уже ждала с ужином. За ужином Витуся неожиданно зевнула, а это означало, что нужно было быстро идти умываться, и спатки, спатки, спатки... Осталось только одеть пижаму и нырнуть в хрустящие простыни. А любимая бабушка садилась рядом, чтобы рассказать Витусе на сон грядущий сказку.

В дальней стороне, в загадочной стране жила – была девочка...

Октябрь-ноябрь, 2017

Оглавление

Ехать надо	5
Наши в городе	7
Я беженец	22
В потёмках языкознания	34
Еврейство	42
Паутина	48
Метаморфоза	53
Записки выздоравливающего	70
Старость	94
Memento mori	102
Реабилитация	111
Пленительная гармония	121
Старая фотография	127
Ну и диагноз	138
Времена года	145
Жила – была девочка	161

ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

Такое... и думы

Операция на открытом сердце

Безответственный редактор – В.Золотаревский
Компьютерная вёрстка – Г.Пакман
В оформлении обложки использована репродукция
скульптуры Огюста Родена «Мыслитель»

КЁЛЬН 2018